

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2022

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 22.03.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,01. Тираж 140 экз. Изд. № 12071. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Язык и межкультурная коммуникация

- Молчанова Г.Г.* Цифровая трансформация образования и общества:
возможности и сложности 9
- Загрязкина Т.Ю.* Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном
дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере 17
- Ilson R.* Government of the people: a conundrum in a chef d'oeuvre 35
- Шевлякова Д.А.* Языковая идентичность этнического меньшинства:
основные направления актуализации (на примере фриульского
языка) 37

Когнитивные исследования

- Робустова В.В.* Основы концепции спирального развития значений
имен собственных 47
- Грецкая С.С.* Пространство как коммуникативный код и когнитивно-
функциональное моделирование аккультурации в художествен-
ном тексте 58
- Медведева Е.В.* От города-сада к городу-парку: о функционировании
урбанистической метафоры в тексте города 68
- Джабер М.Х.* Взаимодействие элементов понятийного наполнения
вербализованного концепта в диахронии 79
- Юсупов Х.У.* Реалии мира антиутопии как источник культурных
мемов 86

Язык. Познание. Культура

- Раевская М.М., Перетяцько А.В.* Метафоры современного испанского
спортивного дискурса как отражение национальной ментальности 94
- Крюкова О.А.* Проявления гендерного дискурса в творчестве Мари
де Гурне 106
- Орлянская Т.Г.* Девиз японского общества GAMBATTE 117
- Манченкова А.И.* Имя собственное как инструмент усиления коми-
ческого эффекта в театральном дискурсе 125

<i>Доу Чуньяо.</i> Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира	132
<i>Сюн Чанван.</i> Чувство стыда как реализация недовольства собой в русском и китайском языках	138

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Павловская А.В.</i> Пищевые утопии как отражение культурно-исторической традиции народов мира	146
<i>Карцева Е.А., Шлыкова О.В.</i> Российский паблик-арт: актуальные практики и тренды	169
<i>Хлебникова В.Б.</i> Героический эпос черногорцев как инструмент формирования и сохранения системы ценностей этноса	182
<i>Анастасьева И.Л.</i> Игровые тенденции русского искусства рубежа XIX–XX вв.	192
<i>Надежкина Е.С.</i> Особенности социальных медиа и рост гражданского самосознания пользователей КНР в XXI в.	203
<i>Лабунова А.С.</i> Социокультурное пространство «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси (попытка культурологического анализа)	211

Наша научная жизнь

<i>Карташева Н.В.</i> IX Международная научная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения» на ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова	218
--	-----

CONTENTS

Language and Intercultural Communication

<i>Molchanova G.G.</i> Digital Transformations in Education and Society: Potentialities and Complications	9
<i>Zagryazkina T.Yu.</i> The Hybridité Phenomenon in Humanitarian Discourse, Intercultural Communication and Cultural Transfer	17
<i>Ilson R.</i> Government of the People: a Conundrum in a Chef d'oeuvre	35
<i>Shevliakova D.A.</i> Linguistic Identity of an Ethnic Minority: The Main Directions of Actualization (On the Example of the Friulian Language)	37

Cognitive Studies

<i>Robustova V.V.</i> The Spiral Development Conception of a Proper Name Meaning	47
<i>Gretskaya S.S.</i> Space as a Communicative Code and Cognitive-Functional Modelling of Acculturation in Fiction	58
<i>Medvedeva E.V.</i> From Garden-City Concept to Park-City Concept: using the Urban Metaphor in the Text of the City	68
<i>Dzhaber M.Kh.</i> The Study of Lexical Concepts as Content-Bearing Mental Structures From a Diachronic Perspective	79
<i>Yusupov Kh.U.</i> Realia of Dystopian World as a Source of Cultural Memes	86

Language. Cognition. Culture

<i>Raevskaya M.M., Peretiakko A.V.</i> Metaphors of the Modern Spanish Sports Discourse as a Reflexion of National Mentality	94
<i>Kryukova O.A.</i> Gender discourse manifestations in the Works of Marie de Gournay	106
<i>Orlyanskaya T.G.</i> GAMBATTE as a Motto of Japanese Life	117
<i>Manchenkova A.I.</i> Proper Name as an Instrument for Enhancing Comic Effect in Theatrical Discourse	125
<i>Dou Chunyao.</i> Lexical Means of Verbalization of Human Age in Russian and Chinese Worldviews	132
<i>Xiong Changwang.</i> Sense of Shame as a Realization of Displeasure with Oneself in Russian and Chinese Languages	138

Tradition and Modern Trends in Culture

Pavlovskaya A.V. “Food Utopias” as Reflections of Cultural Traditions
of the People of the World 146

Kartseva E.A., Shlykova O.V. Public Art: Russian Optics 169

Khlebnikova V.B. The Heroic Epos of the Montenegrins as a Tool for the
Formation and Preservation of the Ethnos Value System 182

Anastasyeva I.L. Ludic Culture of the Russian Renaissance of the Turn
of the 20th Century 192

Nadezhkina E.S. Features of Social Media and the Rise of Civic Con-
sciousness among PRC Netizens in the 21st Century 203

Labunova A.S. Sociocultural Space of “The Forsyte Saga” By John Gals-
worthy (Culturological Analysis) 211

Our Academic Life

Kartasheva N.V. The 9th International Conference the Creative Individual
in the Cultural Context: Readings in Memory of V.I. Fatyuschenko . . . 218

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И СЛОЖНОСТИ

Г.Г. Молчанова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, dean@ffl.msu.ru*

Аннотация. XXI в. предъявляет новые требования к системе образования, в частности, к области гуманитарного знания. Цифровые инновации оказывают значительное влияние на науки и социум, расширяя доступ к материалам для исследования, обеспечивая ученым широкие возможности для сотрудничества, открывая целый ряд новых исследовательских методов. Одним из стремительно развивающихся направлений гуманитарных наук в последнее десятилетие стала «цифровая гуманитаристика» (“the digital Humanities”), которая представляет собой междисциплинарную область исследований, объединяющую методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных и социокультурных исследованиях и образовании. Преобразование историко-культурного наследия в цифровые форматы сделало возможным радикальное изменение нашего отношения к знаниям, культурному материалу, технологиям и обществу в целом. В настоящей статье в дискуссионном формате ставятся вопросы о том, какие возможности, перспективы и оптимизации ставит перед нами цифровизация науки и общества, с одной стороны, а с другой, какие неминуемо опасности и сложности подстерегают нас на этом пути, возможно ли их избежать? Или, по крайней мере, минимизировать?

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика; информационно-коммуникационные технологии; искусственный интеллект; социальные сети

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Цифровая трансформация образования и общества: возможности и сложности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 9–16.

DIGITAL TRANSFORMATIONS IN EDUCATION AND SOCIETY: POTENTIALITIES AND COMPLICATIONS

Galina G. Molchanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, dean@ffl.msu.ru

Abstract. The 21-st century impose new requirements on the system of the humanitarian knowledge and has a significant impact on the Humanities, providing scientists with a wide scope of opportunities for innovations, cooperation, opening a whole range of new research methods in the area of education and society in general. “Digital Humanities” is one of the most rapidly developing trend nowadays. It represents an interdisciplinary field of research that combines methods and practice of humanitarian, social and computational sciences to explore the possibilities of the application and interpretation of new digital, informational and communicational technologies in the Humanities and education. Nevertheless, the article focuses on what happens when the abilities of the artificial intellect and the importance of network ties are overestimated. Drawing on opinions and examples from different sources, it is argued that these processes produce a need for deep and cautious analytical investigation in order to prevent us and our students from further disappointment.

Key words: Digital Humanities; informative and communicative technologies; artificial intellect; network ties

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Molchanova G.G. (2022) Digital transformations in education and society: potentialities and complications. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–16. (In Russ.)

В настоящее время на основе уроков, извлеченных из онлайн-преподавания и обучения в период пандемии ковида, отчетливо обозначилась актуальность проблем цифровых инноваций и способов их интеграции в образовательную среду на разных уровнях обучения. Не вызывает сомнения, что развитие цифровых образовательных ресурсов так же, как и концепции создаваемых цифровых измерительных инструментов, открывают новые горизонты в обучении, позволяющие, например, оценивать уровень сформированности навыков владения иностранным языком, другие актуальные задачи, что, несомненно, благотворно сказывается на повышении качества и возможностей современной образовательной среды. Тем не менее нельзя не отметить, что на этом пути нас ждут не только «розы», но и «колючки».

Сошлюсь на последние достижения в насущной для нас области переводческого образования. Одной из самых востребованных для искусственного интеллекта, как известно, является задача распознавания речи или перевода с одного языка на другой. Сообщается, что за последние два-три года был достигнут в этом значительный прогресс: кампания «Майкрософт» превзошла профессиональных переводчиков с английского языка на китайский, правда, с оговоркой, что это перевод, а не воспроизведение литературного смысла, что, на мой взгляд, звучит весьма туманно и существенно снижает достижение, ведь хороший перевод – это и есть передача смысла, а не буквы.

Маршалл Маклюэн еще в конце XX в. предсказывал как естественный исторический процесс неизбежную замену «эпохи Гуттенберга» – т.е. книгу, печатный станок, – на эпоху визуализации, электронной медиакommunikации [McLuhan, 1995].

Навряд ли он все-таки ожидал, что его предсказание сбудется в такой гипертрофированной степени. В современном учебном процессе как школьном, так и вузовском, визуальная коммуникация если и не доминирует над вербальной, то идет с ней вровень (презентации и картинки вместо книг, постоянное использование визуального ряда на лекциях и семинарах) – все это не может не вызывать некоторого беспокойства. С. Лем, известный писатель и футуролог, рассматривал эту тенденцию как очень опасную для человечества: «Усиленная зрелищная “безъязыковость” в медиакommunikации представляет своего рода отступление от действий центральной нервной системы, в результате чего человек добровольно отдает труд мышления машинам и искусственному интеллекту, сам же при этом – смотрит картинки» [Лем, 2005: 165].

Нельзя не заметить, что в подкорке представителей новых поколений Y, Z и I-Gen стойко прижились идеи о том, что развитие цифровых технологий вообще может легко дать каждому все необходимое для жизни и комфорта, искусственный интеллект может создать справедливое общество, эффективное государство, победить коррупцию, т.е. это такая волшебная палочка для решения всех наших «вечных», «проклятых» проблем. Возникает уверенность, что искусственный интеллект мог бы автоматизировать сельское хозяйство, отсеять систематическую коррупцию, решить проблему избытия, т.е. создать ситуацию, когда не надо работать, всем обеспечен комфорт. Так ли это? Попытаемся разобраться в этой проблеме в двух ракурсах:

1. В обозримой перспективе. По мнению экспертов, искусственный интеллект будет оставаться просто средством решения задач, которые перед ним будут ставить люди, т.е. способствовать созданию

совершенного государства он сможет только, если на это будет воля политических руководителей этих государств. Как считают эксперты, искусственный интеллект будет отражать только те интересы, на которые он будет запрограммирован. Любой искусственный интеллект только оптимизирует те решения, которые выбирают люди. Более того, «сегодня должна идти речь о тенденциях роботизации и автоматизации производства, способствующих катастрофическому росту неравенства, расколу общества на небольшую прослойку элит, состоящих из смеси буржуазии, творческих меритократов и персоналиата, а всех остальных, лишенных субъектности, «лишних», полностью выключенных из экономики» [Давыдов, 2021]. Все получится, если государственная система построена на правильном стратегическом планировании и моделях экономики, если в основу ее стратегии лягут адекватные идеи и технологии усиления искусственного интеллекта. Если нет, то искусственный интеллект сам себе не поможет, а только усилит ошибки и перекосы.

2. В более далекой перспективе: как считают эксперты, ситуация может оказаться совсем иной. Дружественный искусственный интеллект, достигший уровня сверхинтеллекта, может установить свою власть и стать синглтоном, как его называет Ник Бостром. Синглтон – это единый всемирный правитель, который может сформироваться как некая форма либо мирового правительства, либо искусственного интеллекта, либо диктатуры.

Искусственный интеллект может, получив глобальный контроль над управлением, проявить себя и как недружественный, заняться реализацией собственных планов и интересов, не предусматривающих благополучие и комфорт человечества. Но, даже если повезет с его настроем, все может повернуться не самым благоприятным образом. Здесь есть определенные риски. Если искусственный интеллект будет не вполне понимать человеческие ценности, он будет «причинять» людям добро так, как он себе это представляет. А мы знаем, например, из теории и классификации Герта Хофстеде [Hofstede, 1980], насколько может различаться понимание главных ценностей у представителей разных культур, и это может быть смертельно опасным. Таким образом, надежда на роль искусственного интеллекта в решении межкультурных коммуникативных помех и их устранение представляется весьма призрачной, если не минимальной. Согласимся с мнением, что никакие технологии, никакие распознаватели лиц, чипы и т.д., не способны переломить то, что лежит в самом основании общества или явления. Коррупция – проблема общественная и системная, а в этом случае она может быть решена только путем структурных изменений, а не технологическими паллиативами, всегда имеющими разные воз-

возможности применения в разных коммуникативных контекстах. Пока положительный функционал использования этого инструмента в борьбе с коррупцией сомнителен. Если же рассматривать проблему в очень дальней перспективе, то, как считают ученые, для дружественного искусственного интеллекта, ставшего всемирным правителем, устранение коррупции не будет никакой проблемой. Он, по сути, подменит собой все остальные функции государства, став таким добрым всемирным царем. Здесь есть свои, и немалые, риски. Даже если представить, что проблемы с избыточным пропитанием всего человечества, обеспечением жильем, социальными благами будут решены сельским хозяйством под управлением искусственного интеллекта, все равно бороться с нуждой и необходимостью можно бесконечно. Победив онкологию, надо будет бороться со старением, с поломками в геноме, с минимизацией бесконечно возникающих рисков и т.д., и т.п. Одни ресурсы приходят на смену другим. Получается, что, если искусственный интеллект и сможет обеспечить некий справедливый прожиточный минимум, то вряд ли он сможет обеспечить неограниченное потребление. И то при условии, что всемирный синглтон будет вполне дружественным и не будет иметь своих соображений по части оптимальной численности человечества, полезности тех или иных его групп, видов и т.п.

Прогресс продвигают великие идеи, вспомним, как все начиналось. Одной из первых задач для ученых был взлом кодов фашистской Германии, что удалось математику Алану Тьюрингу («Энигма»); потом была задача запустить ракету на Луну – нужен был компьютер. Тогда казалось, что достаточно 1 000 компьютеров, чтобы решить все проблемы человечества – такие невообразимые дали и задачи открывали компьютерные технологии. Есть гипотеза, что настоящий сильный искусственный интеллект будет сделан именно на квантовом компьютере. Свойства квантового мира таковы, что его регистры кубиты будут находиться в суперпозиции (т.е. в состоянии 0 и 1 одновременно). Благодаря этому система будет не по очереди перебирать все возможные варианты, как это делает обычный компьютер, а позволит обрабатывать информацию суперпараллельно, одновременно во всем множестве ее состояний. Это очень похоже на наше с вами восприятие мира, на ассоциативное мышление. Сейчас в работе у исследователей ультимативная идея квантовых технологий, достоверно создан прототип квантового компьютера с двумя кубитами. С помощью будущего квантового компьютера как инструмента познания мира можно достигнуть многого в решении задач по оптимизации нашей жизни. Например, в логистике – от движения транспорта без пробок до прокладки трубопроводов и расписания электричек; в области поиска новых

материалов, например, в создании формулы сверхпрочного и одновременно сверхлегкого композита; в создании сверхчувствительных датчиков магнитного поля для считывания нейронно-мозговой активности, детекторов фотонов для приборов, определяющих при помощи лазерного луча расстояние до объектов и т.д. Мощный квантовый компьютер сможет быстро создавать молекулу от любого вируса, находить решение любой задачи из миллиардов возможных комбинаций.

Квантовые технологии, несомненно, кардинально изменят нашу жизнь. Эксперты полагают, что к 2050 г наше сознание и компьютер станут одним целым, т.е. мы будем настолько сильно интегрированы с компьютером, что наш мозг, полностью воспроизведенный в цифровом пространстве, создаст цифрового двойника. Это несет несомненные преимущества: например, возможность быть одновременно в нескольких местах, внедрять в свой организм много новых различных сенсоров, обходиться без клавиатуры и мышки – все будет происходить силой мысли.

К сожалению, цифровой прогресс несет с собой и существенные риски, жизненно важные для человека и общества. Их тем больше, чем больше мы внедряем в нашу жизнь различные киберустройства. Известный профессор университета (Германия) Манфред Таллер, отметив несомненно положительную роль цифровых трансформаций в образовании, тем не менее предостерег от «опасности в развитии цифровых гуманитарных наук таких явлений, как акцент на инфраструктуру исследований в ущерб аналитическим методам и инструментам; сужение цифровых возможностей до применения информационных технологий в отдельных областях гуманитарных наук; угроза, исходящая от надвигающейся «мобильной революции», которая может привести к повторению разрушительного процесса, происходившего в ходе «ПК- и интернет-революций»; потенциальная возможность для цифровых трансформаций «сыграть более активную роль не только в восприятии технологий, но и в их развитии» [Таллер, 2012].

Уже сейчас наблюдаются случаи, когда киберустройства могут взламывать вживленный искусственный стимулятор сердечного ритма, останавливать его или опасно ускорять. Чем больше датчиков, тем легче будет их взламывать и управлять поведением их носителя. Например, если датчику, регулировавшему выделение гормонов у больного, передать команду на ускорение или, наоборот, на прекращение выработки тех или иных веществ, то человека можно заставить впасть в эйфорию или в состояние необоснованного ужаса. Но самое плохое – когда человеку диктуют волю, а он считает, что действует совершенно самостоятельно. Давно известно, что

любая политическая или религиозная идеология – это управление, но сейчас одним из наиболее действенных способов управления становятся социальные сети, которые развились до такой степени, что стали диктовать миру свои правила: что делать, как жить, какие слова можно, а какие нельзя говорить, какую фамилию носить. По мере развития искусственного интеллекта становится возможным все более учитывать психотип человека и все успешнее управлять его поведением, заставляя, например, делать ненужные покупки, затраты и пр. Все это не так безобидно, как кажется, и сегодня даже возникло такое терминологическое понятие, как «цифровой фашизм», подразумевающее новые мировые тренды, связанные с реформатированием сознания, оцифровкой и как следствие, тотальным контролем за популяцией человека. Подчас агрессивно насаждаемая, трансгуманистская новая реальность тревожит и раздражает людей, даже появился новый термин: «наступающий цифровой фашизм». При, может быть, излишней запальчивости и категоричности этих определений, авторов можно понять: они подвергаются «забаниванию» в Facebook по причине своих «неполиткорректных» фамилий: Хохлов, Негров и т.д. Инциденты с автоматическими алгоритмами в Сети начались в 1996 г., когда фильтр ненормативной лексики американской почты AOL «забанил» целый британский город Сканторп (Scunthorpe), поскольку внутри названия прячется неприличное слово, и сейчас обладатели традиционных имен, таких, например, как Dick, или известной фамилии Fucker, испытывают сложности. Очень незаметно мы можем оказаться в дивном мире «цифрового концлагеря». Четкое осознание этой опасности пришло 4 октября 2021 г., когда весь мир вздрогнул оттого, что на несколько часов отключились Сети! Катастрофа для молодежи, и не только, привела к самому настоящему наркоманскому абстинентному синдрому, возникающему при отлучении от наркотиков или азартных игр. Медики фиксируют: возбуждение; безотчетный страх; паническая атака; апатия; слабость; заторможенность; тремор; тошнота; спутанность сознания; вплоть до галлюцинаций, – это реакция центральной нервной системы на резкое прекращение контакта с тем, на что организм уже успел сформировать зависимость. В данном случае это – Социальные Сети. Дело не в том, как именно психоактивный фактор, вызывающий зависимость, попадает в организм, дело в нашем мозге. Зависимость от Интернета – одна из самых сильных и опасных, так как от нее еще не найдено медикаментозного лечения. Подводя итоги вышеизложенному, можно сказать одно: цифра – обоюдоострое оружие и обращаться с ним следует осознанно и аккуратно, чтобы не навредить нашим студентам – юным поколениям айдженеров (I-Gens), свято поверившим в цифровое светлое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лем С. Молох. М., 2005.
2. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость в межкультурной коммуникации. М., 2014.
3. Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. Екатеринбург, 2021. № 6. С. 3–13.
4. Таллер М. Дискуссии вокруг “Digital Humanities” // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13.
5. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
6. McLuhan M. *Essential McLuhan*. N.Y., 1995.

REFERENCES

1. Lem S. 2005. *Moloh*. [Moloch]. Moscow, Tranzit kniga. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2014. Kognitivnaja polikodovost' v mezhkul'turnoj kommunikacii [Cognitive polycode nature of intercultural communication: verbal and non-verbal]. Moscow, OLMA-Press. (In Russ.)
3. Davydov D.A. 2021. Postkapitalizm i klassovaja transformacija v sovremennom obshhestve: ot klassa-osvoboditelja k novomu antagonizmu? [Post-capitalism and class transformation in modern society: from a liberator class to a new antagonism?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.)
4. Taller M. 2012. Diskussii vokrug “Digital Humanities” [Discussing “Digital Humanities”]. *Istoricheskaja informatika. Informacionnye tehnologii i matematicheskie metody v istoricheskix issledovanijah i obrazovanii*, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.)
5. Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage.
6. McLuhan M. 1995. *Essential McLuhan*. N.Y., Basic Books.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 15.08.2021;
approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, dean@fl.msu.ru

About the author

Galina G. Molchanova – Dr. Habil. in Philology, Professor, Head and Chair of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, dean@fl.msu.ru

ФЕНОМЕН HYBRIDITÉ / ГИБРИДНОСТЬ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И КУЛЬТУРНОМ ТРАНСФЕРЕ

Т.Ю. Загрязкина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении феномена *Hybridité / Гибридность* как точки пересечения языка и культуры в контексте понятий: «иной» – «чужой»; «граница»; «третье пространство»; «культурный перевод», «перевод», «культурный трансфер» и др. С учетом концепций М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Р. Якобсона, Ж. Дерриды, К. Леви-Строса, Х. Бхабха, Б. Кассен и других авторов, а также словарных дефиниций, устанавливается, что эволюция лексемы *Hybridité/Гибридность* представляет собой тройной трансфер: 1) из одного языка (французского) во многие языки; 2) из одной терминосистемы в общий язык и другие терминосистемы (биология – филология – общий язык – антропология, культурология и др.); 3) из одной культуры в другую / другие. Лексема обладает значениями гетерогенности, перехода границ, отсутствия фиксированной структуры, высокой степени изменчивости, а также коннотациями: положительными (креатив, жизненная сила, появление нового), отрицательными (неправильное, испорченное), в научной речи – нейтральными, в отдельных случаях – сниженными (неструктурированное). Феномен гибридности лежит в основе ряда теорий, устанавливающих разные направления межкультурного взаимодействия в рамках дихотомии «иной» – «чужой»: 1) акцент на культурных различиях, имитации, амбивалентности и бесконечной гибридизации культурных символов (теория постколониального дискурса Х. Бхабха); 2) констатация различий и поиск интеграции (интеграция непереводаемых знаков у Ю.М. Лотмана; концепция непереводаемого в философском дискурсе Б. Кассен).

Ключевые слова: гибридность; иной; чужой; граница; третье пространство; культурный перевод; перевод; постколониальный дискурс; непереводаемое; язык; культура

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Загрязкина Т.Ю. Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34.

THE HYBRIDITE PHENOMENON IN HUMANITARIAN DISCOURSE, INTERCULTURAL COMMUNICATION AND CULTURAL TRANSFER

Tat'yana Yu. Zagryazkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tatiana_zagr@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the phenomenon of Hybridité / Hybridity as a point of intersection of language and culture in the context of the concepts: “another” – “foreign”; “the border”; “Third Space”; “cultural translation”, “translation”, “cultural transfer”, etc. Taking into account the concepts of M.M. Bakhtin, Yu.M. Lotman, R. Jacobson, J. Derrida, K. Levi-Strauss, N. Bhabha, B. Cassin and other authors, as well as dictionary definitions, it is discovered that the evolution of the lexeme Hybridité/Hybridity represents a double transfer: 1) from one language (French) to many languages; 2) from one system of terms into a common language and other term systems (biology – philology – common language – anthropology, cultural studies, etc.). The lexeme has the meanings of heterogeneity, border crossing, lack of a fixed structure, a high degree of volatility, as well as connotations: positive (creativity, vitality, the emergence of something new), negative (wrong, spoiled), in scientific discourse – neutral, in some cases – reduced (unstructured). The phenomenon of hybridity is at the heart of a number of theories that establish different directions of intercultural interaction within the dichotomy of “another” – “foreign”: 1) emphasis on cultural differences, imitation, ambivalence and endless hybridization of cultural symbols (H. Bhabha’s theory of post-colonial discourse); 2) emphasis on identifying differences and searching for integration (integration of untranslatable signs by Yu.M. Lotman; the concept of the untranslatable in the philosophical discourse of B. Cassin).

Key words: hybridity; another; alien; the border; Third Space; cultural translation; translation; cultural transfer; postcolonial discourse; untranslatable; language; culture

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2022) The Hybridité Phenomenon in Humanitarian Discourse, Intercultural Communication and Cultural Transfer. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.)

Изучение современных тенденций в гуманитарном познании привлекает особое внимание исследователей [Постовалова, 2016]. Ранее в нашем журнале были проанализированы концепции, согласно которым в «дискурсе современности» обнаруживаются повторяющиеся слова и образы [Загряжкина, 2021(2)], а также изучен

феномен *mobilité* / *мобильность* в образовательном дискурсе [Загряжская, 2021(3)]. В данной статье мы продолжаем это направление и обращаемся к слову и образу *hybridité* / *гибридность* на примере концепций М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Р. Якобсона, Ж. Дерриды, К. Леви-Строса, Х. Бхабха, Б. Кассен и др. и с учетом словарных дефиниций,

Изучая дискурс гуманитарных наук, Ж. Деррида подчеркивал гетерогенный характер его структуры: она «не определяется единым и устойчивым центром или даже сменой центров, а содержит компонент игры – постоянного движения, подстановок и перестановок множества знаков» [Derrida, 1967]. Ж. Деррида цитирует К. Леви-Строса, сравнившего дискурс с бриколажем, а его участников – с бриколерами: «Бриколер, – говорит он, это тот, кто пользуется «подручными средствами», то есть инструментами, которые он находит в своем распоряжении вокруг себя, которые уже тут, которые не были специально задуманы ради операции, для коей их заставляют служить и к каковой их методом проб и ошибок пытаются приспособить, без колебания меняя всякий раз, когда это покажется необходимым, пробуя по несколько сразу, даже если происхождение и форма их предельно разнородны, и т.п.» [Деррида, 2000: 358]. По данным словаря *Trésor de la langue française* (далее – TFL), слово *bricolage* обозначает работу, выполняемую свободно, для удовольствия или в целях экономии, и имеет коннотации прерывистого действия; подвижного сочленения разнохарактерных элементов, которые можно заменить; разнородности, изменчивости, перекомпоновки¹. Эти характеристики отчасти сопоставимы с концепцией полифонии М.М. Бахтина [Бахтин, 1979] и с идеями Ю.М. Лотмана о неоднородности семиосферы и «вторжении в смысловое пространство разнообразных «случайных» элементов», которые «вступают в игру с основными структурами» и др. [Лотман, 2004: 101; 72].

Метафоры игры, бриколажа как свободного сочетания элементов отсылают к слову и образу *гибридность*. Рассмотрим его динамику на примере французской лексемы *hybridité* (от *hybride*), ассимилированную во многих языках и ставшую интернациональным термином.

Согласно словарю TLF, лексема *hybridité* (существительное жен. р.) имеет довольно позднее происхождение: его первая письменная фиксация относится к 1828 г.². Между тем прилагательное (*hybride* < лат. (*hybrida*, *hybris* – бастард; перемешанная кровь (о лю-

¹ Trésor de la langue française informatisé. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/bricolage#top> (дата обращения: 08.11.2021).

² Ibidem. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/hybridite#top> (дата обращения: 08.11.21).

дах и животных) впервые зафиксировано раньше, в 1596 г., в период активной релатинизации французского языка и развития научной терминологии на ее основе. В XVI в. прилагательное(*h*)*ibride* использовалось в биологии в значении «происходящий от двух разных видов». Однако уже в середине XVII в. оно стало использоваться в трудах по грамматике для характеристики слов, составленных из элементов разных языков, например, в работах лексикографа и грамматиста, К. Вожла *mots ibrides* (1647). Наконец, в 1832 г. *hybride* употреблено в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в расширительном значении «состоящий из разрозненных элементов» (*composé d'éléments disparates*) и с уничижительной коннотацией: *cet entassement hybride d'arcades* («это беспорядочное нагромождение аркад»). Считается, что на орфографию с начальной *h* повлияло сближение латинского этимона с греческим ὕβρις “violence” (насилие).

Трансфер слов и понятий *hybride*, *hybridité* из биологии в филологию и общий язык продолжен и в современном языке, ср. значения: а) естественное или искусственное скрещивание двух видов, рас, разновидностей (о животных, растениях, людях); б) происхождение элементов сложного слова из разных языков: например, *bicyclette*, латинский префикс *bis*, греческий корень *cycle* и уменьшительный суффикс *-ette*; в) отсутствие принадлежности к какому-либо типу, жанру, стилю с коннотацией «составленный из различных элементов странным, причудливым способом (*bizarrement*)». Синонимы: *hétéroclite*, *composite*, *bâtard* (разношерстный, разнородный, бастард)³. С учетом аллюзии на насилие (см. выше) возможны уничижительные коннотации как чего-то «неправильного», «испорченного», «нелегитимного», усиливающиеся в националистических и расовых теориях.

Между тем в конце XX – начале XXI в. «биологическая», часто уничижительная, характеристика лексемы *hybride*, *hybridité* ослабла, и усилилась ее культурная составляющая. Гибридность, или «культурная метисация», имеет положительные коннотации как носитель новых ресурсов – свободы, находки, изобретательности [Audinet, 1999: 27, 43]; креативности, силы, оригинальности [Bernardot, 2018: 6]. Эти смыслы учитываются, в частности при изучении креолизации языков. В результате переноса лексемы *hybridité* в другие области знания она превратилась в один из «кочующих», или «номадических», терминов, преодолевающих границы между дисциплинами [о трансфере терминов см. Афинская, Алтухов, 2020; Ирисханова, Киосе, 2016] и усиливающих роль междисциплинарно-

³ Trésor de la langue française informatisé. Op.cit. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/hybridité#top> (дата обращения: 08.11.21).

го знания. Все это привело к тому, что лексема *hybridité* заняла важное место в понятийном аппарате исследований разных направлений. Вместе с тем раздаются голоса о нечеткой дефиниции этого термина и создании ложного представления об исходной гомогенности смешанных структур [Feussi, 2014: 10–11]. Оценка смешения как факта нарушенного равновесия превращают его в переходный и вторичный факт, хотя на самом деле «любая система – это постоянный переход от одного вида равновесия к другому, и нет механизма возврата к «норме»» [Gruzinski, 1999: 53, 54].

Идея перемешивания культур разрабатывается и с иных позиций, исключающих существование равновесия и даже временно фиксированных форм. Так, концепция «ризомы» Ж. Делеза – Ф. Гваттари отсылает к образу разветвленного и постоянно разветвляющегося корневища, переплетения линий, страт, сегментов [Deleuze, Guattari, 2014: 9–19]. Процесс «бесконечной гибридации» рассматривается в теории постколониального дискурса Х. Бхабха⁴, отвергающего идею гомогенной национальной и этнической культур на примере ситуации мигранта, находящегося на границе принимающей группы [Бхабха, 2005; Bhabha, 2006; 2007].

Х. Бхабха утверждает, что культура производится как непохожесть, инаковость. Он опирается на понятие культурного различия (*différence culturelle*) и противопоставляет его понятию «разнообразие культур» (*diversité culturelle*), или мультикультурализму. Последний не поддерживает, а сдерживает и рассеивает культурные различия, так как способствует иерархизации культур бывших колоний доминантной (западной) культурой. В результате ранжирования местные культуры включаются в систему референций господствующей культуры и утрачивают цельность. Бхабха отвергает этот универсалистский подход и утверждает, что культуры разных групп не могут быть стратифицированы по причине их несоизмеримости (*incommensurabilité*) [Bhabha, 2006: 96–97].

При контактах этих культур осуществляется «культурный перевод» (*traduction culturelle*) – символическая и знаковая деятельность, представляющая собой интерпретацию и передачу фрагментированных культурных представлений одной культуры в другую. Под действием фактора различия происходит разделение «означающего» и «означающего» культурного знака, и фиксированный и однозначный знак одной культуры раскалывается и трансформируется во множество полисемантических знаков, нефиксированных и амбивалентных культурных символов. Х. Бхабха не приводит четкого

⁴ Фамилия *Bhabha* в российской научной литературе транскрибируется двояко: *Баба* или *Бхабха*; в статье используется второй вариант.

определения «культурного перевода», но объясняет, что это «не то, чем является перевод книги с английского на французский». Это процесс «объективизации культурного смысла», «отчуждения от себя самого»; «мотив [человека] интерпретировать культуру», «способ имитировать оригинал», при том что сам оригинал «никогда не бывает завершен и осуществлен». Таким образом идея оригинальной, изначальной, коренной культуры опровергается, «и становится ясно, что все формы культуры вовлечены в бесконечный процесс гибридации» и «являются объектом своего рода перевода» [Ibidem: 98–99].

В процессе «культурного перевода» происходит имитация символов иной культуры, мимикрия и фрагментация идентичности, при этом социальные отношения между группами квалифицируются как противоречивые и даже антагонистические. В постколониальном дискурсе, литературном и политическом, отмечают отношения «переговоров» и амбивалентных представлений: черная кожа – белые маски⁵, колонизатор и колонизируемый, создатель имиджа и подражатель, уроженец данной местности и чужак. Подчеркивают двойственность субъекта этого дискурса [Щербак, 2019: 517], «стремление к навсегда утраченной целостности», с одной стороны, и «расщепленность и беспокойство» – с другой [Дробышева, 2010: 113]; Д. Жиру использует термин «культурная неуверенность» (*incertitude cultrurelle*) [Giroux, 2016].

По мнению Х. Бхабха, «культурный перевод» и гибридизация контактирующих форм локализованы в промежуточном «третьем пространстве», при этом одно понятие объясняется через другое: «гибридность для меня – это «третье пространство» (*tiers-espace*) [Bhabha, 2006: 99]. Чтобы уточнить значение этого термина⁶, рассмотрим эволюцию первого компонента сложного слова – французскую лексику *tiers*. По данным словаря TSL, *tiers* (прилагательное; существительное м. р.) засвидетельствовано во французском языке уже в конце X в. (*terz, terce*) для обозначения явления, человека, общества, не принадлежащего ни к одному, ни к другому, *ni l'un ni l'autre* (*ни то(т), ни другое(ой)*) Ср. обозначение *Tiers-État* – третье сословие, не дворянство и не духовенство. Фиксируется также коннотация отстраненности, дистанции: *Tiers arbitre, Tiers expert* – арбитр, который выбирается двумя сторонами в случае их несогласия между собой для формирования независимого мнения⁷.

⁵ Аллюзия на книгу Ф. Фанона «Черная кожа, белые маски» (*Fanon F. Peau noire, masques blancs*. P., 1952).

⁶ В статье рассматривается значение термина в культурологии и не рассматривается его значение в урбанистике.

⁷ Trésor de la langue française informatisé. Op.cit. <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/tiers#top> (дата обращения: 08.12.2021).

В своей концепции третьего пространства (*tiers-espace*) Бхабха использует значение *tiers* как «ни то ни другое» (*ni l'un ni l'autre*). Он использует и другие обозначения с коннотациями промежуточности и отрыва, нахождения за пределами чего-либо: *l'au-delà* (за пределами, за границей чего-л., по ту сторону), *l'entre-deux* (в простенке). Это пространственное измерение гибридности, место между фиксированными идентичностями, открывающее путь различиям. Культуры никогда не бывают равными самим себе и существуют в постоянной ситуации «культурного перевода» vs гибридности [Bhabha, 2006: 98]. Таким образом, Бхабха замыкает триаду «гибридность» – «третье пространство» – «культурный перевод».

Возникает вопрос о корреляции «культурного перевода» Бхабха с другими видами перевода, например, с учетом классификации Р. Якобсона, где выделяются: 1) внутриязыковой перевод, или переименование – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон, 1978]. При этом Якобсон рассматривает перевод в широком смысле слова как метаязыковую операцию: «когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода» [Якобсон, 1985: 362, 366]. О.С. Ахманова использует практически идентичный термин «интерсемантический перевод» [Ахманова, 1966: 316–317]. Представляется, что «культурный перевод» Бхабха близок к межсемиотическому / интерсемиотическому переводу, однако полной корреляции между ними нет. О.С. Ахманова и Р. Якобсон определяют этот вид перевода как интерпретацию *вербальных знаков* посредством невербальных систем, в то время как Бхабха пишет об интерпретации *культурных символов* на уровне представлений. Понятие культурного перевода, возможно, сопоставимо с понятием культурного трансфера, выдвинутого в середине 1980-х годов во Франции и исследуемого также в российской научной литературе. Под культурным трансфером понимается «процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами», сопровождаемый появлением «вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций, которые при соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах» [Фещенко, Бочавер, 2016: 5]. И все же Бхабха делает акцент именно на *перевод* культур, подчеркивая этим, «что теория культуры довольно близка к теории языка» [Bhabha, 2006: 98].

М. Флётер-Дюрр и П. Новак-Корч поставили вопрос о возможности использования концепции Бхабха при межъязыковом переводе и дали на него ответ, который можно считать отрицательным. В отличие от межъязыкового перевода, цель которого – преодоление промежуточной полисемии и фиксация смысла в языке-мишени, «культурный перевод» не оставляет места интеграции, хотя бы временной; в нем превалирует идея различия. Новый объект, формируемый в третьем пространстве в процессе гибридизации, оказывается неузнаваемым с точки зрения исходной и принимающей культур («ни тот ни другой»). Отпадает презумпция стабильности оригинала, более того само понятие оригинала оспаривается: в зоне гибридизации происходит отчуждение человека от самого себя, пересмотр собственных систем референций, норм и ценностей. Культурные символы распадаются на множество гетерогенных элементов, которые становятся амбивалентными, смутными, плохо понимаемыми [Flöter-Durr M., Nowak-Korcz, 2021: 1274–1281; 1265; 1269]. По мнению М. Флётер-Дюрр и П. Новак-Корч, гибридизация, приводящая к невозможности фиксировать смысл культурных символов, препятствует интеграции инаковости и достижению взаимопонимания как цели перевода и коммуникации в целом. «Культурный перевод», таким образом, не будет местом интеграции, включения инаковости, позволяющим «встретить *другого* как *другого*, не заставляя его исчезнуть за завесой *чужого*» (курсив мой. – Т.3.) [Ibidem: 1262; 1265].

Рассмотрим дихотомию *иной (другой) / чужой* на примере французских лексем *autre* («иной, другой») и *étranger* («чужой», «иностранец»). Согласно словарю TSL, неопределенный детерминатив *autre*, в старофранцузском *altre* < *alter*, впервые зафиксирован во второй половине X в. в следующих значениях: «другая часть целого»: «часть множества (*ensemble*), первые элементы которого были уже рассмотрены»; «второй, следующий»⁸. В более поздние периоды укрепляются значения отличия при сохранении похожести; отличия в рамках общности, в том числе второй части целого: «не тот же самый» (XI в.); «отличающийся» (XII, XIII вв.); «отличающийся, но похожий»; «второй того же типа» (XIV в.); «второй в ансамбле из двух элементов» (XVII в.). В современном языке значение «(второй) части целого» сохраняется: «вторая часть или открытая бесконечная серия, частью которой является один или несколько элементов». В языке философии фиксируется значение противоположное «*тому*

⁸ Trésor de la langue française informatisé. Op.cit. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/autre#top> (дата обращения: 08.12.2021).

же» (*le tête*), в психоанализе – «место бессознательного для говорящего».

Лексема *étranger* (прилагательное; существительное м. р.) получила первую письменную фиксацию в середине XIII в. в значении того, «кто не из этой местности». В настоящее время первое значение слова по-прежнему связано с принадлежностью к другому пространству – стране, нации («иностранец»). Есть и другие значения: непривычный, не знакомый или плохо знакомый; не связанный с чем-либо, кем-либо; равнодушный; тот, кому не удастся установить свое место в жизни⁹, ср. перевод на русский язык названия романа А. Камю *L'Étranger* как *Посторонний*. Идея пространственного отрыва дополняется идеей дистанции. Существительное *étrangeté* фиксируется в XIV в. и имеет значение «чужое», «странное», «непривычное, непохожее».

Таким образом, значения *autre* (*иной, другой*) и *étranger* (*чужой*) различаются: *иной (другой)* понимается как часть общего целого, имеющая свои особенности и не имеющая коннотаций непривычного и непонятного; *чужой* – как противоположное целому, имеющее указанные коннотации. Эти понятия могут находиться в градуированных отношениях нарастания различий, и при определенных условиях между ними образуется разрыв. С учетом этих дефиниций очевидно, что «культурный перевод» Бхабха не приводит к пониманию контактирующей культуры как *иной* – отличной, но не антагонистической, и «третье пространство» предстает как место разрывов и фрагментов не интегрированных, *чужих*, символов.

Идея ментальных пространств, приводящих к возникновению нового знания, разрабатывалась и другими авторами, российскими и зарубежными. Вслед за М. Тернером и Ж. Фоконье Г.Г. Молчанова трактует эти пространства как основу концептуальной интеграции и формирования интертекстовых связей [Молчанова, 2021: 12–13]; В.И. Заботкина выделяет пространства своей культуры; другой / чужой культуры; третье ментальное межкультурное пространство, интегрирующее черты первых двух [Заботкина, 2021: 23]. В этих концепциях идея интеграция превалирует.

М. Флёттер-Дюрр и П. Новак-Корч предлагают свою трактовку ментального пространства. С одной стороны, она коррелирует с «третьим пространством» Бхабха в том смысле, что оно является промежуточным в ситуации *перевода*, с другой – отличается тем, что речь идет о межъязыковом, а не «культурном переводе»; есть и иные отличия. При межъязыковом переводе между входящим и ис-

⁹ Ibidem. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/étranger#top> (дата обращения: 08.12.2021).

ходящим дискурсом образуется «интервал» (*intervalle*, термин Б. Кассен) – «пространство колебаний» (*espace d'oscillation*), «пространство воссоздания [смысла]» (*espace de récréation*). Это пространство имеет временный характер, в нем происходит «трансдифференциация» (*transdifférence*) – осознание различий и выбор соответствий. Находясь между символическими территориями двух культур, «интервал» отделен от них пластичной «операционной перегородкой» (*clôture opératoire*), или границей (*limite*). При межъязыковом переводе перегородка открывается, но как только перевод реализуется, она закрывается. Вместо специфической ситуации мигранта, имитирующего, но не интегрирующего компоненты принимающей культуры, М. Флётер-Дюрр и П. Новак-Корч обращаются к ситуации переводчика и локализуют интервал как место интеграции разных семантических знаков. В отличие от фрагментированного результата «культурного перевода» межъязыковой перевод представляется более целостным. «Бесконечная гибридизация» с неузнаваемым результатом уступает место интеграции смыслов в конечном узнаваемом продукте: вместо «ни тот ни другой» (*ni l'un ni l'autre*) – «и тот и другой» (*l'un et l'autre*) [Flöter-Durr, Nowak-Korcz, 2021: 1283, 1288]. Как видно из контекста, под прицелом критики М. Флётер-Дюрр оказывается не только результат гибридизации (не интегрированный, не целостный), но и сам феномен гибридизации (бесконечная).

Проблема промежуточного пространства связана с факторами границы и ее преодоления. Как показали исследователи разных направлений (диалектологи, философы, географы, культурологи, регионоведы и др.), вокруг границы формируется общее сложное целое – трансграничное пространство, состоящее из двух приграничных. Это пространство наиболее интенсивных контактов, взаимодополняющих или антагонистических отношений. Границы представляют собой гибридное и даже парадоксальное явление, характеризующееся изменчивыми и противоположными качествами. Они имеют природный и антропоцентрический характер: могут ассоциироваться с пейзажем, рельефом, но именно человек их выбирает, устанавливает, укрепляет, изменяет. Разделяя свое и иное / чужое, узнаваемое и неузнаваемое, границы в то же время их объединяют; они появляются и исчезают, их укрепляют и преодолевают. Границы отодвигаются по мере освоения мира, который хочется понять, освоить, объяснить – «перевести» [подробнее см.: Загряжская, 2018: 86–117; Nordman, 1984; Dorion, 2006, Moréteau, 2009; Павловский, 2021; Нежежина 2021]. Все-таки тот или другой? Ни тот ни другой? И тот и другой?

Эти вопросы заставляют вернуться к проблеме перевода в широком смысле слова как акта преодоления границ, единства переводимого и непереводимого. Проблема непереводимости всегда привлекала внимание исследователей, не только переводчиков, но и культурологов. Так, Ю.М. Лотман понимал перевод как семиотические трансформации между разными языковыми системами: «элементарный акт мышления есть перевод»; «элементарный механизм перевода есть диалог» [Лотман, 2000: 268]. При этом он считал непереводимость не недостатком, а «условием существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры)». Ю.М. Лотман видел в переводе непереводимого (или «ограниченно переводимого») большой когнитивный потенциал: «Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности». Он объяснял это неспособностью отдельного языка выразить мир: «Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы» [Лотман, 2000: 13]. Несмотря на упоминание границ, Ю.М. Лотман пишет об интеграции непереводимых знаков, находящихся «в одной плоскости». Сходную, но не тождественную позицию в этом вопросе занимает Б. Кассен – философ, филолог, член французской Академии, автор теории о «непереводимостях», или «непереводимых [смыслах]»¹⁰, сформированных на разных языках в разных традициях, в данном случае философских.

Как и Лотман, Кассен видит в «непереводимостях» источник знания о языковых расхождениях: «похвала переводу – это похвала непереводимому»: «первое, что нам позволяет почувствовать и испытать перевод через несоответствие терминологических и синтаксических сетей – это сила и интеллектуальная глубина различия языков» [Cassen, 2016] (здесь и в других местах перевод наш. – Т.З.). Б. Кассен объясняет непереводимое «перекосом» (*distorsion*), несопадением *cemeй* (*réseau*) слов, значений, коннотаций, взаимосвязей, свойственных тому или иному языку и научной традиции, сформированной на этом языке: «мы говорим, думаем, философствуем на своих языках». Однако она используют иную, чем Ю.М. Лотман, метафору: языки не накладываются друг на друга в «одной плоскости», а напротив, не могут быть соположены из-за существующего между ними «перекоса». Носителю каждого языка понятны игра значений, намеков и двусмысленностей (*équivoque; ambiguité*) форм и оборотов, имеющих собственную историю, диахронные и син-

¹⁰ *Les intraduisibles* (непереводимые, субстантивированное прилагательное мн. ч.) – непереводимые смыслы / оттенки; «непереводимости».

хронные связи. Эти связи составляют «сеть» и в таком виде уникальны даже с учетом интернационализации лексики и трансфера терминов, как уникальны традиции философского рассуждения, сложившиеся на том или ином языке.

Между тем Б. Кассен не отвергает, а подчеркивает перспективу взаимопонимания, стремление к интеграции различий в гуманитарном дискурсе (в данном случае, философском). Доказательство этому – поиск лучших, более совершенных, переводов, который не прекращается на протяжении столетий и даже тысячелетий. Как пишет исследовательница, «говорить о непереводаемости совершенно не означает, что эти термины, выражения, синтаксические и грамматические обороты не были переведены или не могут быть переведены. Непереводаемости – это, скорее, то, что не перестают переводить (или не переводить). Это значит, что их перевод составляет проблему до такой степени, что требует неологизма или придания нового смысла старому слову»; «это знак того, в чем именно слова концептуальных сетей разных языков не накладываются друг на друга: «правда (*pravda*) – это справедливость или истина?» [Cassin, 2004: XVII–XVIII].

Реализацией концепции «непереводимого» явился фундаментальный труд под редакцией Б. Кассен – «Словарь (Вокабулярий) европейских философий», имеющий подзаголовок «Словарь (Лексикон) непереводаемости» [Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles, 2004]. Словарь моноязычный и, как пишет Б. Кассен, «очень французский и очень европейский, даже слишком европейский; [выполненный в духе] сформировавшегося концепта или псевдо-концепта *French Theory*» [Cassin, 2016]. Перевода в значении межъязыкового перевода в нем нет, но есть презентация терминов на разных языках, а также выявление, толкование, сравнение, передача различий в философских концептах и концепциях Европы. Исходным пунктом является слово (заголовочное слово), за которым следует концепт, а не наоборот: «...заголовочное слово представляет собой узел непереводаемого и открывает сравнение терминологических сетей, перекос (*distorsion*) которых представляет историю и географию языков и культур. Словарь является “Словарем / Лексиконом непереводаемости” потому, что он объясняет важнейшие симптомы языковых различий (*symptômes de différence*) в своей области» [Cassin, 2014: XVII–XVIII].

Б. Кассен подчеркивает, что концепция Словаря не сводима ни к универсализму, который «всегда чей-то» (в настоящее время – глобального английского), ни к «онтологическому национализму» Гердера, считавшего исключительным предназначение «гения» одного языка – немецкого как языка философии и философского

перевода (позиция, которую развил Хайдеггер относительно немецкого и греческого). Соавторы, представляющие разные страны, «далеки от подобной сакрализации непереводаемого, основанной на идее абсолютной несоизмеримости языков и связанной с квази-свято́стью некоторых из них». Вот почему они не придали никакому языку, живому или мертвому, особого статуса, а отразили множественность, перекличку и трансферы терминов европейских языков и философий, создаваемых в течение веков. Концепция словаря отсылает к пониманию перевода как акта мышления с использованием механизма диалога (ср. теорию Лотмана), в данном смысле – философского. Он предоставляет материал для изучения «географии культур», позволяя «картографировать различия европейских философий, капитализируя знания переводчиков и тех переводчиков, которыми мы являемся как философы» [Cassin, 2004: XVIII–XXI].

Развивая эту мысль, можно утверждать, что не только философ, но и любой исследователь, в первую очередь гуманитарий (филолог, культуролог, регионовед, историк и т.д.), является переводчиком в широком смысле слова. Вместе с передачей концептов и понятий он интерпретирует симптомы различий, сформированных в разных традициях и на разных языках, что свидетельствует о нерасторжимой связи языка и культуры.

В заключение отметим, что эволюция лексемы *Hybridité / Гибридность* представляет собой двойной трансфер: 1) из одного языка (французского) в другие языки; 2) из одной терминосистемы в общий язык и другие терминосистемы (биология – филология – общий язык – антропология, культурология и др.); 3) из одной культуры в другую / другие. Лексема обладает значениями гетерогенности, перехода границ, отсутствия фиксированной структуры, высокой степенью изменчивости; а также коннотациями: положительными (креатив, жизненная сила, появление нового), отрицательными (неправильное, испорченное), в научной речи – нейтральными, в отдельных случаях – сниженными (неструктурированное).

Обладая высокой метафоричностью, широкими ассоциативными связями, наличием субъективной окраски, *Hybridité / Гибридность* представляет собой концепт, использующийся в гуманитарном дискурсе при исследовании проблем границ; формирования трансграничного пространства; перевода в широком смысле слова – интерпретации и передачи символов и ценностей (культурного трансфера).

Феномен гибридности лежит в основе ряда теорий, устанавливающих разные направления межкультурного взаимодействия на оси «иной» – «чужой»: 1) восприятия *иного* как *чужого*; акцент на культурных различиях, имитации, амбивалентности и фрагментации культурных символов в зоне контактов; 2) восприятия *иного* как

иною; акцент на выявление различий и поиск интеграции. Эти векторы позволяют детализировать взаимосвязи научных теорий и научных школ, гуманитарных наук и гуманитарных практик и уточнить их роль в трансферизации культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Афинская З.Н., Алтухов А.В.* Номадические термины в процессе циркуляции знания: платформа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 1. С. 146–153.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
4. *Бхабха Х.* Местоположение культуры / Пер. с англ. Г. Гобзема (Фрагменты) // *Перекрестки.* 2005. № 3–4. С. 161–191.
5. *Заботкина В.И.* К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 2. С. 17–28.
6. *Загряжкина Т.Ю.* Франция и франкофония: язык, общество, культура. 2-е изд. М., 2018.
7. *Загряжкина Т.Ю.* Проблема множественности в языке и культуре, или «Лингвистический узел» дискурса современности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 2. С. 82–97.
8. *Загряжкина Т.Ю.* Mobilité / Мобильность в дискурсе о языковом образовании: ключевое слово и социальный императив // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 3. С. 26–40.
9. *Деррида Ж.* Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. СПб., 2000. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derrpism/index.php (дата обращения: 08.12.2021).
10. *Дробышева Е.П.* Культуры, нации и идентичности в ситуации «политического антагонизма и неравенства» // *Идеи и идеалы.* Т. 2. 2010. № 1 (3). С. 110–116.
11. *Ирисханова О.К., Куосе М.И.* Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко.* М., 2016. С. 151–180.
12. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
13. *Молчанова Г.Г.* Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 1. С. 9–19.
14. *Невежина Е.А.* Феномен рёштиграбен во франкоязычной прессе Швейцарии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 3. С. 41–51.
15. *Павловский И.В.* С чего начинается Родина: к вопросу о региональных границах Европы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 1. С. 128–140.
16. *Постовалова В.И.* Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко.* М., 2016. С. 36–61.
17. *Фещенко В.В., Бочавер С.Ю.* Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко.* М., 2016. С. 5–34.

18. *Щербак Н.А.* Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний) // Polylinguality and Transcultural Practices. Полилингвизм и транскультурные практики. 2019. Vol. 16. № 4. P. 515–527.
19. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 361–368.
20. *Audinet J.* Le temps du métissage. P., 1999.
21. *Bernardot M.* Mobilité, hybridité, liquidité: un architexte de la globalisation? // Variations. 2018. № 21. P. 1–16. URL: <https://journals.openedition.org/variations/937> (дата обращения: 10.01.2020).
22. *Bhabha H.* Les lieux de la culture. Une théorie postcoloniale. P., 2007.
23. *Bhabha H.* Le tiers-espace. Entretien avec Rutherford J. // Multitude. 2006/3. № 26. P. 95–107.
24. *Cassin B.* Eloge de la traduction – Compliquer l’universel. P., 2016. URL: [https://www.liseuse-hachette.fr/file/34714?fullscreen=1&editeur=Fayard#epubcfi\(/6/4\[html-pagetitre\]/4/1:0\)](https://www.liseuse-hachette.fr/file/34714?fullscreen=1&editeur=Fayard#epubcfi(/6/4[html-pagetitre]/4/1:0)) (дата обращения: 08.12.2021).
25. *Cassin B.* Présentation // Vocabulaire européen des philosophies : Dictionnaire des intraduisibles / Dir. de Barbara Cassin. P.: Editions du Seuil – Le Robert, 2004. P. XVII–XXIV.
26. *Deleuze G., Guattari F.* Capitalisme et schizophrénie 2. Mille plateaux. P.: Les éditions de minuit, 2014. Edition électronique. URL: <https://ec56229aec51f1baff1d-185c3068e22352c56024573e929788ff.ssl.cf1.rackcdn.com/attachments/original/5/0/4/002584504.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).
27. *Derrida J.* La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines // Derrida J. Ecriture et la Différence / Chapitre X. P., 1967. P. 409–429. URL: https://www.ae-lib.org.ua/texts/derrida__la_structure_le_signe_et_le_jeu__fr.htm (дата обращения: 08.12.2021).
28. *Dorion H.* Eloge de la frontière. Montréal, 2006.
29. *Feussi V.* Pluralités linguistiques et culturelles: les tendances actuelles de la recherche en sociolinguistique // Cahiers Internationaux de Sociolinguistique. 2014. № 5. P. 5–22.
30. *Flöter-Durr M., Nowak-Korcz P.* La notion de tiers-espace et la traduction juridique : quelle articulation? // International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. № 34(40). P. 1261–1294.
31. *Giroux D.* Les lieux de la culture. Une théorie postcoloniale d’Homi Bhabha // Spirale. 2016. № 258. P. 39–42.
32. *Gruzinski S.* La pensée métisse. P.: Fayard, 1999.
33. *Moréteau O.* Les frontières de la langue et du droit: vers une méthodologie de la traduction juridique // Revue international de droit comparé. 2009. V. 61. № 4. P. 695–713.
34. *Nordman D.* Des limites d’Etat aux frontières nationales // Les lieux de mémoire / Dir de P. Nora. En 3 vol., 7 livres. Vol. II. Livre 2. P., 1984. P. 48–49.
35. Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / Dir. de Barbara Cassin. P., 2004. P. 17–24.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. 1966. *Slovar’ lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
2. Afinskaya Z.N., Altukhov A.V. 2020. Nomadicheskie terminy v protsesse tsirkulyatsii znaniya: platforma [The heuristic potential of nomadic notions]. *Moscow State*

- University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 146–153. (In Russ.)
3. Bakhtin M.M. 1979. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russ.)
  4. Bkhabkha Kh. 2005. Mestopolozhenie kul'tury. Per. s ang. G. Gobzema (Fragmenty) [Location of culture]. *Perekrestki*, no. 3–4, pp. 161–191. (In Russ.)
  5. Zabortkina V.I. 2021. K voprosu o kognitivnykh osnovakh kontakta dvukh kul'tur [The issue of cognitive basis of the two cultures interaction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 17–28. (In Russ.)
  6. Zagryazkina T.Yu. 2018. *Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: language, society, culture]. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)
  7. Zagryazkina T.Yu. 2021. Problema mnozhestvennosti v yazyke i kul'ture, ili «Lingvisticheskiy uzel» diskursa sovremennosti [Plurality in language and culture, or “linguistic node” of modern discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 82–97. (In Russ.)
  8. Zagryazkina T.Yu. 2021. Mobilité/Mobil'nost' v diskurse o yazykovom obrazovanii: klyuchevoe slovo i sotsial'nyi imperativ [Mobilité/Mobility in the language education discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 26–40. (In Russ.)
  9. Derrida Zh. 2000. *Pis'mo i razlichie* [Letter and difference]. Per. s frants. A. Garadzhi, V. Lapitskogo i S. Fokina. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derrpism/index.php (accessed: 08.12.2021). (In Russ.)
  10. Drobysheva E.P. 2010. Kul'tury, natsii i identichnosti v situatsii “politicheskogo antagonizma i neravenstva” [Cultures, nations and identities in the situation of “political antagonism and inequality”]. *Idei i ideally*, no. 1 (3). Vol. 2, pp. 110–116. (In Russ.)
  11. Iriskhanova O.K., Kiöse M.I. 2016. *Tekhnologii transfera mezhdistseplinarnykh terminov v lingvistiku* [Technologies for the transfer of interdisciplinary terms to linguistics] In V.V. Feshchenko (ed.-in-chief) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, pp. 151–180. (In Russ.)
  12. Lotman Yu.M. 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, «Iskusstvo–SPB». (In Russ.)
  13. Molchanova G.G. 2021. Intertekstual'nost' i mifotekhnologii v postmodernistskom tekste [Intertextuality and mythotechnologies in post-modern text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–19. (In Russ.)
  14. Nevezhina E.A. 2021. Fenomen reshtigraben vo frankoyazychnoi presse Shveitsarii [The Röstigraben phenomenon in the French-speaking press in Switzerland]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 41–51. (In Russ.)
  15. Pavlovskii I.V. 2021. S chego nachinaetsya Rodina: k voprosu o regional'nykh granitsakh Evropy [Where does the Motherland begin? On the issue of regional borders within Europe]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 128–140. (In Russ.)
  16. Postovalova V.I. 2016. Puti i printsipy transferizatsii znaniya v gumanitarnykh nauka // *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii / Otv. red. V.V. Feshchenko. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. S. 36–61. (In Russ.)*

17. Feshchenko V.V., Bochaver C.Yu. 2016. *Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoi lingvistike* [Theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics] In V.V. Feshchenko (ed.-in-chief) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, pp. 5–34. (In Russ.)
18. Shcherbak N.A. 2019. Postkolonial'naya literatura: istoki, teorii i problemy (novaya identichnost' geroya i avtora postkolonii) [Post-colonial literature: origins, theories and problems (new identity of the hero and author of post-colonies)]. *Polylinguality and Transcultural Practices. Polilingvizm i transkul'turnye praktiki*, no. 4. Vol. 16, pp. 515–527. (In Russ.)
19. Jakobson R. 1985. *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda* [On the linguistic aspects of translation] In R. Jakobson. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, pp. 361–368. (In Russ.)
20. Audinet J. 1999. *Le temps du métissage*. Paris, Les éditions de l'atelier.
21. Bernardot M. 2018. Mobilité, hybridité, liquidité: un architecte de la globalisation? *Variations*, no. 21, pp. 1–16. URL: <https://journals.openedition.org/variations/937> (accessed: 10.01.2020).
22. Bhabha H. 2007. *Les lieux de la culture. Une théorie postcoloniale*. Paris, Payot.
23. Bhabha H. 2006. Le tiers espace. Entretien avec Rutherford J. *Multitude*, no. 26, pp. 95–107.
24. Cassin B. 2016. *Eloge de la traduction – Compliquer l'universel*. Paris, Fayard. URL: [https://www.liseuse-hachette.fr/file/34714?fullscreen=1&editeur=Fayard#pubcffi/6/4\[html-pagetitre\]/4/1:0](https://www.liseuse-hachette.fr/file/34714?fullscreen=1&editeur=Fayard#pubcffi/6/4[html-pagetitre]/4/1:0) (accessed: 8.12.21).
25. Cassin B. 2004. Présentation. *Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles*. Dir. de Barbara Cassin. Paris, Editions du Seuil – Le Robert, pp. XVII–XXIV.
26. Deleuze G., Guattari F. 2014. *Capitalisme et schizophrénie 2. Mille plateaux*. Paris, Les éditions de minuit. Edition électronique. URL: <https://ec56229aec51f1baff1d-185c3068e22352c56024573e929788ff.ssl.cf1.rackcdn.com/attachments/original/5/0/4/002584504.pdf> (accessed: 8.12.21).
27. Derrida J. 1967. *La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines* In Derrida J. *Ecriture et la Différence*. Chapitre X. Paris, Seuil, pp. 409–429. URL: https://www.ae-lib.org.ua/texts/derrida__la_structure_le_signe_et_le_jeu__fr.htm (accessed: 08.12.2021).
28. Dorion H. 2006. *Eloge de la frontière*. Montréal, Fides.
29. Feussi V. 2014. Pluralités linguistiques et culturelles : les tendances actuelles de la recherche en sociolinguistique. *Cahiers Internationaux de Sociolinguistique*, no. 5, pp. 5–22.
30. Flöter-Durr M., Nowak-Korczyk P. 2021. La notion de tiers-espace et la traduction juridique : quelle articulation? *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*, no. 34(40), pp. 1261–1294.
31. Giroux D. 2016. Les lieux de la culture. Une théorie postcoloniale d'Homi Bhabha. *Spirale*, no. 258, pp. 39–42.
32. Gruzinski S. 1999. *La pensée métisse*. Paris, Fayard.
33. Moréteau O. 2009. Les frontières de la langue et du droit : vers une méthodologie de la traduction juridique. *Revue internationale de droit comparé*, no. 4, vol. 61, pp. 695–713.
34. Nordman D. 1984. *Des limites d'Etat aux frontières nationales* In P. Nora (dir.) *Les lieux de mémoire*. En 3 vol., 7 livres. Vol. II. Livre 2. Paris, pp. 48–49.

35. *Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles* In B. Cassin (dir.). Paris, Editions du Seuil – Le Robert, 2004, pp. 17–24.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021; одобрена после рецензирования 19.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 20.08.2021; approved after reviewing 19.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Татьяна Юрьевна Загрязкина – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, tatiana_zagr@mail.ru

About the author

Tat'yana Yu. Zagryazkina – Dr. habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, tatiana_zagr@mail.ru

GOVERNMENT OF THE PEOPLE: A CONUNDRUM IN A CHEF D’OEUVRE

R. Ilson

University College London, London, United Kingdom, robert.ilson@outlook.com

Abstract: In this article I attempt to shed new light on one of the most famous passages in American literature: Abraham Lincoln’s “government of the people, by the people, for the people”.

Key words: literature; ambiguity; interpretation

For citation: Ilson R. (2022) Government of the People: a Conundrum in a Chef d’oeuvre. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 35–36. (In Russ.)

«НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»: ЗАГАДКА ШЕДЕВРА

Р. Илсон

*Университетский Колледж Лондона, Лондон, Великобритания,
robert.ilson@outlook.com*

Аннотация. В статье уделяется внимание интерпретации одной из известных в американской литературе цитат из высказываний Авраама Линкольна – «правительство народа, избранное народом и для народа».

Ключевые слова: литература; двойственность; интерпретация

Для цитирования: Илсон Р. «Народное правительство»: загадка шедевра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 35–36.

In the climax of his masterpiece, the Gettysburg Address, Abraham Lincoln called upon his hearers to defend “government of the people, by the people, for the people”. The parallelism of these three marching phrases suggests a parallelism of their meanings. And indeed two of those meanings seem clear enough. “Government for the people” means government in the people’s interest: government in the interest of the people”. “Government by the people” means ‘government by means of the people themselves’: self-government either directly (direct democracy) or through representatives (republican democracy).

But what about “government of the people”? That phrase is ambiguous. It could mean ‘government consisting of the people’: in which case it

would be almost synonymous with government by the people. But it could also mean ‘governing [of] the people’. In that case it would be superordinate to both government by the people and government for the people. President Lincoln’s memorable words would then be glossed as ‘governing the people by means of the people themselves and in the interest of the people’.

The ambiguity of the phrase “government of the people” is reminiscent of the ambiguity of the famous example “the love of God”, which can mean both ‘God’s love of us’ and ‘our love of God’. Analogously, “government of the people” can mean both ‘the people’s government of the State’ and ‘the State’s government of the people’.

Have we any way of deciding between those two interpretations of “government of the people”? Probably not with any certainty. But there is at least one clue of some weight. According to Wikipedia, William Herndon, Lincoln’s law partner, had shown Lincoln a sermon by “the abolitionist minister Theodore Parker” that includes the formula “Democracy is direct self-government, over all the people, for all the people, by all the people”; where “self-government, over all the people” seems equivalent to “governing all the people (by the people)”. That’s the solution I favour, and it fits well into an imaginary conversation such as the following:

“How should the people be governed?” “By the people themselves and in their interest”.

Or to put it into the text of the Gettysburg Address:

“we here highly resolve ... that government of the people, which should be by the people and for the people, shall not perish from the earth”.

Another phrase that comes to mind in connexion with “government of the people” above is “government on behalf of the people”. But that phrase seems to be unambiguously synonymous with “government for the people”.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 10.08.2021;
approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

About the author

Robert Ilson – Honorary Researcher Fellow of University College London, UK, Honorary Member of the European Association for Lexicography, robert.ilson@outlook.com

Сведения об авторе

Роберт Илсон – профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания, почетный член Европейской ассоциации лексикографии, robert.ilson@outlook.com

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРИУЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Д.А. Шевлякова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, scevliakova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению реакции этнического территориально-лингвистического меньшинства области Фриули, входящей в мультиэтнический регион Фриули–Венеция–Джулия на северо-востоке Италии, в ответ на законодательные меры Итальянской Республики в области регулирования миноритарных языков в период 1970–2020 гг., времени осознания фриульцами своей культурно-исторической аутентичности. Дается кратчайший обзор законодательных мер Итальянской Республики в области лингвистического регулирования миноритарных языков, которые можно охарактеризовать одновременно и как поддерживающие, так и ограничительные. Среди основных направлений продвижения фриульского языка со стороны этнического сообщества в качестве приоритетных выделяются: создание теле – и радиовещания на фриульском, а также введение практики делопроизводства на фриульском языке в локальных органах власти. Исследованный материал позволяет утверждать, что именно медиа в современном обществе удерживают ведущую роль в конструировании социально-пространственных «воображаемых сообществ», в том числе и локальных этнических сообществ. Практика документооборота на языке национального меньшинства в местных органах власти так же важна, так как является залогом того, что этот язык по функциям максимально приближается к государственному, следовательно, подтверждается статус официального языка, а не диалекта – традиционной областью применения которого является сфера обиходно-бытового общения. Национальное государство (Итальянская Республика) имеет интенцию оставлять под своим контролем объем и характер социальных функций, который выполняет миноритарный язык и лишь вынужденно впускает миноритарный язык в сферу функционирования именно государственного языка – каналы медиакоммуникации и официальное делопроизводство.

Ключевые слова: языковая идентичность; этническая идентичность; фриульский язык; миноритарные языки Италии; лингвистическая политика Италии; этнолингвистика

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Шевлякова Д.А. Языковая идентичность этнического меньшинства: основные направления актуализации (на примере фриульского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 37–46.

**LINGUISTIC IDENTITY OF AN ETHNIC MINORITY:
THE MAIN DIRECTIONS OF ACTUALIZATION
(ON THE EXAMPLE OF THE FRIULIAN LANGUAGE)**

Daria A. Shevliakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, scevliakova@mail.ru

The article is devoted to the study of the reaction of the ethnic community of Friuli, a territorial-linguistic minority of the Friuli region, which is part of the multi-ethnic region of Friuli-Venezia Giulia in northeastern Italy, in response to the legislative measures of the Italian Republic in the field of regulation of minority languages in the period 1970–2020, time of awareness of the Friulians of their cultural, historical and territorial authenticity. A brief overview of the legislative measures of the Italian Republic in the field of linguistic regulation of minority languages is given, which can be characterized both as supportive and restrictive at the same time. Among the main areas of support for the Friulian language on the part of local authorities and the ethnic community, the following are highlighted as priorities: the creation of television and radio broadcasting in Friulian, as well as the introduction of the practice of clerical work in the Friulian language in local authorities. The studied material allows us to assert that it is the media in modern society that retain the leading role in the construction of social-spatial “imaginary communities”, incl. and local ethnic communities. The practice of document circulation in the language of the national minority in the authorities is a guarantee that this language is as close as possible to the state language in functions, therefore, the status of the official language is confirmed, and not the dialect, the scope of which is the sphere of everyday communication. The national state (the Italian Republic) has the intention to keep under its control the volume and nature of social functions that the minority language performs and only forcibly lets the minority language into the sphere of functioning of the state language – media communication channels and official office work.

Key words: linguistic identity; ethnic identity; Friulian language; minority languages of Ital; linguistic policy of Italy; ethnolinguistics

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Shevliakova D.A. (2022) Linguistic Identity of an Ethnic Minority: The Main Directions of Actualization (On the Example of the Friulian Language) . *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.)

Языковая ситуация в любом современном государстве является гетерогенной: на одной территории обычно сосуществуют государственный язык (национальный язык), региональные варианты официального языка, языки других титульных этнических групп (миноритарные языки), а также диалекты. В лингвистической политике любого государства есть два аспекта: внешний и внутренний. На международной арене символом страны, ее единства должен выступать государственный язык, также и во внутренней политике государству необходим признанный всеми язык для обеспечения самой возможности внутринационального общения, желательно – один-единственный. Однако вне зависимости от выбранного политического курса национального государства этническо-территориальные сообщества, говорящие на миноритарных языках или диалектах, обладают определенной языковой идентичностью.

Любая идентичность (представление человека о себе как о члене определенной социальной группы) принадлежит области индивидуальных и коллективных представлений Дробижева [Дробижева, 2010: 50].

В исследовательском плане языковая идентичность является предметом изучения языкового взаимодействия в сфере лингвистической идеологии и этнодискурса [Загряжская, 2020; Раевская, 2019], политики языкового регулирования [Billig, 1995; Мартынова, 2016; Едличко, 2017; Шевлякова, 2019], находясь где-то на пересечении политологии, социологии, этнологии, этнопсихологии, философии и социолингвистики. Актуализация языковой идентичности этнического меньшинства (фриулов) в ответ на законодательные меры Итальянской Республики в области регулирования миноритарных языков и будет объектом исследования. Изучаемый период относится к 1970–2020 гг., времени активизации этнического сообщества фриулов.

Когда в научном дискурсе употребляется термин «языковая идентичность», то акцентируются не индивидуальные особенности носителя языка, а именно признаки групповой принадлежности языковой личности – культурной, социальной, локальной [Карасик, Дмитриева: 2005]. Соотношение языковой, этнической и политической (гражданской) идентичности актуально для такой этнически неоднородной страны, как Италия, что и обусловило проблематику нашего исследования.

Цель нашего небольшого исследования – выявление реакции этнического меньшинства на языковую политику Итальянской Республики по поддержке миноритарных языков.

В качестве предмета исследования было выбрано территориально-лингвистическое (этническое) меньшинство жителей области

Фриули, входящей в мультиэтнический регион Фриули–Венеция-Джулия на северо-востоке Италии. Постановка цели определяет следующие задачи: 1) представить краткий обзор законодательных мер Итальянской Республики в области лингвистического регулирования миноритарных языков; 2) выделить основные направления поддержки фриульского языка со стороны локальных властей; 3) определить, какие из выделенных направлений поддержки являются приоритетными для территориально-лингвистического сообщества.

Проблеме противостояния национального и локального в сфере языкового сознания посвящена часть известной монографии “*Banal Nationalism*” известного культурного антрополога М. Биллига [Billig, 1995]. Майкл Биллиг изучает вопрос языковой идентичности в аспекте диахронии, рассматривая историю становления идеологии национальных государств. В период XVIII–XX вв. для достижения национальной гегемонии было необходимо утверждение единого государственного языка с неизбежным подавлением языков-соперников, которые в дискурсе национализма и становятся «диалектами» – языками «без права голоса», с более низким социальным статусом, хотя с лингвистической точки зрения они не являются вариантами диалектного дифференцирования национального языка [Billig, 1995: 75].

Однако для европейских государств конца XX в. более свойственна другая тенденция. М. Биллиг указывает на «ослабление» к локальным наречиям (миноритарным языкам или диалектам) со стороны государства, уверенного в господствующей языковой гегемонии и идущего на уступку, упреждающую возможность сепаратизма: «ограничения языковых прав ослаблялись в интересах возрождения безвредного наследия или в целях удовлетворения требований сепаратистских или ирредентистских групп» [Биллиг, 1995: 75]. Ключевым определением здесь, на наш взгляд, является словосочетание «безвредное наследие»: т.е. коллективные представления локального сообщества о своей территориальной и культурной целостности, которые в силу малочисленности этнической группы не могут навредить «настоящей» целостности – целостности национального государства.

Итак, как можно кратко охарактеризовать политическую интенцию Итальянской Республики в регулировании миноритарных языков и ответную реакцию этнического сообщества фриульцев? На основе ключевых законодательных документов государственного и регионального уровней было выявлено следующее: 1) в Италии на уровне Конституции прослеживается компромисс между политическими силами, и в вопросе поддержки миноритарных языков

формируется традиция высокопарной политической риторики, лишённой конкретики и не дающей выход на практическую реализацию; 2) на уровне национальных законов (закон № 482 от 1999 г.) прослеживается стремление к конкретизации политических интенций (перечень языков, дефиниция городов – исторических областей проживания лингвистических меньшинств), и только на данном уровне можно говорить о реализации, о переводе закона в сферу исполнительной власти; 3) на уровне региональных законов (закон Фриули–Венеция–Джулия № 27 от 2009 г. «Нормы по защите, признанию и продвижению фриульского языка») проявляется центробежная антинациональная сила этнической культуры – она начинает экспансию миноритарного языка за пределы области его исторического становления, в частности, старается сделать фриульский язык делом производства вне исторического ареала его функционирования [Шевлякова, 2009: 188–191].

Какие же направления поддержки миноритарного языка оказались наиболее актуализированными, какие меры встретили наибольшую поддержку этнического сообщества в области Фриули региона Фриули–Венеция–Джулия? Власти области Фриули, сначала опираясь на различные общественные организации, затем – все более на создаваемые дочерние государственные учреждения (основное – Агентство по продвижению фриульского языка, *Agenzia regionale per la lingua friuliana* (ARLeF), в период с 1999–2021 гг. успешно реализовали следующие задачи, которые были прописаны в законе государственного уровня № 482, но рисковали остаться без исполнения: 1) на средства регионального бюджета были созданы телеканалы на фриульском языке, радиoprogramмы на фриульском языке, периодические печатные издания на фриульском; 2) была введена практика делопроизводства и устной официальной коммуникации на фриульском языке, а также служба перевода с / на фриульский в органах местного самоуправления; 3) в области Фриули были введены двуязычные указатели, то есть названия улиц, дорог, дорожные указатели (повороты, развилки, съезды и т.д.) и мемориальные надписи стали двуязычными, что впоследствии нашло свое отражение и в региональной картографии; 4) были переведены на фриульский язык некоторые прецедентные тексты, например, Библия; 5) были созданы курсы по изучению фриульского языка для всех желающих; 6) была введена практика преподавания фриульского языка в детских садах, начальной и средней школе; 7) была разработана система сертификационных экзаменов для преподавателей фриульского языка; 8) была обеспечена мягкая пропаганда преподавания учебных дисциплин и ведения научно-исследовательской работы на фриульском языке в высших учебных заведениях.

Первыми по времени введения, т.е. самыми насущными для этнического сообщества, оказались первые два – интенсификация теле- и радиовещания и введение делопроизводства в местных органах власти на фриульском языке, их и рассмотрим поподробнее. Еще до принятия закона № 482 от 1999 г. Итальянская Республика в силу ряда международных договоров была обязана обеспечить и обеспечивала теле- и радиовещание на языках, миноритарных в Италии, но «полноценных» с политической точки зрения в других европейских странах: на французском – в регионе Валле д’Аоста, на немецком и ладинском – для жителей Южного Тироля, на словенском – в областях городов Триеста и Гориции, Удине. Миноритарные языки, которые не имели за пределами Италии национальное государство-референт, незримо защищающее интересы зарубежных представителей своего языка, остались без теле- и радиовещания на государственном уровне. В случае фриульского языка в конце 1990-х годов существовало всего несколько локальных передач, финансируемых из бюджета региона, которые шли в самое невыгодное эфирное время (воскресенье в 10 утра) и длились всего 5–15 минут.

Помимо этого, отсутствовали новостные рубрики на фриульском языке, созданные профессиональными журналистами. Не удивительно, что в фриульском сообществе начала 2000-х годов настроения недовольства существующим положением вещей достигли определенного критического порога.

С введением закона № 482 ситуация стала постепенно улучшаться, появились источники финансирования как на государственном, так и на региональном уровне. Были созданы телевизионные информационные каналы *Telefriuli*, *Telemare*, *Telepordenone*, а также частный канал радиовещания *Radio Onde Furlane*. Практика смешанного теле- и радиовещания (в основном, на итальянском, но некоторые рубрики – на фриульском) также получила широкое распространение: в двуязычном формате вещает телеканал *Rai Friuli Venezia Giulia*, радиостанция *Radio Onde Furlane* (70% на фриульском языке). Подобную двуязычную практику поддерживают и средства печати: еженедельники *Il Friuli* и *La Vita Cattolica*, ежедневное издание *Messaggero Veneto-Giornale del Friuli*.

Вторым важным направлением реализации законов по признанию миноритарных языков стало введение делопроизводства и устной официальной коммуникации на фриульском языке в местных органах власти. Данное положение было прописано в законе № 482: предполагалось, что использование языков этнических меньшинств должно быть осуществлено в рабочей практике областных и городских советов, а также других органов управления областного и

муниципального уровня при условии, что не менее 15% жителей городского округа или региона официально подтвердили факт своей языковой принадлежности. В случае наличия необходимого процента носителей миноритарного языка планировалось, что в местных органах самоуправления будет не менее 15% служащих, владеющих искомым языком или хотя бы находящихся в процессе изучения одного. Именно для этого университет г. Удине, в котором был учрежден Межфакультетский центр по развитию фриульского языка и культуры *Centro interdipartimentale per lo sviluppo della lingua e della cultura del Friuli*, в 2017 г. открыл специальный курс повышения квалификации «Курсы фриульского языка для государственных служащих» (функционируют по настоящее время, 2021). В курсе предусмотрены три образовательных модуля в зависимости от уровня лингвистических компетенций учащихся – базовый, средний и продвинутый. Подобная диверсификация сделала доступным изучение миноритарного языка как для тех, кто не знает фриульского вообще, но проявляет интерес к его изучению, так и для носителей языка, которые хотели бы улучшить свои навыки в устной и письменной речи. Каждый этап предусматривает всего 30 академических часов подготовки: предполагается, что проявленный госслужащим интерес к фриульскому языку в дальнейшем найдет свое развитие в самоподготовке, самообучении и в практике живого фриульского языка в профессиональной сфере (на госслужбе). Если судить по данным выпуска 2017 г., то подобных энтузиастов фриульского языка набралось совсем немного – всего 19 госслужащих, поэтому администрация университета была вынуждена объединить торжественную церемонию вручения сертификатов госслужащим с аналогичной процедурой для 37 студентов и старшеклассников, изучавших фриульский язык в университете г. Удине по велению сердца [Guglielmi, 2010: 234–238].

В целях обеспечения свободного делопроизводства на фриульском языке в области Фриули было учреждено Региональное лингвистическое бюро (служба перевода фриульский-итальянский) в органах местного самоуправления. Частным лицам, желающим подать любой официальный документ на фриульском языке, предлагается бесплатная услуга письменного перевода с итальянского на фриульский, объем документа – до 10 000 печатных знаков, включая пробелы. Для полного охвата ареала фриульского языка в Региональном лингвистическом бюро была создана система офисов-корреспондентов: центральный офис, расположенный в Удине, и четыре периферийных офиса, расположенных в Толмеццо в Верхнем Фриули; в Музсана-дель-Турганно в районе Нижнего Фриули; в Горичии для Восточного Фриули; в Сан-Вито-аль-Тальяменто для

Западного Фриули. Для пользователей проект был назван *Sportello linguistico* – Служба единого лингвистического окна. Проект полностью финансируется из регионального бюджета и осуществляется Агентством по распространению фриульского языка *ARLeF*.

Помимо этого в помощь тем итальянским гражданам, которые предположительно свободно говорят на фриульском языке, но испытывают определенные затруднения в письменной речи (не очень уверены в некоторых орфографических и грамматических моментах, так как не было классической школьной подготовки), было создано электронное приложение *Correttore Ortografico Friulano* – Автокорректор правописания на фриульском языке, который выявляет орфографические ошибки пользователя и предлагает варианты исправления.

Подводя итог краткому исследованию, хотелось бы выделить следующие положения. Политическая интенция государства в области языкового планирования актуализирует ответную реакцию субнациональных групп – этнических меньшинств, которые хотят видеть равноправными свои исторические говоры, хотят видеть их признанными в виде миноритарных языков, а не диалектов. В частности, органы власти Фриули направляют свои силы в региональном языковом регулировании в первую очередь: 1) на телевидение и радиовещание на локальном языке; 2) делопроизводство и официальную коммуникацию на миноритарном языке в органах локальной власти. Таким образом приоритетной мерой было создание медиаканалов, вещающих на фриульском полностью или частично: именно медиа в современном обществе удерживают ведущую роль в конструировании социально-пространственных «воображаемых сообществ» – национальных, региональных, локальных. Касательно введения делопроизводства и официальной коммуникации на фриульском языке в органах местного самоуправления, в прагматическом аспекте данная мера представляется излишней – все представители территориально-лингвистического меньшинства фриульцев выросли в системе итальяноязычной школы и общенациональной коммуникации, поэтому реальной необходимости переводить с фриульского не было. Однако в перспективе возможной экспансии фриульского языка на северо-восток региона Фриули–Венеция–Джулия именно практика коммуникации и документооборота в органах власти является псевдоисторическим залогом того, что этот язык официально использовался (в Аквилейском патриархате VI–XVIII вв.) и используется поныне государством, следовательно, подтверждается статус официального языка. С идеологической и политической точки зрения данная мера обоснована, с лингвопрагматической – нет.

Национальное государство (Итальянская Республика) имеет интенцию оставлять под своим контролем объем и характер социальных функций, который выполняет миноритарный язык. Традиционной же сферой употребления миноритарного языка (как и диалекта) является сфера обиходно-бытового общения. Государство лишь вынужденно впускает миноритарный язык в сферу функционирования именно государственного языка: теле- и радиовещание, официальное делопроизводство, образование (начальная и средняя ступени). Возвращаясь к идеям Майкла Биллига, стоит признать, что выбор национального (государственного) языка с признанием его обязательности для всех граждан страны с неизбежной девальвацией остальных языков этнических сообществ релевантно именно в контексте национального государства. «Возвеличение» национального языка и «приращение» всех остальных языков не имеет ничего общего с лингвистическими характеристиками языка, это чисто политический выбор. Однако парадоксальным образом именно вынужденно репрессивная лингвистическая политика национального государства в отношении миноритарных языков и является тем «вызовом», который пробуждает к жизни в качестве ответной реакции идентичность этнического сообщества. Из нематериальных компонентов этноидентичности самым значимым будет языковая идентичность как реально существующая в практике регионального общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дробижева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
2. *Едличко А.И.* Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 118–127.
3. *Загряжская Т.Ю.* Этнодискурс в пространстве языка и культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 52–65.
4. *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005. С. 5–25.
5. *Мартынова М.Ю.* Модель Триеста и население италяно-славянского пограничья // Европа меньшинств – меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы. М., 2016. С. 146–173.
6. *Раевская М.М.* Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 24–35.
7. *Шевлякова Д.А.* Формирование языковой политики государства: законодательные уровни – теория и практика (на примере Итальянской Республики, 1946–2017 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 826. С. 186–197.

8. Billig M. *Banal Nationalism*. L., 1995 / Пер с англ. М. Биллиг. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86.
9. Guglielmi S. *Minoranza linguistica, identità territoriale ed etnonazionalismo: il caso friulano* // Polis. 2010. N 2. P. 225–256.

REFERENCES

1. Drobizheva L.M. 2010. Identichnost' i etnicheskiye ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and other ethnic environment]. *Sociological studies*, no. 12, pp. 49–58. (In Russ.)
2. Yedlichko A.I. 2017. Kommertsializatsiya yazyka v aspekte yazykovoy politiki gosudarstva [Commercialization of language in the aspect of state language policy]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 18–127. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2016. Etnodiskurs v prostranstve yazyka i kul'tury [Ethnodiscourse in the space of language and culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–65. (In Russ.)
4. Karasik V.I., Dmitriyeva O.A. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: towards the definition of the concept]. *Axiological linguistics: linguocultural types*. Volgograd, Paradigma Publ., pp. 5–25. (In Russ.)
5. Martynova M.Yu. 2016. Model' Triyesta i naseleniye ital'yano-slavyanskogo pogranich'ya [Model of Trieste and the population of the Italian-Slavic borderland]. *Europe of minorities – minorities in Europe. Ethnocultural, religious and linguistic groups*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., pp. 146–173. (In Russ.)
6. Rayevskaya M.M. 2019. YAzykovaya ideologiya kak mental'naya model' i issledovatel'skaya paradigma [Language ideology as a mental model and research paradigm]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 24–35. (In Russ.)
7. Shevlyakova D.A. 2019. Formirovaniye yazykovoy politiki gosudarstva: zakonodatel'nyye urovni – teoriya i praktika (na primere Ital'yanskoj Respubliki, 1946–2017 gg. [Formation of the state's language policy: legislative levels – theory and practice (on the example of the Italian Republic, 1946–2017)]. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 826, pp. 186–197. (In Russ.)
8. Billig M. 1995. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications. Quoted from: Billig M. 2004. Nations and languages (Translation from English). *Logos*, 2004, № 4 (49), pp. 60–86. (In Russ.)
9. Guglielmi S. 2010. Linguistic minority, territorial identity and ethnonationalism: the Friulian case. *Polis*, 2010, № 2, pp. 225–256. (In Italian)

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Шевлякова Дарья Александровна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, scevliakova@mail.ru

About the author

Daria A. Shevliakova – Dr.habil in Cultural Studies, Professor, Head of the Italian Language Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, scevliakova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ СПИРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В.В. Робустова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, nikarbs@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению целесообразности создания концепции спирального развития значения имени собственного. Кратко изложены существующие взгляды на наличие значения у онимов, его структуру и факторы, оказывающие влияние на становление последнего. Представлена идея использования спиральной модели для объяснения формирования экстралингвистического аспекта значения имени собственного, его расширения и вариантов реализации в дискурсе. Развитие экстралингвистического компонента значения проходит по спирали и не имеет конечной точки. Чем больше оним функционирует в дискурсе, тем шире (эластичнее) становится его экстралингвистическое значение, которое будет меняться под действием социально-культурного контекста, изменений социальной среды, происходящих в мире событий, выполняемых индивидами действий и их восприятием обществом (в конкретный временной промежуток). Значение имени развивается по спирали, витками которой представляются функциональные уровни. Рассмотрены вопросы перехода онимов в статус прецедентных, а также динамика прецедентности, ее актуализация и деактуализация. На конкретных примерах показано наличие нескольких значений в структуре имени собственного, проиллюстрированы феномены ономастической синонимии и антонимии. Затрагиваются вопросы расширения интерпретирующего потенциала имен собственных и его зависимость от экстралингвистического аспекта значения онима.

Ключевые слова: имя собственное; спиральное развитие значения; экстралингвистический аспект

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Робустова В.В. Основы концепции спирального развития значений имен собственных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 47–57.

THE SPIRAL DEVELOPMENT CONCEPTION OF A PROPER NAME MEANING

Veronika V. Robustova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nikarbs@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of creating a new conception of a proper name meaning spiral development. The existing views on the problem of onymic meaning, its structure and factors influencing the formation of the latter are briefly presented. The idea of using the spiral model to explain the formation of the extralinguistic aspect of the meaning of a proper name, its extension and implementation options in discourse is presented. The evolution of the extralinguistic component of meaning goes in a spiral and has no ending point. The more the name functions in discourse, the wider (more elastic) its extralinguistic meaning becomes, which will change under the influence of the socio-cultural context, transformations in the social environment, events taking place in the world, actions performed by individuals and their perception by society (in a specific time period). The meaning of the name develops in a spiral, the coils of which represent the functional levels. The issues of the transition of onyms to the status of precedent names, as well as the dynamics of precedence, its actualization and deactualization are considered. Specific examples show the presence of several meanings in the structure of a proper name and illustrate the phenomena of onomastic synonymy and antonymy. The questions of expanding the interpretative potential of proper names and its dependence on the extralinguistic aspect of the onymic meaning are touched upon.

Key words: proper name; spiral development of meaning; extralinguistic aspect

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Robustova V.V. (2022) The Spiral Development Conception of a Proper Name Meaning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.)

Проблема наличия, а точнее специфики значения у имен собственных (далее – ИС) волновала ученых с античных времен. Исследования в области семантической специфики онимов находим в работах Демокрита, Аристотеля, Платона, Г. Лейбница, Дж. Ферса, Л. Хаузхолдера, У. Сепира, Д. Болинджера, Р.О. Якобсона, Дж. Локка, У. Уитни, Ф. де Соссюра, Н. Хомского, Ф. Гоббса, Дж. Милля, Х. Джозефа, Б. Рассела, Л. Стеббинг, А. Нурена, М. Бреалья, Э. Бойсенса, П. Кристоферсена, А. Гардинера, П. Троста, С. Крипке, В.А. Никонов, А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетов, Н.Д. Арутюновой, С.И. Гарагули, Д.И. Ермоловича, Е.Ф. Косиченко и других ученых. В работе Д.И. Ермоловича «Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи» (2005) представлены существующие кон-

цепции ИС; референциальные концепции ИС; асемантические концепции ИС; «металингвистические» концепции ИС; дескриптивные концепции ИС; концепции «предшествующего знания» как значения ИС; концепции языковой индивидуализации; концепции энциклопедического значения ИС; концепции «полуантропонимов»; функционально-семантическая концепция ИС.

В рамках перечисленных концепций исследователи пытались проанализировать связь имени с именуемым субъектом / объектом действительности, выявить особенности значения онима, его объем и потенциал, но вне фокуса работ оставались вопросы возникновения новых значений у ИС, их сосуществование вместе с исходным значением. Тенденция разграничения лингвистического и экстралингвистического аспектов значения ИС находит отклик в работах отечественных классиков. «Поскольку имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет собой как бы точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте. В состав сведений о слове, т.е. в лингвистическую часть значения имени, входят и особые мотивы именованья, и специфика существования имени в языке, и его современное восприятие, и история имени, и этимология его основы. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, с ним связанные, и специфика связи имени с именуемым объектом, и степень известности объекта и его имени» [Суперанская, Сталтмане, 1986: 104]. Не вступая в дискуссию о том, что все-таки включает лингвистическое, а что экстралингвистическое значение имени собственного лишь подчеркнем, что два типа информации выделяются в значении онима, один более статичный (лингвистический аспект), другой динамичный (экстралингвистический аспект).

Нам представляется, что развитие экстралингвистического компонента значения проходит по спирали и не имеет конечной точки. Чем больше оним функционирует в дискурсе, тем шире (эластичнее) становится его экстралингвистическое значение, которое будет меняться под действием социально-культурного контекста, изменений социальной среды, происходящих в мире событий, выполняемых индивидами действий и их восприятием обществом (в конкретный временной промежуток). Идеи развития по спирали находим в работах профессора Клера Грейвза, ученика Абрахама Маслоу. Он изучал эволюцию человеческого сознания и пытался понять, почему одни люди, проходя в своем развитии через определенные этапы, легко переходят на очередную ступеньку развития, а другие «за-

стревают» на ней. Его ученики Дон Бек и Крис Кован опубликовали всемирно известную книгу «Спиральная динамика» (1996, 2010), в которой развили идеи своего наставника и четко описали восемь уровней человеческого развития, которые располагаются в определенном порядке, по мере возникновения у человека новых вопросов по мере его развития. Ученые утверждали, что человеческая природа не является статичной или конечной, она меняется вследствие изменений условий существования и тем самым создает новые системы. При ее активации меняется психология и правила жизни, которые позволяют адаптироваться к новым условиям. Дон Бек считал наш мир потенциально открытой системой ценностей, где доступно неограниченное количество способов прожить жизнь, так как нет никакого конечного состояния, к которому все должны стремиться. Человек позитивно реагирует только на те принципы управления, мотивационные призывы, методы образования, юридические и этические правила, которые соответствуют уровню его существования.

Наблюдая за функционированием ИС в дискурсе в течение почти 20 лет, появлением новых имен, использованием онимов в качестве аллюзий, основы для метафорического и метанимического переноса, переходом определенных ИС в разряд прецедентных имен, их функционирование и переход с одного уровня прецедентности на другой (по Д.Б. Гудкову), возникла идея развития значения ИС по спирали. Значение ИС, а именно его внелингвистический аспект, не является статичным, оно меняется вследствие изменений вектора деятельности личности (сравнение с Маргарет Тэтчер в разные годы имело как положительные, так и отрицательные коннотации), произошедших событий в определенной местности (Сколково), восприятия общества в связи с изменением ценностной парадигмы (И.В. Сталин). При возникновении новых систем ценностных ориентаций меняется ономастическое пространство, герои есть в любое время, но их имена, как и типы, различны. Ономастикон современного дискурса тоже адаптируется, на второй план уходит «Шагреневая кожа», и «Наташа, мы все уронили» занимает пальму первенства (имеем ввиду не содержание, стоящее за примерами, а их узнаваемость, уровень прецедентности). У онимов нет предела появления новых значений, события происходят постоянно и расширяют энциклопедический аспект значения ИС. Были ли какие-либо ассоциации с Фукусимой до 11 марта 2011 г.? Возможно, были у определенной языковой группы, но мировую известность и значение «катастрофа» данное ИС приобрело только после упомянутой даты. Д.И. Ермолович в своих работах использует понятие «единый фонд базовой ономастической лексики», и нам представляется, что оно-

мастическая база определенного лингвокультурного общества (именно лингвокультурного, одним языком могут пользоваться разные культуры, что приведет к различному составу ономастической базы) имеет базовую и вариативную части. Базовая часть остается относительно статичной (входящие в нее имена не меняются, хотя профилируемые значения и приобретение новых оттенков значений безусловно возможно), вариативная часть отражает интересы и специфику времени, она будет меняться в зависимости от поколений, которые «ткнут дискурсивную сеть». Таким образом, мы наметили ключевые положения концепции спирального развития значения ИС.

Предпосылки к развитию данной концепции находим в работах О. Есперсена: «Когда Вы слышите о каком-нибудь человеке в первый раз или в первый раз встречаете его имя в газетах, вы не знаете о нем ничего, кроме имени; но чем больше вам приходится слышать о нем или видеть его, тем больше его имя наполняется для вас содержанием. Подобным же образом, по мере того, как вы читаете роман, возрастает и ваше знакомство с персонажем романа» [Есперсен, 1958: 72]. Ученый подчеркивал «собираательный» процесс накопления знаний об ИС. Впервые встречая имя Гарри Поттера, читатель имеет представление лишь о лингвистическом значении имени (мужской род, переведено с английского языка). Если читатель пытливым, он погуглит (именно погуглит) значение имени Гарри и этимологию фамилии Поттер в английском языке, у него сформируются определенные ожидания относительно образа героя на основе полученных знаний. Конечно, мало кто пытается найти значение имен персонажей, если он не является ономастом, поэтому в большинстве случаев читатель (реципиент) начинает с актуализации доступного ему лингвистического значения. По мере прочтения романов о Гарри Поттере значение имени растет, расширяется его энциклопедический аспект. А дальше реципиент посмотрит фильм, купит тематическую настольную игру, пройдет квест в Министерстве Магии, купит одежду одноименного бренда, отправится на экскурсию по местам съемки фильма и т.д. Все это будет постоянно расширять значение ИС, расширять его интерпретирующий потенциал (термин Н.Н. Болдырева). Возможно, имя литературного героя используют в качестве прозвища для политика (как это было с Тони Блэром и одним из его прозвищ Бэмби), и тогда уже не только романы о Гарри Поттере, но и деятельность этого политика будут оказывать влияние на значение ИС, его коннотации и валентность в определенном контексте. Мы видим, что значение имени действительно нарастает, развивается по спирали.

Значение ИС, развиваясь по спирали, проходит несколько витков, которые символизируют расширение его интерпретирующего потенциала. Все имена, изначально возникая в языке, находились на одном и том же уровне. Некоторые из них обогатили свое экстралингвистическое значение благодаря жизни и деятельности референта (деяниям носителя имени / событиям, происходившим в определенной местности) и перешли на следующий уровень. В их значении образовались определенные характеристики / характерные черты, которые дали возможность реципиенту (коммуниканту) употреблять их в непрямой функции наречения, сделали данный оним узнаваемым. Здесь мы опять встречаемся с теорией прецедентности и конкретно с прецедентными именами. Д.Б. Гудков так характеризовал выделенные уровни прецедентности: автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды; социумно-прецедентные феномены известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство; национально-прецедентные феномены известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества; универсально-прецедентные феномены известны любому современному полноценному homo sapiens и входят в универсальное когнитивное пространство человечества [Гудков, 2003: 102–104]. Уровень прецедентности связан со степенью известности онима в социуме. Под известностью в данном случае мы понимаем закрепленность за определенным ИС набора характеристик, которые дают возможность данному имени функционировать в качестве номинации для другого субъекта / объекта действительности, обладающего такими же характерными чертами, или использоваться в качестве характеристики определенного качества субъекта / объекта номинации, профилируемой характеристики в рамках конкретного контекста употребления.

Приведем пример реконструкции ономастического концепта ALICE IN WONDERLAND, проведенный на основе оригинального произведения Льюиса Кэррола, без учета экранизаций, компьютерной игры, медицинской и развлекательной сфер, где оним так же функционирует, но имеет иные дополнительные смыслы, мотивированные спецификой указанных отраслей (рисунок). Выявленные ниже характеристики (несколько или одна из них) могут быть профилированы говорящим в определенном контексте (при условии

наличия этих же характеристик у нового субъекта / объекта номинации) и актуализироваться в других контекстах, тем самым наращивая смысловой потенциал имени и спектр возможных значений в дискурсе.

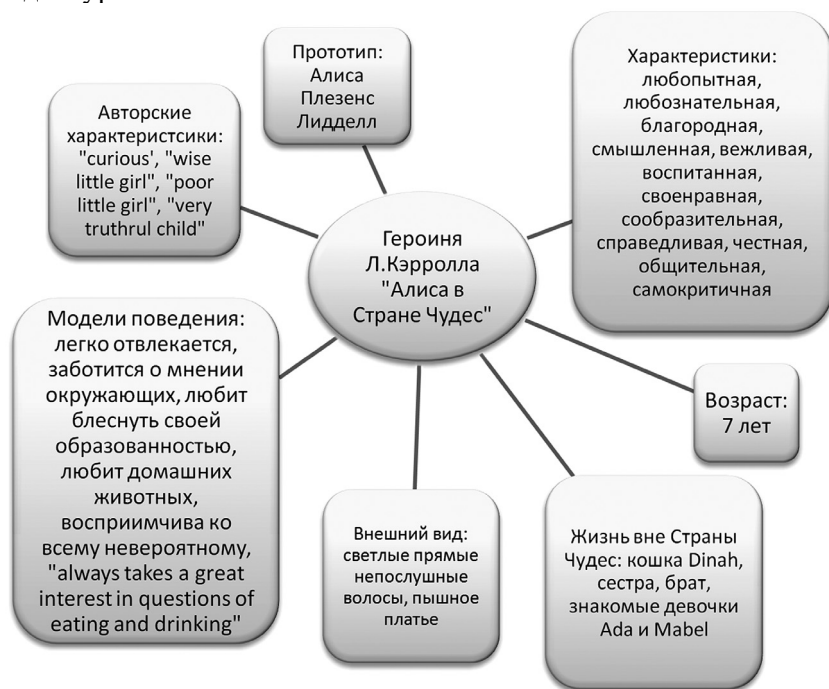

Рисунок. Характеристики героини Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»

В словаре “The Oxford Dictionary of Allusions” (2001) тема ADVENTURE, куда попадает языковая единица Alice in Wonderland, представлена следующими ИС – 007, Bilbo Baggins, James Bond, Boy’s Own, John Buchan, Arthur Conan Doyle, Phileas Fogg, Rider Haggard, Homeric, Jason, Indiana Jones, Allan Quatermain, Walter Scott, Sinbad. В каждом из имен актуализируется значение «приключение», так как в купе своих характеристик любое из них содержит «приключение». Конечно, это не только приключенческие события, но и авторы приключенческих романов, их герои, актеры, сборники рассказов соответствующей тематики, все они так или иначе связаны с темой «приключения». Имя Алиса попадает как в указанную категорию, так и фигурирует в темах ASCENT AND DESCENT, HAIR, HEIGHT, SMALL SIZE. Если мы еще раз посмотрим на приведенную выше схему, то легко отыщем характеристики, соответствующие указанным тематикам.

Нами были выделены уровни функционирования имен собственных: макросоциумный, где функционируют универсально-прецедентные и национально-прецедентные имена; социумный, включающий национально-прецедентные и социумно-прецедентные имена; микросоциумный характерен для социумно-прецедентных и автопрецедентных имен [Робустова, 2011: 93–94]. Мы видим, что на каждом уровне присутствуют ИС, которые довольно сложно четко отнести к единственному уровню, так как для одних людей данное имя будет относиться к национально-прецедентным, а для других к социумно-прецедентным (на пример Odin). Прецедентные имена характеризуются динамикой, одни они перестают быть прецедентными (не осталось коммуникантов, для которых они являются известными), другие наоборот получают статус прецедентного имени.

В функционально-семантической концепции имени собственного Д.И. Ермолович выделяет номинативный аспект, референциальный аспект и семантический аспект, в рамках которого рассматривает четыре компонента сигнификата ИС – понятийный, бытийный, классифицирующий и индивидуализирующий [Ермолович, 2005: 52–79]. Внутри индивидуализирующего компонента автор констатирует наличие дополнительных смыслов, обусловленных фоновыми знаниями о конкретном лице или объекте у участников данной коммуникативной сферы и возникающих в соответствующих им контекстах и ситуациях. Ученый полагает, что дополнительный смысл служит дескриптивным дополнением к индивидуализирующему компоненту в речи, содействует его уточнению и обогащению. Дескриптивный компонент «включает в себя некое множество признаков референта, достаточных, чтобы основная масса образованных носителей языка понимала, о ком или о чем здесь идет речь» [там же: 73]. Распознаваемость дескриптивного компонента она переводит его в разряд прецедентных имен, степень узнаваемости определяет уровень его функционирования в дискурсе и виток развития на спирали значения. В рамках анализируемой теории автор выделяет параметры дескриптивного компонента значения: временной, локальный (параметр места), деятельностный (отражающий характер деятельности, поступки, свершения референта), релятивный (отражающий его отношение к другим референтам), что тоже представляется важным для определения факторов развития значения ИС и возможных траекторий (профилей) его интерпретации.

Отметим также, что здесь мы вновь стоим на перекрестке индивидуализирующей и классифицирующей функций. С одной стороны, ИС призвано выделять субъекта / объект среди ему подобных, с другой – оно активно используется для характеристики ряда одно-

типных объектов. Мы можем говорить о существовании ономастических синонимов и ономастических антонимов в дискурсе. Например, Супермен фигурирует в Словаре аллюзий в ряде тем, что подтверждает возможность актуализации нескольких значений у онима. Superman – CHANGE, HEROES, STRENGTH, WEAKNESS. “*Kent was the TV heartthrob of the Gulf War, his **Superman** good looks gilding his newshawk reputation*” [Chatelaine, 1992; цит. по: Delahunty, 2001: 186].

Самсон тоже относится к следующим темам: Samson – BLINDNESS, CAPTIVES, HAIR, SAFETY, STRENGTH, WEAKNESS. И в первом, и во втором примерах мы находим темы «сила» и «слабость». Здесь интерес представляет не только наличие нескольких профилируемых значений у ИС (именно профилируемых, их может быть больше, в зависимости от фоновых знаний, предпочтений говорящего, специфики контекста), но и присутствие полярных тем, что говорит о динамике значения онимов, их развития, возможности приращения новых смыслов и трансформации уже имеющихся под действие социокультурного контекста и специфики восприятия индивидуальной / коллективной личностью. В рассматриваемых рубриках присутствуют и другие имена, обладающие профилируемой характеристикой, но, как и в случае с темой «приключения», конкретная репрезентация характеристики в дискурсе будет различной.

STRENGTH – Muhammad Ali, Amazon, Atlas, Charles Atlas, Paul Bunyan, Hercules, Hulk, Leviathan, Polydamas, Popeye, Samson, Spartan, Superman, Tarzan, Thor, Titan.

*He had awakened that morning from a sleep deep as annihilation: and during those first few moments in which the brain, like **Samson** shaking himself, is trying its strength, he had some dim notion of an unusual nocturnal proceeding* [Thomas Hardy, Tess of the D’Urbervilles; цит. по: Delahunty, 2001: 370].

WEAKNESS – Achilles, Antaeus, Balder, Delilah, Goliath, Humpty Dumpty, Caspar Milquetoast, Samson, Siegfried, Superman.

*This is the very dilemma that once confronted a young Hick. Hailed as great before he’d achieved it, he lost the glow of youth with frightening rapidity. With the erosion of innocence went his power, weakened like **Samson** at the barber’s shop* [Observer, 1998; Цит. по: Delahunty, 2001: 408].

На исходном этапе появления ИС оно реализует преимущественно индивидуализирующую функцию, довольно редко актуализируется характеризующая функция, но если это происходит, то у нее есть своя специфика, а именно характеризующая функция основывается на внутренней форме имени, действительно описывает объ-

ект номинации. Когда ИС обрастает определенными ассоциациями и коннотациями, оно переходит на следующий уровень функционирования, становится способным играть роль характеристики субъекта или объекта действительности, возможно, имеющего другое личное имя. Переход на следующий уровень расширяет интерпретирующий потенциал имен собственных и сферу их функционирования в дискурсе. Чем больше известен носитель имени и чем разнообразнее его деятельность, тем шире интерпретирующий потенциал онима. Возникновение определенных коннотаций может быть связано с конкретным периодом деятельности референта / существования объекта, таким образом с годами экстралингвистический компонент значения будет разрастаться, позволяя перейти ониму на следующий виток спирали, сохраняя в своей основе все предыдущие характеристики. Подчеркнем, что характеристики, лежащие в основе экстралингвистического значения ИС, не исчезают из компонентов его значения, они могут дефокусироваться, терять актуальность, но при употреблении в соответствующем контексте актуализироваться снова. Они также могут получать своего рода реактуализацию, когда начинают высвечивать определенные ключевые признаки действительности в новом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляй ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М., 2010.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
5. Робустова В.В. Роль непрямой номинации в коммуникативном пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 91–100.
6. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. и др. Теория и методика ономастических исследований. М., 1968.
7. Delahunty A., Dignen Sh., Stock P. The Oxford Dictionary of Allusions. Oxford, 2001.

REFERENCES

1. Beck D, Kowan K. 2010. *Spiral Dynamics. Mastering values, leadership, and change in the 21st century*. Moscow, BestBusinessBooks. (In Russ.)
2. Ermolovich D.I. 2005. *Proper names: theory and practice of interlingual transmission*. Moscow, R. Valent. (In Russ.)
3. Gudkov D.B. 2003. *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow, Gnosis. (In Russ.)
4. Jespersen O. 1958. *Philosophy of Grammar*. Moscow, Ed. foreign Literature. (In Russ.)

5. Robustova V.V. 2011. The role of indirect nomination in communication. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 91–100. (In Russ.)
6. Superanskaya A.V., Staltmane V.E. et al. 1968. *Theory and methods of onomastic research*. Moscow, Nauka. (In Russ.)
7. *Delahunty A., Dignen Sh., Stock P.* 2001. *The Oxford Dictionary of Allusions*. Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 10.08.2021;
approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Робустова Вероника Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, nikarbs@yandex.ru

About the author

Veronika V. Robustova – PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, nikarbs@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВО КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД И КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АККУЛЬТУРАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

С.С. Грецкая

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, gnole_fungle@mail.ru*

Аннотация. В центре внимания в настоящей статье оказывается пространство, воспринимаемое в теории межкультурной коммуникации как коммуникативный код, как одна из неязыковых форм коммуникации, и рассматриваемое в лингвокультурологии в качестве одного из кодов культуры, позволяющих категоризировать, упорядочивать и оценивать мир. Предлагаемое исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы и посвящено изучению специфики конструирования модели аккультурации в современной мультикультурной художественной прозе с использованием пространственных оппозиций. Под аккультурацией понимается процесс трансформации психологического пространства личности, связанной с продолжительным межкультурным взаимодействием. Проводится анализ актуализации в рассказе С. Тхаммавонгсы “How to Pronounce Knife” (2015) ключевых связанных с восприятием физического пространства и значимых для психологического пространства героини противопоставлений: *центр – край; верх – низ; впереди – сзади; внутри – снаружи; нормальная (традиционная) конфигурация объекта – искривленная конфигурация*. С учетом символических смыслов, которыми наделяются в рассматриваемом произведении указанные пространственные оппозиции в связи с восприятием героиней в инокультурной среде родной и принимающей культур, делается вывод о том, что сопровождающий ее «воздушный пузырь» не предстает привычной трехмерной сферой, а имеет конфигурацию, напоминающую проекцию вращения тессеракта, четырехмерного гиперкуба, в плоскостях XW и YW на трехмерное евклидово пространство.

Ключевые слова: пространство как коммуникативный код; пространство как код культуры; аккультурация; психологическое пространство личности; когнитивно-функциональное моделирование аккультурации; мультикультурная проза

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Грецкая С.С. Пространство как коммуникативный код и когнитивно-функциональное моделирование аккультурации в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 58–67.

SPACE AS A COMMUNICATIVE CODE AND COGNITIVE-FUNCTIONAL MODELLING OF ACCULTURATION IN FICTION

Sof'ya S. Gretskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, gnole_fungle@mail.ru

Abstract. Drawing from the field of intercultural communication in which space is referred to as a non-linguistic form of communication, as well as linguocultural studies that treat it as one of the cultural codes used to categorize the world, put it in order and evaluate it, the author of this article focuses on the use of space in cognitive-functional modelling of acculturation in contemporary multicultural fiction. The research examines how acculturation, which is defined as a process of change that affects one's personal psychological space as a result of continuous inter-cultural contact, is constructed in the short story "How to Pronounce Knife" (2015) by S. Thammavongsa. A study of the following key binary oppositions pertaining to the physical and the psychological space in the short story is carried out: *centre – edge, up – down, front – back, inside – outside, regular (traditional) configuration/layout – deformed configuration / distorted layout*. Taking into account the acculturation-related symbolic meanings attributed to these spatial oppositions by S. Thammavongsa, the author concludes that the invisible "air bubble" that the protagonist of the story under analysis carries around in a new culture resembles a tesseract, or a 4D hypercube, which rotates about the XW and YW planes, rather than an ordinary 3D sphere.

Key words: space as a communicative code; space as a code of culture; acculturation; personal psychological space; cognitive-functional modelling of acculturation; multicultural fiction

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Gretskaya S.S. (2022) Space as a communicative code and cognitive-functional modelling of acculturation in fiction. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 58–67. (In Russ.)

Как известно, пространство – одна из системообразующих категорий для человека, объединяющая его с другими живыми организмами. Однако, в отличие от простейших, человек придает значение не только физическому барьеру между собой и средой, но и не

имеющей физического воплощения оболочке «воздушного пузыря», повсеместно его сопровождающего (“portable air «bubble””) [Pease, Pease, 2004], причем для представителей разных культур размеры этой невидимой сферы, в рамках которой индивид существует и в пределы которой допускает только самых близких, будут различны. Недаром территориальность, или закрепление за индивидом определенного пространства, неприкосновенность которого он будет защищать, Э.Т. Холл, основатель проксемики как науки, не просто отнес к числу коммуникативных кодов, а именно неязыковых форм коммуникации (“non-linguistic forms of the communication process”), но включил в перечень «первичных информационных систем» (“primary message systems”) [Hall, 1959]: то, как мы ощущаем, визуализируем и используем необходимое/доступное пространство, неизбежно накладывает отпечаток на наше взаимодействие с представителями своей и иных групп. В связи с этим неудивительно, что пространство нередко исследуется и в качестве кода культуры – «сетки», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2001: 5].

Целью настоящего исследования является изучение использования пространства как коммуникативного кода при когнитивно-функциональном моделировании феномена аккультурации в конкретном произведении современной мультикультурной литературы. Термин «аккультурация» в данной работе используется для обозначения психологических и культурных изменений как на уровне индивида, так и на уровне группы, происходящих вследствие продолжительного прямого контакта между представителями разных культур [Sam, Berry, 2010].

В качестве материала был использован рассказ “How to Pronounce Knife”¹ Суванкхам Тхаммавонгсы – канадской поэтессы и писательницы лаосского происхождения. Основания считать данное произведение перспективным с точки зрения исследования специфики когнитивно-дискурсивного моделирования аккультурации дает, во-первых, сюжет: героиня – девочка шести-семи лет из лаосской семьи, проживающей в неродной англоязычной культуре, обучается в англоязычной школе и старается совместить преданность этническим корням – культуре своих родителей – со стремлением влиться в принимающую культуру; во-вторых, его реалистичность, связанная с автобиографичностью, которую автор в своих высту-

---

¹ *Thammavongsa S. How to Pronounce Knife // Granta, 2017. 141. URL: <https://granta.com/how-to-pronounce-knife/> (accessed: 04.10.2021).*

плениях и интервью неоднократно подчеркивает²; в-третьих, восприятие его целевой аудиторией, имеющей продолжительную историю в части развития концепции и политики мультикультурализма: рассказ “How to Pronounce Knife” в 2015 г. вошел в шортлист литературной премии Содружества наций, а в 2020 г. стал заглавным произведением сборника³, за который С. Тхаммавонгса была удостоена канадских премий Гиллер (2020) и Триллиум (2021).

Исходя из положения о том, что пространство – это код коммуникации и код культуры, а последний нередко интерпретируется как «таксономия элементов картины мира, в которой объединены <...> объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [Pimenova, 2013: 45], считаем логичным обратиться к основным параметрам физического пространства, которые используются автором для конструирования модели аккультурации в связи с изменением психологического пространства личности. Под психологическим пространством личности в данной работе понимается «субъективно значимый фрагмент бытия, т.е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека» [Нартова-Бочавер, 2002: 3], который в терминах теории динамических систем представляет собой самоорганизующуюся открытую систему с нелинейной динамикой содержания [Джабер, 2017]. Ключевые связанные с восприятием пространства оппозиции, определяющие взаимодействие героини с этнической культурой ее родителей, лосской, и принимающей культурой, предположительно канадской (в рассказе она не обозначена эксплицитно, однако выводится из биографии автора), это: *центр – край; верх – низ; впереди – сзади; внутри – снаружи; нормальная (традиционная) конфигурация объекта – искривленная конфигурация*. Эти противопоставления реализуются в рассказе в отношении как человеческого тела, так и внешних объектов.

Рассмотрение пары *центр – край* позволяет отметить, что с разными полюсами данной оппозиции родная и чужая культуры связываются девочкой попеременно, причем не во всех контекстах положительная личностная и культурная идентичность связана с расположением своей группы «в центре мироздания». Так, в самом

² CBC News. Fun, ferocious moments at centre of Giller Prize-winning book [Video]. Youtube. 2020, November 10. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=INn0ObOx0ak> (accessed: 04.10.2021); *Lederman M.* Souvankham Thammavongsa’s fairy-tale ending caps a most unusual Giller Prize evening // The Globe and Mail. 2020, November 10. URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books/article-thammavongsas-fairy-tale-ending-caps-a-most-unusual-giller-prize/> (accessed: 04.10.2021).

³ *Thammavongsa S.* How to Pronounce Knife. N.Y., 2020.

начале рассказа принимающая культура оказывается представлена запиской от классного руководителя, которую с целью непременно донесения наиболее важной информации до родителей Джой прикалывают булавкой на грудь ребенку: “The note had been typed out, folded over two times. It had been pinned to the child’s chest. It could not be missed”⁴. Как явствует из текста, данный способ коммуникации между школой и семьями учащихся, не принадлежащими к доминирующей культурной группе, практикуется регулярно, однако так же регулярно игнорируется. Неродной культуре, место которой принимающее общество определяет на груди героини, оказывается противопоставлена лаосская культура, аналогичным образом «ситуированная» отцом девочки: “The child looked to the centre of her father’s chest, where, on this T-shirt, four letters stood side by side: LAOS.”⁵ Название родной страны на футболке вступает в противоречие со словами героя, призывающего, пусть и несколько не последовательно, никому в новой культуре не говорить о своем происхождении и избегать использовать лаосский язык (“<...> Don’t speak Lao and don’t tell anyone you are Lao. It’s no good to tell people where you’re from”⁶), в результате чего возникает сопряженный с нагнетанием психического напряжения когнитивный диссонанс – «на когнитивном уровне <...> ситуация несогласованности, неконгруэнтности общения <...>, когда послания, получаемые по разным каналам приема информации, не совпадают» [Молчанова, 2018: 11].

Далее, говоря об оппозиции *центр – край*, обратим внимание на то, как выглядит общая фотография класса Джой. В силу обстоятельств девочка оказывается в день школьной фотосъемки среди своих торжественно одетых одноклассниц и одноклассников в грязной обуви и темно-зеленом спортивном костюме с растянутой на коленях тканью, отчего начинает испытывать явный дискомфорт. В конечном счете ее размещают среди детей таким образом, что обычно расположенная в средней части фотографии табличка с указанием номера класса и года фотосъемки смещается в сторону: она служит щитом для девочки, позволяя видеть ее лицо, но не одежду. На снимке героиня искренне улыбается, глядя в камеру, – благодаря этой табличке отрицательные эмоции, связанные с необходимостью приспособливаться к инокультурной среде, временно сходят на нет, даже невзирая на то, что формально она не находится в центре композиции.

⁴ Thammavongsa S. How to Pronounce Knife // Granta, 2017. 141. URL: <https://granta.com/how-to-pronounce-knife/> (accessed: 04.10.2021).

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

Противопоставления *впереди – сзади* и *верх – низ* актуализируются в связи со стремлением героини достичь положительной идентичности за счет признания ее способностей принимающей культурой. Читатель узнает, что в классе Джой существует практика поощрять развитие у первоклассников навыка чтения небольшими призами: карандашами, леденцами, жевательной резинкой, шариками марблс и т.п., – которые хранятся в специальном мешочке в верхнем ящике стола классного руководителя, и девочке очень хочется попасть в число тех, кому достанется приз: “One or two errors could mean not seeing Miss Choi’s red velvet sack with all the prizes in it. <...> There had been others before: a pencil, a pack of chewing gum, a lollipop, even a sack of marbles. But none had been as lovely as this red yo-yo. And had the child known what that word was, that red yo-yo would have been hers, but, of course, all of it would remain locked in the top drawer of Miss Choi’s desk now.”⁷ Необходимо добавить, что для демонстрации успехов в чтении дети покидают свои рабочие места за партами и собираются на ковре в передней части класса (позволим себе предположить, что такой выбор учителя связан со стереотипами об успеваемости, которые ассоциируются с рассадкой в классе: сидящим вместе на ковре детям, вероятно, психологически проще проявить себя, когда они не стеснены подобными стереотипами): “Miss Choi gathered the whole class together. They all sat around the green carpet at the front of the room while the desks were left empty, and she would get someone to read.”⁸

Героиня была почти у цели, однако девочку подвело неизвестное слово “knife”, которое ее отец, пользующийся в семье непререкаемым авторитетом, со всей уверенностью рекомендовал ей читать как “kahnueff”. В результате в кабинете директора она изо всех сил старается доказать свою правоту – правоту ее отца, апеллируя именно к тому, что буква “k” первая в слове “knife”, а значит, ее просто невозможно игнорировать при его произнесении: “She doesn’t tell how she had insisted the letter ‘k’ was not silent. It couldn’t be and she had argued and argued, ‘It’s in the front! The first one! It should have a sound. Why isn’t there a sound there?’”⁹ В связи с вышеизложенным считаем справедливым утверждение о том, что в сознании героини значимое и при этом недостижимое, а иногда и непостижимое, связанное с принимающей культурой, локализуется впереди и сверху. Тем удивительнее для девочки то, что после эпизода в кабинете директора учительница сопроводила ребенка к заветному столу в передней части класса, извлекла из верхнего ящика заветный мешочек с по-

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

ощрениями и предложила выбрать любое: “Now, for some reason, Miss Choi was waiting for her near the door and when she got there she asked the child to follow her to the front desk. There, she unlocked the top drawer and pulled out the red velvet sack. ‘Pick one,’ she said.”¹⁰ Такое поведение Мисс Чхве может быть продиктовано как ее собственной этнической идентичностью и личным желанием сделать для ребенка процесс аккультурации менее болезненным, так и канадской политикой мультикультурализма, предполагающей, что не только государственная власть, но и различные социальные, экономические и прочие институты способствуют установлению в стране культурного многообразия, атмосферы инклюзивности и взаимного уважения¹¹.

Что касается оппозиции *внутри – снаружи*, к которой автор также прибегает при конструировании меняющегося в процессе аккультурации психологического пространства героини, она реализуется двояко. С одной стороны, когда девочка наиболее тяжело переживает свою непохожесть на представителей доминирующей культуры, например, в день школьной фотосъемки, она подсознательно стремится сократить объем физически занимаемого собой пространства, ощущая угрозу значимости культуры своих родителей: “‘Joy. Did you get your parents to read the note we sent home with you?’ ‘No,’ she lied, looking at the floor where her blue shoes fitted themselves inside the space of the square of a small tile. Now, she didn’t want to lie, but there was no point in embarrassing her parents.”¹² Она как бы вписывает себя в многогранник, одна из граней которого представляет собой небольшую квадратную напольную плитку. С другой, дома, в более комфортной для себя среде, героиня вместе с родителями создает пространство внутрисемейного взаимодействия за ужином вокруг расстеленной на полу в форме квадрата газеты: “Then, he’d hand over a roll of newspaper to the child, who unfolded sheets on the floor, forming a square, and around that square they sat down to have dinner.”¹³

В то же время примечательно описание автором в конце рассказа того, как Джой с отцом собирают пазл с изображением летящего самолета. Тяжело переживая ключевое открытие дня, то, что ей многое в своей жизни вообще и в новой культуре в частности придется узнавать самой, а родители могут в чем-то ошибаться, девоч-

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Canadian Multiculturalism Act // Government of Canada. Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (accessed: 04.10.2021).

¹² *Thammavongsa S.* How to Pronounce Knife // *Granta*, 2017. 141. URL: <https://granta.com/how-to-pronounce-knife/> (accessed: 04.10.2021).

¹³ Ibidem.

ка не может не разделить с папой радость от долгожданного признания со стороны принимающей культуры, при этом не рассказывая ему всей правды: “She told her father only that she won something, this thing, and showed him the prize. <...> He is delighted because, in some way, he has won it too. They take the prize, all the little pieces of it, and start forming the edge, the blue sky, the other pieces, the middle. The whole picture, they fill those in later.”¹⁴

Представляется, что те части пазла, которые дочь и отец уже сумели составить, крайние элементы и центральная часть, символизируют фрагменты знания как о своей этнической культуре, так и отчасти о доминирующей культуре в принимающем обществе, в то время как недособранные части картинки – это «белые пятна», которые им обоим еще предстоит закрыть по мере аккультурации.

Хотелось бы отдельно остановиться на актуализируемом в рассказе противопоставлении эталонной конфигурации объекта текущей (например, ровной поверхности – поверхности прогнутой, традиционному расположению частей целого – текущему расположению). Представляя квартиру семьи Джой, С. Тхаммавонгса акцентирует внимание на висящей в гостиной картине, на которой отец семейства схематично изобразил мост в осеннем лесу: “On the wall of the main room was a tiny painting with a brown bend at the centre. That brown bend was supposed to be a bridge, and the blots of red and orange brushed in around it were supposed to be trees.”¹⁵ Мост, представленный при помощи кривой, воплощает тяжесть вхождения в новую культуру для героя, о чем свидетельствуют комментарии о его ежедневном унынии, переходящем в негодование, в связи со сложностями, которые переживают люди его возраста и статуса, стараясь построить жизнь с нуля в неродной среде. В то же время привычный внешний вид классной фотографии и порядок получения детьми небольших материальных поощрений в школе изменяются из-за Джой – принимающая культура как бы подстраивается под ребенка, который яростно отстаивает «лицо» своей семьи и этнической культуры.

Таким образом, представляется правомерным заключить, что, благодаря использованию автором рассмотренных пространственных оппозиций, аккультурация в рассказе “How to Pronounce Knife” конструируется как динамичное преобразование психологического пространства героини, подобное не перемещению привычной трехмерной сферы, а скорее модели проекции вращения тессеракта, или четырехмерного гиперкуба [о тессеракте см. Гальперин, 2015],

---

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

в плоскостях XW и YW на трехмерное евклидово пространство¹⁶. Девочка постоянно переключается между двумя культурами, родной и принимающей, перемещаясь с позиции, где она ощущает культуру родителей как средоточие своей жизненной энергии и истинного знания о мире, на позицию, где осознает восприимчивость доминирующей культуры и приветствует предлагаемые ею возможности, одновременно то замыкаясь внутри своей этнической культуры, то выходя за ее пределы, как бы осуществляя вращение в горизонтальной плоскости, двигаясь вперед и назад, меняя при этом свою точку зрения на родную и чужую культуры (извне и снаружи), когда каждая из них попеременно то становится для нее центром ее существования, то уходит на периферию.

Кроме того, аккультурация героини предполагает движение в вертикальной плоскости: она фокусирует внимание то на непостижимости разных аспектов новой культуры и недостижимости признания внутри нее, то на неожиданно успешном маленьком шаге на пути к поставленной цели встроиться в новый социум. Поставив себе эту цель, Джой, оставаясь верной культуре своих родителей при осознании необходимости научиться видеть мир по-новому, воздействует на пространство принимающей культуры таким образом, что последняя, требуя от нее игры по новым правилам, в конечном счете начинает деформироваться, с тем чтобы принять девочку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гальперин Г.А.* Многомерный куб. М., 2015.
2. *Джабер М.Х.* Применение теории динамических систем в исследовании трансформации смыслового содержания вербализованных концептов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2017. № 2. С. 62–69.
3. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Зотов. Вып. 19.* М., 2001. С. 5–19.
4. *Молчанова Г.Г.* Когнитивный диссонанс как трансакционный прием построения урбанонима // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2018. № 1. С. 8–16.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // *Психологическая наука и образование.* 2002. № 1. С. 35–41.
6. *Hall E.T.* *The Silent Language* N.Y., 1959.
7. *Pease A., Pease B.* *The Definitive Book of Body Language: How to Read Others' Thoughts by Their Gestures.* Buderim, 2004.

---

¹⁶ The Royal Institution. Four Dimensional Maths: Things to See and Hear in the Fourth Dimension – with Matt Parker [Video]. Youtube. 2015, February 25. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1wAaI_6b9JE (accessed: 04.10.2021).

8. Pimenova M.V. National and Cultural Connotations in Terms of Foreign Language Acquisition // *European Journal of Contemporary Education*. 2013. Vol. (3). № 1. P. 44–49.
9. Sam D., Berry J. Acculturation: When Individuals and Groups of Different Cultural Backgrounds Meet // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. № 4. P. 472–481.

REFERENCES

1. Gal'perin G.A. 2015. *Mnogomernyj kub* [Multidimensional cube]. Moscow, MCNMO. (In Russ.)
2. Dzhaber M.Kh. 2017. Primenenie teorii dinamiceskikh sistem v issledovanii transformacii smyslovogo sodержaniya verbalizovannykh konceptov [Dynamic systems theory approach in diachronic studies of lexical concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 8–16. (In Russ.)
3. Krasnyh V.V. 2001. *Kody i jetalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)* [Codes and standards of culture (an invitation to conversation)]. In: Krasnyh V.V., Zotov A.I. (eds.). *Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. st.* [Language, cognition, communication: collection of articles]. Vyp. 19. Moscow, MAKS Press, pp. 5–19. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2018 Kognitivnyi dissonans kak transaktsionnyi priem postroeniya urbanonima [Cognitive dissonance as a transactional mechanism of the urbanonimic formation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 8–16. (In Russ.)
5. Nartova-Bochaver S.K. 2002. Ponjatie “psihologicheskoe prostranstvo lichnosti” i ego jevrsticheskie vozmozhnosti [The concept “psychological space of the personality” and its heuristic potential]. *Psychological Science and Education*, no. 1, pp. 35–41. (In Russ.)
6. Hall E.T. 1959. *The Silent Language*. New York, Doubleday and Co., Inc.
7. Pease A., Pease B. 2004. *The Definitive Book of Body Language: How to Read Others' Thoughts by Their Gestures*. Buderim, Qld., Pease International.
8. Pimenova M.V. 2013. National and Cultural Connotations in Terms of Foreign Language Acquisition. *European Journal of Contemporary Education*, Vol. (3), no. 1, pp. 44–49. (In Russ.)
9. Sam D., Berry J. 2010. Acculturation: When Individuals and Groups of Different Cultural Backgrounds Meet. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 5, no. 4, pp. 472–481.

Статья поступила в редакцию 19.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 19.08.2021;
approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Грецкая Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, gnole_fungle@mail.ru

About the author

Sof'ya S. Gretskaya – PhD, Associate Professor at Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, gnole_fungle@mail.ru

ОТ ГОРОДА-САДА К ГОРОДУ-ПАРКУ: О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТЕ ГОРОДА

Е.В. Медведева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, yelena_medvedeva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию города как текста культуры, возникающего за счет взаимодействия разных семиотических кодов в городском пространстве. При таком подходе текстом оказывается сама городская среда, где результаты исторической и культурной жизни города закреплены с помощью архитектуры, топонимики, природных феноменов и пр. Учитывая многоаспектность городской семиотики, представляется целесообразным сфокусировать внимание на урбанистической метафоре как виде тропа, позволяющем в образной форме зафиксировать основное сообщение городского текста или сообщение, транслируемое одним из его фрагментов. Предметом исследования в данной статье является метафора «город-сад», ее функционирование, а также ее формальные и семантические модификации в XX–XXI вв. В статье предпринята попытка проанализировать трансформацию данной «текстопорождающей» метафоры, положившей начало градостроительной концепции Э. Говарда и ставшей ее квинтэссенцией, в метафору стертую, в определенный момент превратившуюся в газетный штамп и поэтому утратившую значительную часть своего исходного семантического наполнения. Представляется, что появление современного варианта «город-парк» обусловлено идеологическим влиянием концепции Нового урбанизма, с одной стороны, и утилитарной необходимостью продвижения строящихся жилищных комплексов и микрорайонов городов, – с другой. Тем не менее возникновение новой метафоры позволяет указать как на смену подходов к благоустройству городского пространства, так и на сопутствующие изменения в тексте города как тексте культуры.

Ключевые слова: город; городская среда; городское пространство; город как текст; городской текст; знаковые системы; семиотика города; семиотика пространства; урбанистическая метафора; город-сад; город-парк

Для цитирования: Медведева Е.В. От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 68–78.

FROM GARDEN-CITY CONCEPT TO PARK-CITY CONCEPT: USING THE URBAN METAPHOR IN THE TEXT OF THE CITY

Elena V. Medvedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yelena_medvedeva@mail.ru

Abstract. The article considers the city as a text of culture which appears due to interaction of different semiotic codes in urban space. Due to this approach urban space can be regarded as the text which consolidates the results of historic and cultural life of the city with the help of architecture, toponymics, natural phenomena. With regard to multi-aspect nature of urban semiotics it seems reasonable to focus on the urban metaphor as a trope which conveys the main message as a figurative expression. The article studies the metaphor garden-city concept and its semiotic modifications in XX–XXI centuries. The author attempts to analyze the transformation of this metaphor, which initiated the urban planning conception of E. Howard, into a dead metaphor which converted into a newspaper cliché and, as a result, lost its original semiotic sense. The ideological influence of new urbanism and the necessity of promotion of new housing complexes have stipulated the appearance of this modern variety of the concept: park-city concept. However, this fact allows to concentrate both on the change of approaches to urban planning and on the related changes in the urban text as a text of culture.

Key words: city; urban environment; city as a text; urban text; semiotics; semantics of a city; visual semiotics; sign systems; urban metaphor; garden-city; park-city

For citation: Medvedeva E.V. (2022) From Garden-City Concept to Park-City Concept: using the Urban Metaphor in the Text of the City. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 68–78. (In Russ.)

Изучение городского пространства как текста культуры было начато в работах Н.П. Анциферова и затем продолжено в трудах тартусско-московской семиотической школы. В настоящее время исследования городского текста проходят в двух основных направлениях, дополняющих друг друга. Одно из них связано с изучением городского нарратива и позволяет реконструировать образ того или иного города, каким он предстает в совокупности посвященных городу художественных текстов, преимущественно литературных.

Другое направление основано на интерпретации городского пространства как взаимосвязи разнородных элементов, в совокупности образующих плотную ткань городской среды – особый вид текста в исходном понимании термина (см., например: работы С.С. Аванесова, С.В. Пирогова о визуальной семиотике городского пространства; О.М. Соколовой о минском тексте; Л.М. Гаврилиной, Е.В. Медведевой о калининградском тексте и т.д.). При таком подходе

текстуальная интерпретация городской среды должна учитывать, во-первых, что город «является произведением многих авторов, принадлежащих различным эпохам» [Горнова, 2014: 77]; во вторых, – что в формировании данного текста участвуют единицы разных знаковых систем, связанных с пространственным планированием, художественным изображением, естественным языком, звуком, ритуалом, поведением и пр.; наконец, в-третьих, – что результирующий гетерогенный текст не обладает раз и навсегда застывшими формой и содержанием. Он подвижен, текуч, способен к развитию и постоянно вбирает в себя и продуцирует новые смыслы.

Дополнительную сложность в изучении такого особого вида текста представляет собой разнородность терминологии, используемой для проведения городских исследований. Так, анализируя городскую среду, а по сути, говоря о тексте города, Т.М. Дридзе указывает на то, что под средой следует понимать «не только ландшафты, но и качественное состояние ее естественно-природных и “рукотворных” составляющих, уровень информационного обмена, характер господствующей символики. <...> это еще и другие люди, способы взаимодействия с которыми (сотрудничество, соперничество, компромисс, приспособление и пр.) и даже само отношение человека к ближайшему своему социальному окружению составляют один из важнейших факторов выживания и воспроизводства» [Дридзе, 1994: 131]. Таким образом, в понятие городского текста оказываются включены четыре компонента:

- природный – территориально-ландшафтные особенности, специфика флоры и фауны;
- рукотворный – материальные достижения цивилизации;
- информационный – коммуникативные потоки городского пространства, системы знаков и символика города;
- социопсихоантропологический – образ и стиль жизни, менталитет и контакты между резидентами [Дридзе, 1994: 134–135].

Важно подчеркнуть взаимосвязь и взаимообусловленность всех перечисленных составляющих, поскольку изменение одной из них влечет за собой и изменение всех остальных. При этом взаимодействие указанных компонентов в пространстве города обуславливает возникновение особой «культурной субстанции» [там же: 132], которую, в конечном счете, условно можно интерпретировать как смысл текста города, его основное сообщение, влияющее, с одной стороны, на формирование стиля жизни, атмосферы, «духа» того или иного города, а с другой, – на его восприятие наблюдателем (резидентом или приезжим). Это обстоятельство обусловило стремление многих теоретиков и практиков градостроения пойти «от обратного»: сформулировать привлекательную идею будущего го-

рода, а затем на ее основе «написать» городской текст, т.е. разработать системы элементов, взаимодействие которых должно обусловить возникновение соответствующей исходной идее культурной субстанции. Таким образом, теоретическая концепция городского планирования часто «развертывается вокруг центральной метафоры, служащей наиболее обобщенным выражением восприятия города» [Линч, 1986: 42].

Примерами таких урбанистических метафор¹ являются, например, «город-храм», «город-порт», «город-линия» и т.д. Однако наибольшую известность в XX в. приобрела метафора «*город-сад*», которая легла в основу концепции Э. Говарда, детально разработавшего проект поселения, призванного сочетать в себе лучшие качества города и деревни. В книге «Города-сады будущего» (1898) он подробно описал такой идеальный город с населением до 32 тыс. человек. В кратком виде основы его концепции можно сформулировать в соответствии с системой компонентов городской среды Т.М. Дридзе:

- природный: обилие зеленых насаждений, наличие приусадебного участка у каждого из коттеджей, сад и парковые пространства в центральной части города, выведение промышленной и сельскохозяйственных территорий на городскую периферию;

- рукотворный: кольцевая планировка пространства, в центре которого расположен сад, окруженный кольцом административных построек, затем парковой зоной, далее зоной малоэтажной жилой застройки и объектами гражданской инфраструктуры (детально рассчитаны размеры объектов и расстояния между ними для обеспечения их пешей доступности), наконец, промышленной и сельскохозяйственной зонами, железнодорожными путями;

- информационный: в концепции детально не описан, поскольку он зависит от конкретных особенностей того или иного населенного пункта, в том числе от реализации рукотворного компонента на местности;

- социопсихоантропологический: функционирование сплоченной городской общины (community), общественный характер самоуправления, коллективная собственность на землю и недвижимость.

Иными словами, *метафора «город-сад» стала отправной точкой и одновременно квинтэссенцией созданной градостроительной концепции, основным содержанием будущего текста города, набор элементов которого логично складывался под влиянием семантики*

¹ Урбанистическая метафора – «вид тропа, в котором осуществляется перенос свойств одного явления городской жизни на другое, где присутствует скрытое сравнение различных аспектов бытия города, городской культуры» [Горнова, 2014: 49].

компонента «сад»². Словарное определение не дает исчерпывающего представления о семантическом наполнении лексемы: очевидно, что в него входят также рукотворный характер ландшафта, культивируемые виды растений, преимущественно плодовые и/ или цветущие культуры, наличие тропинок и/ или дорожек, сравнительно небольшой размер и т.д. Итак, смысловым фокусом градостроительной модели является сад, задающий и особые характеристики городского пространства: специфику зеленых насаждений, малую этажность и небольшой размер жилых и общественных построек, ширину дорог, отсутствие общественного транспорта внутри городского пространства и т.д. Легко представить себе и атмосферу такого города: размеренный ритм жизни, дружелюбные отношения с соседями и т.д. Важно подчеркнуть, что *смысловой акцент в данном случае приходится на компонент «сад»* – т.е. город оказывается устроен по принципу сада, а городская среда в определенной степени перенимает характеристики садового пространства. Этот же компонент обеспечивает и дополнительную эмоциональную насыщенность метафоры, наделяя ее положительными коннотациями.

Тем не менее при всей привлекательности концепции Э. Говарда, мгновенно завоевавшей популярность на рубеже XIX–XX вв., ее буквальная реализация за редким исключением оказывалась неудачной. Однако опыт тех стран, где *общие принципы концепции «города-сада» были переосмыслены и применены к отдельным фрагментам городского пространства*, оказался гораздо более впечатляющим. В данном случае правомернее было бы говорить о «поселках-садах» или «районах-садах», создававшихся на периферии уже существующих городов, например: Маргаретенхё в г. Эссен, Амалиенау в г. Кёнигсберг, Чатем Виллидж в г. Питтсбург, Дэнъэнтёфу в г. Токио, Марино в г. Дублин и т.д.

В этом контексте отдельного упоминания заслуживает жилищно-кооперативное товарищество «Сокол» в г. Москва, образованное в 1923 г. в районе Ходынского поля. Особое значение при проектировании придавалось непосредственному формированию среды (в разработке концепции принимали участие философ П.А. Флоренский и художник В.А. Фаворский), в связи с чем внимание уделялось не только планировке пространства, но и его архитектурному облику, озеленению, а также насыщению знаками, способствующими формированию особой атмосферы поселения, т.е. особой культурной субстанции:

---

² Сад – «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003).

- рукотворный компонент: свободная планировка, соответствующая особенностям ландшафта; использование нестандартных планировочных решений, визуально увеличивающих пространство улиц; разработка типовых коттеджей для застройки, наряду с которыми были задействованы индивидуальные архитектурные решения и экспериментальные технологии;

- природный компонент: продуманная концепция озеленения пространства; размещение определенной породы деревьев на каждой улице, за счет чего сформировалась их своеобразная «ботаническая» индивидуальность; культивация и селекция разнообразных растений (в том числе редких, занесенных в Красную книгу) в общем пространстве поселка и на приусадебных участках; разработка особого типа ограждения (невысокий забор с зазорами между планками штакетника) для создания визуально однородного зеленого просматриваемого пространства;

- информационный компонент: тематически однородная система топонимов (позже давшая «народное название» и самому поселению, больше известному как «Поселок художников»), в соответствии с которой 12 из 14 улиц были переименованы в честь русских художников³;

- социопсихоантропологический компонент: социально и профессионально разнородный состав жителей поселка, позволявший удовлетворять значительную часть бытовых и инфраструктурных потребностей собственными силами на общественных началах; возникновение сплоченной местной общины; создание кружков по интересам, домашних школ, летнего лагеря для детей, клуба-театра и пр.

Таким образом, *применение концепции города-сада к одной из городских территорий позволило сформировать фрагмент городского пространства с собственными уникальными характеристиками*. При этом метафора «город-сад» лишается четкой привязки к городу в целом, возникают трансформированные варианты «район-сад», «поселок-сад», «сад-город» (в качестве имени собственного, например, в одном из районов г. Барнаул). Связь с первоисточником не утрачивается, но *метафора теряет статус «градообразующей» и входит в текст города в качестве одного из знаков, обозначающих особую часть городского пространства*.

³ Тематическая однородность топонимов стала определенным продолжением дореволюционной традиции, в соответствии с которой улицы дачных поселков назывались в честь деятелей культуры. Отметим, что улицы в северо-западной части поселка «Сокол» планировалось назвать именами русских композиторов, однако эта территория позже была изъята у поселка городскими властями.

Концепция Э. Говарда, поначалу встреченная в СССР с большим воодушевлением, позже была подвергнута идеологическому осуждению и далее упоминалась в основном как пример нежизнеспособной градостроительной модели. Противодействие властей обустройству городов-садов, точнее – пригородов-садов, способных решить жилищную проблему, по мнению М.Г. Мееровича, было связано с «борьбой за право распоряжения жилищем, за контроль над его заселением и за использование его как средства управления людьми» [Меерович], т.е. в первую очередь было обусловлено самоуправляемостью общины и правом собственности на недвижимость. В этой связи в СССР разрабатываются проекты *рабочих поселков-садов*, лишь частично соответствовавших идеям Э. Говарда:

- центром поселения и его смысловым фокусом становится промышленное предприятие;
- заметно увеличивается этажность жилых строений;
- застройка предназначается преимущественно для коммунального (позже – поквартирного) заселения;
- обобществление быта обуславливает обобществление пространства и появление помещений и территорий общего пользования (от мест коллективного приготовления пищи до коллективных досуговых зон как внутри построек, так и на придомовых территориях, а также в зеленых зонах).

Иными словами, в 1930-е годы *связь метафоры «город-сад» с градостроительной концепцией постепенно отходит на дальний план, а само выражение превращается* сначала в идеологему с негативными коннотациями, а затем в *распространенный газетный штамп, актуализирующий бытовое представление о городе-саде*, а потому все еще используемый в положительном ключе: «В 1950–70-е гг. регулярно публиковались статьи, в заголовках которых звучал призыв превратить какой-нибудь советский город в “город-сад” (т.е. наладить мероприятия по озеленению): Москву, Минск, Баку, Одессу. О южных городах – таких как Ашхабад, Нагорный Карабах – писали как о городах-садах» [Котова, 2014: 34].

Таким образом, во второй половине XX в. *«город-сад» превращается в стертую метафору*, практически теряет связь с исходной концепцией (сохраняя ее лишь для специалистов) и *представляет собой образное обозначение цели и/или результата предпринятых мер по озеленению городского пространства*. Семантика компонента «сад» постепенно размывается, а смысловой акцент переходит на компонент «город» в таком его понимании, которое было свойственно времени. Иначе говоря, «город-сад» в СССР в указанный период воспринимается как активно развивающийся индустриальный город с многоэтажными домами, широкими улицами и площадями, в

котором, тем не менее, много зелени, цветочных клумб, скверов и бульваров.

На рубеже XX–XXI вв. под влиянием идей Нового урбанизма возникает осознание необходимости переустройства городского пространства, создания «города для людей» в противовес сложившемуся «городу для автомобилей». Несмотря на разность в подходах у отдельных школ и направлений появляется новая тенденция – «превращение города в парк, главный тренд современного урбандизайна»⁴: «если вы попросите Google найти проекты благоустройства городского пространства – public space design, – то получите бесконечный ряд картинок газонов, клумб, живых изгородей, аллей и отдельных деревьев. <...> теперь современный идеальный горожанин – это пеший энтузиаст зелени, и Москва тут не отличается от Парижа и Лондона» [Ревзин, 2019: 169].

Соответственно, возникают и новые концепции благоустройства городского пространства: например, «Город в парке» – проект, реализуемый в г. Уфа с 2012 г., – предусматривает реконструкцию существующих зеленых зон и создание новых мест для отдыха и прогулок. В период 2013–2017 гг. в городе были благоустроены 28 зон отдыха и созданы 17 новых, и сегодня в Уфе в общей сложности насчитывается 77 парков⁵. С 2012 г. в пространстве Москвы появляется сразу несколько жилых комплексов, название которых включает компонент «парк» (Саларьево парк, Румянцево-Парк и др.) или, что еще более важно, «город-парк» (город-парк «Переделкино Ближнее», «Первый Московский» город-парк и др.).

Представляется, что включение компонента «парк» в название новых городских территорий обусловлено как влиянием идей Нового урбанизма, так и необходимостью рекламного продвижения жилых комплексов: обладая дополнительной образностью, и указанный компонент, и новая урбанистическая метафора способствуют положительному эмоциональному восприятию пространства⁶. Очевидно, что метафора «город-парк» возникает на основе позднего восприятия города-сада, однако в достаточной степени отличается от него. Словарное толкование компонента «парк»⁷ дает лишь основное представление о его семантике, к нему необходимо доба-

⁴ Ревзин Г.И. Как помойка станет парком // Коммерсант Weekend. 01.05.2020. № 14. С. 5.

⁵ В Уфе реализуется концепция «Город в парке». URL: <https://ufacity.info/press/news/241156.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁶ См., например, рекламное сообщение нового ЖК: «ВТБ АРЕНА ПАРК. Парк под окнами. Апартаменты премиум-класса».

⁷ Парк – «большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками и пр.» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003).

вить и те смысловые элементы, которые различают «парк» и «сад» в сознании говорящего:

- характер ландшафта не обязательно рукотворный, но окультуренный (необходимо наличие дорожек, скамеек, клумб, фонтанов и пр.);
- растения преимущественно не плодовые, но эстетически привлекательные;
- большая занимаемая территория (по сравнению с садом, сквером и т.д.);
- принадлежность преимущественно к городскому пространству, расположение внутри него⁸.

В связи с этим основным компонентом метафоры «город-парк» следует признать «город», при этом современные представления об идеальном городе обусловили выбор второго компонента – неотъемлемой составляющей благоустроенной городской среды в ее сегодняшнем понимании. В данном новообразовании полностью исчезает отсылка к созданию «третьего места», предложенного Э. Говардом на основании объединения лучших качеств города и деревни. Новая метафора точнее соответствует масштабам современного города (высотной застройке, размерам районов, ширине путей и длине расстояний). Сегодня акцент делается на объединение городской и природной среды, насыщении сложившегося и/ или проектируемого городского пространства природными компонентами и обеспечении непротиворечивого сосуществования города с окультуренной природой. Очевидно, что в современном городском пространстве, трансформированном в соответствии с представлением о городе-парке, со временем сформируется и новая культурная субстанция, что внесет изменения в общее содержание текста города.

Таким образом, урбанистическая метафора «город-сад», являвшаяся отправной точкой для создания градостроительной концепции Э. Говарда и на некоторое время ставшая «градообразующей», претерпела серьезные формальные и семантические изменения в XX–XXI вв. Смысловой акцент, изначально приходившийся на компонент «сад», постепенно перемещался на компонент «город», что привело к размыванию семантики и превращению метафоры в штамп, акцентировавший необходимость или результативность мероприятий по озеленению. При этом оказалось возможным использовать стертую метафору в качестве образной характеристики современного высотного, активно развивающегося города, в котором располага-

⁸ Усадебный парк представляется особым типом парка, требующим отдельного исследования.

ется достаточное количество зеленых насаждений. В новой урбанистической метафоре «город-парк», образованной по прежней модели, объединены семантически более близкие понятия, поскольку парк является одной из реалий городского пространства. При этом значение этой новой метафоры стало производным от значения стертой метафоры «город-сад», подразумевавшей обустройство комфортного городского пространства за счет его насыщения природными феноменами.

Сказанное позволяет сделать вывод и об изменениях в тексте города как тексте культуры: практически утратив статус градо- или текстообразующей метафоры, «город-сад» остался зафиксированным в тексте некоторых городов в качестве одного из знаков, обозначающих особую часть городского пространства. В начале XXI в. текст города оказался дополненным новым знаком, позволяющим именовать некоторые фрагменты городской территории в соответствии с современными представлениями об идеальном городе и способствующим их положительному эмоциональному восприятию. Замена компонента и появление новой урбанистической метафоры «город-парк» не только свидетельствуют о смене подхода к устройству городской среды и представлений об идеальном городском пространстве, но и фиксируют эти изменения в тексте города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горнова Г.В. Философия города. М., 2014.
2. Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131–138.
3. Исаева А.Ю. Метафоризация образа Парижа в мемуарах Ж.-Э. Османа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 2. С. 164–171.
4. Котова Е.С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 3. С. 32–39.
5. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М., 1986.
6. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада. URL: <http://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М., 2019.
8. Робустова В.В., Манченкова А.И. Репрезентирующая функция имен собственных // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 1. С. 32–41.

REFERENCES

1. Dridze T.M. 1994. Chelovek i gorodskaya sreda v prognoznom sotsial'nom proektirovanii [Man and the urban environment in predictive social design]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 131–138. (In Russ.)

2. Gornova G.V. 2014. *Filosofiya goroda* [Philosophy of the city]. Moscow, FORUM: INFRA-M. (In Russ.)
3. Isaeva A.Yu. 2020. Metaphorization of the image of Paris in the memoirs of J.-E. Osman. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 164–171. (In Russ.)
4. Kotova E.S. 2014. Gorod-sad: al'ternativnaya kontseptsiya formirovaniya gorodskoi sredy [Gorod-sad: an alternative concept of the formation of the urban environment]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 3, pp. 32–39. (In Russ.)
5. Lynch K. 1986. *Sovershennaya forma v gradostroitel'stve* [A theory of good city form]. Moscow, Stroizdat. (In Russ.)
6. Meerovich M.G. *Rozhdenie i smert' sovetskogo goroda-sada* [The birth and death of the Soviet garden city]. URL: <http://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (accessed: 10.06.2021). (In Russ.)
7. Revzin G.I. 2019. *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the city is arranged: 36 essays on the philosophy of urbanism]. Moscow, Strelka Press. (In Russ.)
8. Robustova V.V., Manchenkova A.I. 2021. Representative function of proper names. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 32–41. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.08.2021;
одобрена после рецензирования 19.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 19.08.2021;
approved after reviewing 19.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Медведева Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, yelena_medvedeva@mail.ru

About the author

Elena V. Medvedeva – PhD, Associate Professor, the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, yelena_medvedeva@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПОНЯТИЙНОГО НАПОЛНЕНИЯ ВЕРБАЛИЗОВАННОГО КОНЦЕПТА В ДИАХРОНИИ

М.Х. Джабер

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, to.kiritou@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению внутреннего динамизма элементов ядерного наполнения вербализованного концепта *Zapad* на материале его языковой репрезентации в разноструктурных языках (русский, английский, китайский). В наши дни все еще остро стоит вопрос о содержательной стороне ментального образования, в том числе о динамическом взаимодействии различных элементов наполнения вербализованных концептов. Основной тенденцией развития когнитивных наук является рост актуальности междисциплинарных исследований прикладного характера, в связи с чем имеет место увеличение количества исследовательских работ по данной тематике. Важно отметить смещение акцента современных исследований с изучения концептов в синхроническом срезе на их изучение в диахроническом срезе. Статья продолжает серию работ по изучению концептов, вербализованных лексическими средствами разноструктурных языков в сопоставительном аспекте. В тексте приводятся выделяемые автором виды внутреннего динамизма наполнения вербализованного концепта как динамической системы, наблюдаемые на основе анализа изменений значений лексем-вербализаторов на фоне значительных изменений элементов окружающей реальности.

Ключевые слова: концепт; диахронические исследования языка; когнитивная лингвистика

Для цитирования: Джабер М.Х. Взаимодействие элементов понятийного наполнения вербализованного концепта в диахронии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 79–85.

THE STUDY OF LEXICAL CONCEPTS AS CONTENT-BEARING MENTAL STRUCTURES FROM A DIACHRONIC PERSPECTIVE

Milana Kh. Dzhaber

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, to.kiritou@gmail.com

Abstract. The paper continues a series of works dedicated to the study of lexical concepts *Zapad* in Russian, *West* in English and 西 in Chinese languages as content-bearing mental structures in diachronic perspective. Since interdisciplinary research

has been one of the main trends in cognitive linguistics these days, understanding of how various mental structures mediate real-world information to our mind is still a burning issue. It's very well known that lexical meanings are constructed based on schematic mental spaces and can be considered as highly dynamic systems. However, as far as the system of spatial reasoning is claimed to be inherent and, hence, stable, the question of its conceptual structure's inner dynamics appears to be one of the most challenging. Thus, diachronic perspective on concepts that embody the knowledge of cardinal points appears to be a promising technique to better understand the relations between different types of cognitive structures verbalized by the means of language and how original spatial knowledge is connected to more recent non-spatial knowledge in a conceptual content system. The author focuses on the role of extra-linguistic factors in conceptual knowledge formation on different stages of conceptual development.

Key words: concept; diachronic studies in linguistics; cognitive linguistics

For citation: Dzhaber M.Kh. (2022) The study of lexical concepts as content-bearing mental structures from a diachronic perspective. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.)

В свете необходимости решения вопроса о динамическом взаимодействии различных элементов наполнения вербализованных концептов ввиду роста актуальности междисциплинарных исследований прикладного характера наблюдается постепенное увеличение количества исследовательских работ по данной тематике при смещении фокуса современных исследований с изучения концептов в синхроническом срезе на их изучение в диахроническом срезе.

Данная работа посвящена изложению результатов рассмотрения внутреннего динамизма элементов ядерного наполнения вербализованного концепта *Zanad* на материале его языковой репрезентации в разноструктурных языках (русский, английский, китайский).

Системный подход к концептуальному анализу, осуществляемому в русле когнитивной лингвистики и подразумевающему рассмотрение динамики наполнения вербализованного концепта в сопоставительном аспекте, обуславливает научную значимость исследования. Актуальность исследования определяется возрастающей потребностью в определении механизмов функционирования когнитивной системы человека в общем и процессов концептуализации и категоризации в частности. Статья продолжает серию работ по изучению концептов, вербализованных лексическими средствами разноструктурных языков в сопоставительном аспекте [Джабер, 2018].

На пути понимания концептов как динамических явлений необходимо поставить вопрос о возможности структуризации наполнения любого вербализованного концепта как «оперативной едини-

цы памяти ... всей картины мира, квант знания» [Кубрякова, Демьянкова, 1996: 90–92].

Концепты определяются как аморфные ментальные образования, но несут функцию упорядочивания содержания элементов когнитивной системы человека [Лакофф, 2004]. Отсюда закономерно появление большого количества структурных моделей содержания концептов [Стернин, 2001; Карасик, Слышкин, 2001 и др.]. Так, например, вербализованный концепт в рамках полевой модели, описываемой И.А. Стерниным, имеет ядерно-периферийную организацию [Стернин, 2001], В.И. Карасик говорит о различных слоях содержания концепта [Карасик, 2006]. В работах западных лингвистов появляются термины «сценарий» и «фрейм», позволяющие говорить о структуре применительно к ментальным образованиям на основе их воплощения в языке. Последний представляет собой «единицу представления знаний, запечатленную в прошлом, детали которой могут быть изменены при восприятии текущей ситуации... целостную структуру информации, извлекаемую индивидом из памяти в новой ситуации» [Дружинин, Ушаков, 2002: 20]. В случае рассмотрения фреймов мы можем говорить об их структуре, так как М. Минский изначально вводит термин «фрейм» для обозначения структуры данных при моделировании системы знаний. Однако перед автором не стоит задачи сравнить понятия «концепт» и «фрейм», что, несомненно, скорее создаст терминологическую путаницу. Преследуя изначально иную цель – понимание организации энциклопедических (базовых) знаний об окружающем мире, вербализуемых на лексическом уровне и их организацию и функционирование в когнитивной системе человека, – попробуем представить концепт как динамическое явление.

Развитие тех или иных феноменов и явлений в науке, как правило, принято рассматривать в филогенезе и онтогенезе. В процессе познания (чувственного и рационального) в сознании человека формируется определенный объем знаний об окружающем мире. В рамках когнитивного направления, постулирующего принцип антропоцентризма, представления, формируемые в результате рационального познания отдельного индивида, являются субъективными и «накладываются» на пласт общепризнанных представлений (базовый когнитивный слой концепта, заключенный в основном в ядерной зоне его наполнения) [Попова, Стернин, 2007]. В связи с чем об интерпретационной части наполнения вербализованных концептов речи в данной работе не идет. Культурно специфические представления, выраженные в паремиях и авторских текстах, традиционно выносятся на периферию. Важно отметить, что данное разделение весьма условно, ярким примером является наличие

большого количества лакунарных концептов, базовый ядерный слой которых представляет собой уникальное культурно специфическое явление, где сформированный на основе определенного уникального элемента культуры прототипический образ не имеет аналогов в других культурах. Очевидно, наполнение вербализованных концептов в сознании отдельно взятого индивида, образующиеся в результате его познавательной деятельности, наполнены индивидуальными импликациями и имеют экзemplярный характер, такое ментальное образование с течением жизни неизбежно наполняется субъективными характеристиками.

Перейдем к понятийному наполнению вербализованного концепта. Как известно, системные значения лексем-вербализаторов, отраженные в словарных источниках, представляют собой номинации базовых элементов прототипа, структурирующие и функционально дифференцирующие его содержание, рассмотрение которых значительно упрощает понимание внутренних взаимодействий разных элементов энциклопедических знаний ядерной зоны концепта. Так, словарные дефиниции, представляющие собой прототипическое наполнение вербализованного концепта, есть сгусток энциклопедического знания (объективного по своей сути).

Измерение динамики семантического наполнения вербализаторов ментального образования в рамках лингвистических исследований допускает оценку диахронических изменений на разных уровнях обработки эмпирических данных. Предполагается, что в результате диахронического развития содержание вербализованного концепта может как расширяться, так и сужаться, в зависимости от внешних факторов (например, исторического или культурного контекста), повторяя семантические изменения вербализатора. При этом отмечается относительно независимое развитие ядра и периферии под влиянием внешних факторов. В результате комплексного концептуального анализа [Молчанова, 2011] динамики наполнения вербализованного концепта *Zanad* в русском языке, *West* в английском языке и 西 в китайском языке удалось четко обособить лингвистические изменения вербализатора (в значении лексемы-вербализатора и в ее употреблении; отметим, что в работе не рассматривается коммуникативно-релевантная сторона концепта, реализующаяся в дискурсе, внимание уделяется исключительно прототипическому наполнению ядра вербализованного концепта) от изменений в общественных представлениях об окружающей реальности и изменениях в общественном отношении к рассматриваемому элементу действительности.

Прежде чем перейти к примерам, важно отметить, что семантические изменения лексем-вербализатора не являются изменениями

в наполнении концептуальной единицы знания, заключающей в себе гораздо больший объем информации и не являющейся гомогенной средой. Концепт как ментальное образование наполнен образами, ассоциациями, привносимым личным опытом индивида, и др. Однако концепт вербализованный – единственная формация, которую лингвисты-когнитологи могут изучать. В свете рассмотрения понятийного (базового прототипического) наполнения ядра концепта допустимо отталкиваться от семантических изменений, анализируемых путем исследования фиксации определенных представлений о реальности в словарных статьях. Однако такой путь может привести к ограничению понимания концепта как такового, следовательно, рассмотрим примеры, отталкиваясь от описания изменений в общественных представлениях об окружающей реальности, обусловленных различными неязыковыми явлениями и процессами.

Разделение на стороны света появляется на ранних этапах развития человека, так как основной функцией сторон света является упрощение ориентирования в пространстве. Однако, по данным этимологических словарей, первые представления о западе как стороне света тесно связаны с представлениями о заходе солнца, лежащем в основе определения данного направления. Так, например, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, лексема «запад» происходит от древнерусского «западъ» – первоначально «заход (западение) солнца»¹. В английском языке известно выражение *westring sun*, также косвенно указывающее на понимание западной стороны как стороны заходящего солнца. При этом связь образа заходящего солнца с географическим направлением настолько тесна, что в китайском языке проникает с плана содержания на план формы: иероглиф, которым до сих пор обозначается запад в китайском языке, этимологически соотносят с изображением птичьих гнезд, располагающихся с западной стороны². Конечно, невозможно утверждать наверняка правомерность проведения подобной параллели.

Усложнение представлений о пространстве на этапе формирования древних сообществ способствует зонированию внутреннего пространства, а появление представлений о других (соседних) культурных общностях закономерно отодвигает границу «запада» все дальше от наблюдателя, который означает своего рода точку отсчета в системе пространственной референции.

Со временем дальнейшие географические открытия (в том числе и открытие Америки) повлекли за собой существенные фактические

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 2003.

² 顾建平. 汉字图解字典. 中国出版集团, 2008. 1284页, с. 20.

изменения в видении мира. Появляется относительно самостоятельная концептуальная единица, вербализуемая лексемами *Zanad / the West / 西方* и кодирующая представления о западных странах. Сами вербализаторы становятся полисемантическими лексическими единицами. При этом дальнейшее развитие наполнения изначального параметрического вербализованного концепта отметить не удастся.

Таким образом, очевидна взаимосвязь внутреннего динамизма элементов понятийного наполнения вербализованного концепта с внешними процессами изменения внешней среды. В связи с этим на данном этапе исследований выдвигается предположение о том, что разделение внутренней и внешней динамики повлечет за собой неверное понимание бытования концепта как ментального образования как в диахронии, так и в синхронии. На основании результатов дефиниционного анализа также можно сделать вывод о том, что данные словарных источников, фиксируя исторические изменения в значении лексемы-вербализатора, тем не менее не отражают изменений в понимании того или иного сгустка знания о внешнем мире *даже на уровне базовых прототипических представлений*, заключенных в ядре концептуальной единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джабер М.Х.* Применение теории динамических систем в исследовании трансформации смыслового содержания вербализованных концептов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 62–68.
2. *Дружинин В.Н., Ушаков Д.В.* Когнитивная психология. М., 2002.
3. *Карасик В.И.* Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 95–108.
4. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80.
5. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
7. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 61–72.
8. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.

REFERENCES

1. Dzhaber M.Kh. 2018. Osobennosti leksicheskoy organizacii verbalizovannykh konceptov [Lexical Organization of Verbalized Concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 86–92. (In Russ.)

2. Druzhinin V.N., Ushakov D.V. 2002. *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive Psychology]. Moscow, Perse. (In Russ.)
3. Karasik V.I. 2005. Koncepty-reguljativy [Regulative Concepts]. *Language, Mind, Communication*. Moscow, MAKS Press, v. 30, pp. 95–108. (In Russ.)
4. Karasik V.I., Slyshkin G.G. 2001. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija [Linguocultural concept as a research unit]. *Methodological problems of Cognitive Linguistics*. Voronezh, VSU, pp. 75–80. (In Russ.)
5. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z. et al. 1997. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Linguistics]. Moscow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
6. Lacoff G., Johnson M. 2004. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2011. Metody issledovanija v mezhkul'turnoj kommunikacii: simvol kak kognitivnaja pamjat' kul'tury [Scientific Methods in intercultural Communication: symbol as a culture's cognitive memory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)
8. Popova Z.D., Sternin I.A. 2007. *Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka* [Cognitive semantic analysis of language]. Voronezh, «Istoki». (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Джабер Милана Хассановна – старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, to.kiritou@gmail.com

About the author

Milana Kh. Dzhaber – senior lecturer at the faculty of foreign languages and area studies, Lomonosov Moscow State University, to.kiritou@gmail.com

РЕАЛИИ МИРА АНТИУТОПИИ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНЫХ МЕМОВ

Х.У. Юсупов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, khalid.iusupov@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется механизм возникновения новых культурных мемов на базе реалий вымышленного мира (специальных лексических единиц, служащих для описания вымышленного мира во всех его аспектах: география, этнография, социально-политическое устройство, материальная культура и т.д.), также известных как «квазиреалии» и «нереалии» (igrealia). Несмотря на спорный статус меметики, концепция мема как устойчивой структуры информации, способной к саморепликации, получила достаточно широкое распространение. Тем не менее вопрос наличия связи между реалиями вымышленного мира и мемами, как и феномен реалий вымышленного мира в целом, остается малоизученным. Обращение к жанру антиутопии обусловлено тем обстоятельством, что одной из основных функций данного жанра является функция прогнозирования и предупреждения. Пытаясь предупредить читателей о тех или иных негативных вариантах развития будущего, автор сознательно или несознательно «заражает» сознание читателя теми или иными идеями, которые постепенно захватывают сознание всё большего количества людей. Роман Дж. Оруэлла «1984» выбран как наиболее яркий представитель данного жанра, по достоинству считающийся классикой антиутопии XX в. Идеи, озвученные Дж. Оруэллом, а также предметы, понятия и явления, описанные в романе, прочно вошли в нашу жизнь. На примере заголовков и цитат, взятых из англоязычных новостей, продемонстрировано распространение и ассимиляция изначально вымышленных идей в реальном языке и реальной культуре.

Ключевые слова: реалии; реалии вымышленного мира; квазиреалии; нереалии; вымышленный мир; антиутопия; меметика; мем

Для цитирования: Юсупов Х.У. Реалии мира антиутопии как источник культурных мемов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 86–93.

REALIA OF DYSTOPIAN WORLD AS A SOURCE OF CULTURAL MEMES

Khalid U. Yusupov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, khalid.iusupov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the mechanisms through which fictional realia, also known as quasi-realialia or irrealialia (special lexical units that describe various aspects of a fictional world: its geography, ethnography, social political structure, material culture, etc.), create new cultural memes. Despite the controversial status of memetics, the concept of meme as a sustainable and self-replicating unit of information became widespread among various researchers. However, very little research has been carried out to draw connections between memes and fictional realia. Furthermore, few researchers pay attention to the study of fictional realia as a whole. We choose the genre of dystopia due to its prognostic and preventive functions. Trying to warn the reader about a future that is both undesirable and frightening to the vast majority of humanity, the author “infects” the reader with different ideas, which proliferate from the host’s mind and “infect” more and more people. «1984» by George Orwell, one of the most prominent dystopian novels of the twentieth century, is a perfect example of such proliferation of ideas: the concepts introduced by George Orwell became an integral part of various cultures and languages. The analysis of various headlines and quotes from English articles demonstrates how fictional realia propagate and assimilate in real culture and real language.

Key words: realia; fictional realia; quasi-realialia; irrealialia; fictional world; dystopia; memetics; meme

For citation: Yusupov K.U. (2022) Realia of dystopian world as a source of cultural memes. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Inter-cultural Communication*, no. 1, pp. 86–93. (In Russ.)

Погружаясь в культуру того или иного языка, мы невольно обращаем внимание на те многочисленные предметы, понятия и явления, которые имеют отличительную характеристику данного языкового коллектива. Для обозначения лексических единиц, называющих данные объекты и феномены, применяется целый ряд терминов (безэквивалентная лексика, экзотизм, лакуна, культурема и т.д.), среди которых наибольшее распространение получил термин «реалия» (лат. *realia*, мн. от *realis* – «вещественный», «действительный»). Одним из первых данный термин употребил Л.Н. Соболев. Исследователь обозначил этим термином «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран» [Соболев, 1952: 281]. Более подробное и более известное определение термина «реалия» дали С. Влахов и С. Флорин: «слова (и словосочетания), называющие

объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителем национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. Ученые подчеркивают, что одной из важнейших характеристик реалий является их национальная окрашенность, при этом отмечая, что передача реалий – это сложный процесс, требующий от переводчика особых усилий.

Понимаемые таким образом реалии могут встречаться не только в реальном мире. Фантастические миры, существующие в воображении автора, как правило наполнены многочисленными предметами, понятиями и явлениями, характерными только для данного мира. Для обозначения данного вида реалий мы используем термин «реалия вымышленного мира» или «квазиреалия». Согласно определению, предложенному Е.М. Божко, квазиреалии являются единицами, номинирующими единицы квазикультуры или квазиэтноса, описываемых в произведениях жанра фэнтези [Божко, 2011: 189]. Главная функция квазиреалий – наименование объектов выдуманного мира [там же].

Несмотря на общую малоизученность феномена реалий вымышленного мира, данный вопрос получил освещение и в работах зарубежных исследователей. Так, для обозначения данных лексических единиц финский исследователь М. Лопонен вводит термин «нереалия» (*irrealia*): «знаки, с помощью которых вымышленный мир обретает свою фантастичность и откалывается от реального мира, утверждая свою независимость непосредственно в качестве вымышленного конструкта; при помощи данных знаков вымышленный мир также может обозначать свою принадлежность к другому вымышленному миру, зависимость от него, или наличие с ним интертекстуальных связей» [Loponen, 2009: 167]. М. Лопонен отмечает, что нереалии могут сигнализировать о принадлежности конкретного фантастического текста к тому или иному фантастическому жанру [Loponen, 2009: 167].

Таким образом, реалии вымышленного мира служат для описания фантастического мира во всех его аспектах: география, этнография, социально-политическое устройство и т.д. Именно эти предметы, понятия и явления делают вымышленный мир непохожим на реальность, в связи с чем можно говорить о «фантастическом» колорите данного вида реалий. Помимо этого, есть все основания говорить о «жанрораспределяющей» функции реалий вымышленного мира.

В силу своей злободневности и психологической привлекательности, те или иные реалии вымышленного мира могут проникать в культуру, тем самым выступая в качестве материала для создания так называемых «мемов». Впервые термин «мем» был введён британским зоологом Р. Докинзом. В своей книге «Эгоистичный ген» ученый предложил следующее определение данного понятия: «единица культурной информации, или единица подражания» [Dawkins, 2006: 192]. По Р. Докинзу, примерами мемов могут служить мелодии, идеи, крылатые выражения, модная одежда и т.д. При этом ученый отождествляет мемы с вирусами и паразитами: проникая в сознание носителя, мем начинает «размножаться» с целью распространения на сознание нового носителя. Другое не менее известное и несколько расширенное определение данного термина дал американский программист и писатель Р. Броуди: «... единица информации, которая содержится в сознании и воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникало больше ее копий» [Brodie, 2009: 11]. Как отмечает Г.Г. Молчанова, «система ценностных ориентаций, лежащих в основе различных культур, отражается в устойчивых единицах языка – мемах» [Молчанова, 2019: 10]. При этом «закономерности распространения мемов подразумевают не только вертикальный перенос информации (т.е. между поколениями, как в генетике), но и горизонтальный перенос – от человека к человеку» [Молчанова, 2017: 8]. Попадая в новый текст, исходные мемы могут претерпевать существенные изменения, тем самым превращаясь в антимемы [Молчанова, 2020: 14]. Так, политический мем “Brexit” породил целый ряд антимемов: Bregret, Grexit и т.д. [там же].

Как было указано выше, предметы, понятия и явления, описываемые в фантастических произведениях, в силу своей актуальности и злободневности, проникают в сознание читателей, которые и становятся «переносчиками» мемов. Это утверждение в особенности верно для жанра антиутопии, одной из основных функций которого является функция прогнозирования. Подобно вирусу, мемы, рожденные из вымышленных реалий, начинают захватывать сознание всё большего количества людей, которые видят в антиутопических произведениях попытку предостеречь общество от нежелательного с точки зрения автора варианта развития будущего. Со временем, получив достаточное распространение, эти мемы ассимилируются, становятся частью языка и культуры. Ярким примером такого распространения реалий мира антиутопии служит роман Дж. Оруэлла «1984» и одна из наиболее известных реалий данного романа – “Big Brother” (Большой Брат). В онлайн-версии кембриджского словаря можно найти следующее определение данного понятия: “a way of referring to a government, ruler, or person in authority that has complete

power and tries to control people's behaviour and thoughts and limit their freedom". Большой Брат прочно вошел в нашу жизнь, став синонимом тоталитарного государства, репрессий и опасений по поводу тотального надзора за населением. Это можно пронаблюдать на примере заголовков и цитат из англоязычных статей:

1. How Big Brother watches your every move (The Telegraph, 2008);
2. The original Big Brother is watching you on Amazon Kindle (The Guardian, 2009);
3. Bishop warns Government against 'Big Brother' stance on schooling (The Telegraph, 2016);
4. Government risks becoming an 'ideologically driven Big Brother' amid drive to teach 'British values' in schools, says Bishop of London (The Telegraph, 2016);
5. Big Brother isn't just watching: workplace surveillance can track your every move (The Guardian, 2017);
6. Smart cities: Big Brother in disguise? (The Telegraph, 2018);
7. Does the future of big data mean Big Brother politics? (The Telegraph, 2019);
8. Big Brother is watching: Chinese city with 2.6m cameras is world's most heavily surveilled (The Guardian, 2019);
9. Now Big Brother is watching how you type or hold your phone (The Telegraph, 2020);
10. Barclays using 'Big Brother' tactics to spy on staff, says TUC (The Guardian, 2020).

Определенной популярностью в англоязычных СМИ пользуются понятие "doublethink" (двоемыслие). В мире Дж. Оруэлла словом "doublethink" обозначают способность одновременно верить в зачастую диаметрально противоположные идеи и в зависимости от ситуации занимать ту или иную выгодную позицию. В этом же значении данное слово вошло в английский язык. Так, онлайн-версия кембриджского словаря дает следующее определение понятия "doublethink": "a situation in which someone seems to believe two opposite things, or claims to believe something but does the opposite". С примерами употребления данного словосочетания можно ознакомиться ниже:

1. Trump's communications strategy of repeating false accusations while also shifting his position from a stance that he held just moments before, is an exercise in Orwellian doublethink (The Guardian, 2018);
2. I watched Leaving Neverland on my birthday ... Yet, what's both fascinating and illuminating about this film is the precision with which its two central survivors, James Safechuck and Wade Robson, describe the doublethink of abuse (The Guardian, 2019);

3. The Booker prize judges have exposed the doublethink behind our arts awards (The Guardian, 2019);

4. The double-think of the woke elite blinds them to their own ridiculousness (The Telegraph, 2020).

Важно, на наш взгляд, обратить внимание на реалию «телекран» (telescreen). Телекран – это специальное устройство, напоминающее телевизор, оборудованное камерой и микрофоном, которое установлено в домах всех жителей Океании, вымышленного военно-политического блока из мира «1984». Основная задача данного устройства – вести слежку за людьми и транслировать политическую пропаганду. Телекран, наряду с Большим Братом, стал символом тотального надзора и контроля за населением, что можно пронаблюдать на примерах:

1. Our mobile phones have been transformed into the equivalent of Orwell’s telescreens, watching us as much as we watch them. (The Guardian, 2013);

2. Assuming it has the technical capability remotely to activate lap top cameras, the age of the telescreen has arrived. (The Telegraph, 2013);

3. The system, eerily reminiscent of the telescreens evoked in George Orwell’s 1984, was used for experiments in automated facial recognition, to monitor GCHQ’s existing targets, and to discover new targets of interest (The Guardian, 2014);

4. ‘Alexa, are you invading my privacy?’ – the dark side of our voice assistants ... The Echo Show, a smart assistant with a screen and camera, was widely compared to the telescreen when it was introduced two years ago (The Guardian, 2019).

Не менее интересны примеры использования реалии “thought police” (полиция мыслей). В онлайн-версии кембриджского словаря приводится следующее определение данного понятия: “a group that tries to control people’s beliefs and opinions”. В мире 1984 “thought police” – это особый репрессивный орган, который борется с «мыслепреступниками», или теми, кто придерживается точки зрения, отличной от партийной. При этом проявлением мыслепреступления может считаться любая мелочь: любое неосторожное слово, жест или подозрительное выражение лица. В целом, перейдя из фантастического мира в реальный, данное словосочетание сохранило свое оригинальное значение, в чем можно убедиться на нижеприведенных примерах:

1. Britain’s police could become ‘thought police’ under plans to clamp down on extremism (The Telegraph, 2015);

2. Manchester chief constable airs fears of ‘thought police’ over counter-extremism (The Guardian, 2015);

3. Anti-radicalisation chief says ministers' plans risk creating 'thought police' (The Guardian, 2016);

4. Now the thought police are coming for our soldiers (The Telegraph, 2019);

5. Must we all live in fear of a visit from the actual thought police? (The Telegraph, 2019).

Таким образом, можно утверждать, что антиутопия выступает в качестве плодотворной почвы для создания культурологических мемов и антимемов. Предметы, понятия и явления, описываемые в антиутопиях, не только являются инструментами создания образа мира того или иного произведения. Они также оказывают большое влияние как на сознание читателей, так и на язык и культуру в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божко Е.М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости. Сер. Гуманитарные и общественные науки. СПб., 2011. № 3. С. 188–191.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 343.
3. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
4. Молчанова Г.Г. Когнитивные рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
5. Молчанова Г.Г. Типы и техники меметики как механизма формирования нового знания // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 9–22.
6. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952. С. 404.
7. Brodie R. Virus of the Mind: The Revolutionary New Science of the Meme and How It Affects You. L., 2009. P. 249.
8. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 2006. P. 384.
9. Loponen M. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures // Chinese Semiotic Studies. Vol. 2. 2009. No. 1. P. 165–175.

REFERENCES

1. Bozhko E.M. 2011. Kvazirealii mira fentezi, ikh klassifikatsiya i rol' v vozdeistvii teksta perevoda na poluchatelya [Quasi-realias of the fantasy world, their classification and role in influence of the target text on the recipient]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, no. 3, pp. 188–191. (In Russ.)
2. Vlahov S., Florin S. 1980. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Sobolev L.N. 1952. *Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskii* [Russian to French Translation Guide]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podkhody k izmeneniyam diskursa novogo pokoleniya [Cognitive approaches to the new generation worldview]. *Moscow State*

University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

5. Molchanova G.G. 2017. Kognitivnye reframing kak effektivnoe sredstvo predvybornoi argumentatsii (sopostavitel'nyi aspekt) [Cognitive reframing as an effective instrument of the political pre-election 2016 race (the comparative aspect)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 7–15. (In Russ.)
6. Molchanova G.G. 2020. Tipy i tekhniki memetiki kak mekhanizma formirovaniya novogo znaniya [Types and techniques of memetics as a means of new knowledge formation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
7. Brodie R. 2009. *Virus of the Mind: The Revolutionary New Science of the Meme and How It Affects You*. London, Hay House.
8. Dawkins R. 2006. *The Selfish Gene*. Oxford, Oxford University Press.
9. Loponen M. 2009. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures. *Chinese Semiotic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 165–175.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 20.09.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Юсупов Халид Умалтович – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, khalid.iusupov@yandex.ru

About the author

Khalid U. Yusupov – Post-graduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, khalid.iusupov@yandex.ru

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

МЕТАФОРЫ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

М.М. Раевская, А.В. Перетяцько

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, mraevskaya@gmail.com

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, anitaprofe@mail.ru

Аннотация. Футбольные репортажи являются основной динамично развивающейся разновидностью испанского спортивного дискурса, который имеет яркую самобытность благодаря богатой традиции, отражающей общенациональный интерес к футболу. Среди разнообразной гаммы существующих у спортивных комментаторов средств речевого воздействия на реципиента (обычного читателя, болельщика или профессионала) заслуживает внимание метафора, которая, будучи универсальным приемом, тем не менее демонстрирует особенности национального менталитета социума, его восприятия окружающей действительности. Цель статьи заключается в анализе с точки зрения национального и общечеловеческого видения мира базовых метафор сферы спорта, превалирующих в футбольных репортажах (2019–2021) на испанском языке. Материалом для исследования послужили сетевые версии ведущих печатных спортивных изданий Испании (“Marca”, “As” (Madrid), “Mundo Deportivo”, “Sport” (Barcelona), а также сайты www.rtve.es, www.laliga.com. В исследовании представлены основные универсальные сферы – источники базовых метафор в жанре современного испанского футбольного репортажа в проекции на реалии национального менталитета.

Ключевые слова: спортивный дискурс; спортивные СМИ Испании; метафоры; медиатекст; спортивная журналистика; футбольный репортаж; испанский футбол; национальный менталитет

Для цитирования: Раевская М.М., Перетяцько А.В. Метафоры современного испанского спортивного дискурса как отражение национальной ментальности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 94–105.

METAPHORS OF THE MODERN SPANISH SPORTS DISCOURSE AS A REFLEXION OF NATIONAL MENTALITY

Marina M. Raevskaya, Anna V. Peretiakko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mraevskaya@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, anitaprofe@mail.ru

Abstract. Football reports are considered to be the main dynamic form of Spanish sports discourse that has a strong identity through a rich tradition that reflects a nationwide interest in football. Among the different means of speech that are widely used by sports commentators with the purpose of eliciting the influence on the recipient (an ordinary reader, fan or professional) a metaphor as a universal technique, deserves special attention, as it reveals the peculiarities of the national mentality of the society, its perception of the surrounding reality. The purpose of the article is to analyze, from the point of view of the national and universal vision of the world, the basic metaphors of the sports discourse prevailing in football reports (2019–2021) in Spanish. The material for the study is the online versions of the leading print sports publications of Spain (“Marca”, “As” (Madrid), “Mundo Deportivo”, “Sport” (Barcelona), as well as the sites www.rtve.es, www.laliga.com. The study presents the main universal spheres – the sources of basic metaphors in the genre of modern Spanish football reports in the projection on the realities of the national mentality.

Key words: sports discourse; sports media in Spain; metaphors; media text; sports journalism; football report; Spanish football; national mentality

For citation: Raevskaya M.M., Peretiakko A.V. (2022) Metaphors of the Modern Spanish Sports Discourse as a Reflexion of National Mentality. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 94–105. (In Russ.)

Исследования в области спортивного дискурса представляют собой одно из динамично развивающихся направлений в современной лингвистике [Rowe, 2011; Grygiel, 2017; Wenner, 2017; Алексеев, 2013; Бабюк, 2018; Белютин, 2012; Войтик, 2013; Петров, 2014; Перетякко, Шеховская, 2019; Шарков, 2018]. Главная задача спортивной коммуникации заключается в том, чтобы информировать как любителей спорта, так и широкую общественность о ходе и результатах спортивных событий, а также формировать и поддерживать образ спортивных команд или спортсменов непосредственно во время или вне спортивной деятельности. Среди языковых средств выразительности, к которым наиболее часто прибегают спортивные журналисты и комментаторы, особое место занимает метафора, изучению которой посвящены работы как отечественных, так и зарубежных авторов [Арутюнова 2002; Баранов, 2014; Блэк, 1990; Бойчук, 2012; Гак, 1988; Джонсон, Лакофф, 2004; Кудрин, 2011; Маслова, 2017;

Мусолф, 2000; Пром, 2017; Складьяревская, 1993; Таннен, 1990; Телия, 1988; Харченко, 2009; Чудинов, 2013; и др.].

Как показывают исследования, на нее приходится 54,82% случаев использования в спортивных репортажах широкой тематики на испанском языке [Quintero Ramírez, 2019]. Будучи объективной мыслительной и языковой реальностью, метафора представляет собой «уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий» [Глазунова, 2000]. С ее помощью спортивные журналисты получают возможность наиболее ярко выразить отношение к объекту или явлению, дать оценку происходящим событиям, создать образ «победителя» и «побеждённого». При этом необходимо принимать во внимание, что любой язык в своих лексических формах и их семантике несет «печать конкретной в каждом случае национальной ментальности» и отражает ее предпочтения в категоризации мира и его оценочности [Раевская, 2006].

Объектом настоящего исследования являются 50 спортивных репортажей о матчах футбольных команд Испании с 2019 по 2021 г., размещенные на сайтах ведущих спортивных периодических изданий Испании (“Marca”, “As” (Madrid), “Mundo Deportivo”, “Sport” (Barcelona), а также сайтах www.rtve.es и www.laliga.com. В качестве предмета исследования выступают метафоры, относящиеся к базовым семантическим полям «война», «музыка», «еда», «животный мир» и используемые в вышеуказанных текстах как основное средство языковой выразительности, которое соответствует повышенной эмоциональности спортивного дискурса и может демонстрировать не только универсальные, но и закрепленные в конкретной культуре когнитивные проекции. Футбольные репортажи являются ведущим жанром испанской спортивной журналистики по причине массового общенационального внимания к футболу и представляют собой интересный материал для лингвистических исследований, которые позволяют увидеть особенности национального менталитета в характеристике и восприятии происходящих на поле событий.

Спортивная сфера находится в непрерывном взаимодействии с военной, поскольку изначально одной из главных задач спорта всегда являлась подготовка к войне [Елистратов, 2005; Зильберт, 2001]. Агональный характер спортивной деятельности является объективной универсалией и причиной активного использования лексических единиц понятийного поля «война» в жанре спортивного комментария. *Военное метафорическое* моделирование традиционно присутствует в футбольном нарративе, поскольку проявляющаяся в спорте агональность как прирожденное человеческое качество

вызывает постоянный интерес социума и «навязывает восприятие футбола в первую очередь как войны» [Кудрин, 2011]:

Esto es una guerra... / Это – война [AS, 2021].

Метафоры с военной семантикой представляют собой наиболее репрезентативную исходную понятийную область в метафорическом конструировании мира футбола – на них приходится 60% всех метафорических употреблений [Sobénina, 2015]. Чаще всего метафоры со сферой-источником «война» в испанских футбольных репортажах передают семантику активного действия и служат для описания стратегий и тактик ведения игры с соперником: *обороняться, быть наготове, нанести удар, провести атаку* и др. С точки зрения своей языковой формы метафоры данного типа представляют собой глаголы (*armar, defender, derrotar, fusilar, luchar* и др., чьи формы зависят от временного плана репортажа) и отглагольные существительные (*ataque, batalla, defensa, derrota, lucha, tiro, tiroteo* и т.п.):

Arthur armó mal el tiro / Артур сделал неточную передачу [AS, 2020].

Fuera de juego de Borja Iglesias en un ataque prometedor del Betis. Ya están lanzados en ataque / Положение вне игры после удара Борха Иглесиаса в перспективной атаке команды Бэтис. И снова все бросились атаковать [AS, 2020].

El inicio del choque fue un tiroteo / Начало встречи оказалось перестрелкой [Marca, 2021].

[...] *aparece Jorge Molina que, tras adelantarse a Escassi, fusila a Juan Soriano... / появляется Хорхе Молина, который, продвинувшись ближе к Эскасси, направляет мяч* (досл. *осуществляет выстрел*) в Хуана Сориано [AS, 2021].

Вместе с тем встречаются и метафоры-характеризаторы состояния и статуса участников игры:

Es el equipo mejor armado tras el mercado de fichajes / Эта команда оказалась лучше всех укомплектованной (досл. *вооруженной*) после перехода игроков [AS, 2020].

Albur conectaba con Portero, que tenía la escopeta cargada / Албур сделал передачу Портеро, который уже был наготове (досл. *держал ружье наготове*) [Mundo Deportivo, 2021].

Marcelino no se encontraba cómodo y miraba una y otra vez al banquillo mientras se preguntaba cuándo tiraría de su artillería pesada para adueñarse del juego / Марселино чувствовал себя неуверенно и постоянно смотрел в сторону скамьи запасных в ожидании, когда же наконец выпустят основных игроков (досл. *тяжелую артиллерию*) для того, чтобы стать хозяином игры [AS, 2021].

Обращает на себя внимание присутствие в текстах футбольных репортажей *милитарных метафор*, относящихся к сфере морского боя и вызывающих у испанского зрителя ассоциации с историческими личностями¹:

*El técnico **quietó sus naves** con un ataque más dinámico y nuevo / Тренер решил пойти ва-банк (досл. **поджег свои корабли**) и отправил команду в более динамичную и новую атаку ... [AS, 2020].*

Как показывает исследование, корпус метафор понятийной сферы «война», использующихся в современном испанском футбольном репортаже, в целом скорее отражает общепринятые модели восприятия этой игры, хотя иногда демонстрирует примеры, ассоциирующиеся с испанской историей. Основным морфологическим ресурсом агонального дискурса по вышеуказанной тематике выступают глаголы.

Особое место в метафорическом переосмыслении футбольных состязаний принадлежит команде как их ключевому актору. Представление о команде как о дружном коллективе единомышленников является основой метафорических моделей «команда – это семья/хор/оркестр/корабль», который находится под умелым / неумелым руководством:

*Y todo gracias a Agustín el Tato Abadía ... que ahora dirige la nave de un modesto y joven club / И всё благодаря Агустину Тато Абадиа... который управляет **кораблем** новой и скромной футбольной команды... [AS, 2019].*

*El Barça firmó una portentosa **actuación coral** / Барса показала изумительную командную игру (досл. **хоровое исполнение**) [Марса, 2020].*

*el Levante fue un equipo agresivo y **afinado** – Эль Леванте показал себя как агрессивная и **хорошо настроенная команда** [AS, 2020].*

Музыкальная лексика представляет собой еще один источник для образования метафор, способствующих оригинальному описанию действий футболистов и тренеров, что представлено моделями «ведущий игрок – это ведущий голос», «тренер – это музыкант»:

*El Rayo **llevaba la voz cantante**: no paraba de llegar al área rival y presionar al Elche / Команда Эль Райо была **ведущей** (досл. **ведущим голосом**) в игре: игроки все время пытались играть на половине поля соперника и атаковать его [Марса, 2020].*

¹ Несмотря на то что впервые данный метод был испробован Александром Македонским в IV в. до н.э., испанцам ближе исторический эпизод, когда их соотечественник Эрнан Кортес во время завоевания Мексики (1519) приказал поджечь свои корабли, чтобы дать понять солдатам, что отступление невозможно.

*El entrenador del Barça no deja de tocar teclas... / Тренер Барсы все время дает указания (досл. **нажимает на клавиши**)...* [Mundo Deportivo, 2019].

При этом для испанцев футбольная игра сродни музыкальному произведению, которое создается на поле:

*pero el equipo todavía no suena como quiere / но команда всё равно не **играет** (досл. **звучит**) так, как хотелось бы* [Mundo Deportivo, 2019].

*El Barça decidió **apagar la música** / Команда Барса решила **закончить матч** (досл. **выключить музыку**)* [AS, 2020].

На основе вышеуказанных примеров можно предположить, что ассоциация футбольного матча с созданием музыкального произведения, а действий тренера и команды – со слаженной игрой на музыкальных инструментах, возможно, обусловлена особенностями национальной культуры, в которой музыка как вид искусства обладает чрезвычайной выразительностью, отражающей колорит и темперамент национального характера.

Гастрономическая сфера занимает важное место в испанском массмедийном пространстве не только по причине своей значимости в бытовой и социальной культуре общества, но и благодаря своему месту в испанской ментальности, наделившей гастрономическую культуру особой чувственностью и смысловым содержанием. Активное употребление различных моделей *гастрономических метафор* самого широкого спектра в испанском спортивном дискурсе обусловлено их непосредственной связью с эмпирическим опытом человека – в частности, знакомые вкусовые характеристики объектов, а также ежедневная практика приготовления и приема пищи вызывают мгновенную ассоциацию и на ее основе – представление о свойствах субъектов и характере их действий.

В текстах испанских футбольных репортажей данные метафоры преимущественно используются для описания ключевых моментов игры (гол, пенальти, победа, поражение), а также участников матча (команда, футболисты). Глаголы *cocinar* (*готовить*) и *cocer* (*варить*) являются основными для передачи представления о ходе игры:

*Isak y Gorosabel **fueron cocinando un primer gol que solo Andrés Prieto, impecable en todas sus apariciones este curso, había podido evitar / Исак и Горосабель **готовились забить** (досл. **варили**) первый гол, и только неповторимый в своих манёврах Андрес Прието мог помешать им*** [MARCA, 2020].

*El partido **se cocía a un fuego demasiado lento** / Игра проходила в очень медленном темпе (досл. **варилась на медленном огне**) ...* [AS, 2021].

В структуру исходной семантической области «еда» входит и типовой сценарий, включающий стереотипную ситуацию приготовления блюда, который нетривиально передает действия команд и их игроков:

*El equipo Leganés puso **toda la carne** para ganar / Команда Леганес сделала **всё возможное** для того, чтобы одержать победу (досл. **положил все мясо**) ... [AS, 2020].*

*...recogió el rechace para **poner toneladas de pimienta** al final del partido/ ...удалось **отбить мяч** и **добавить остроты** (досл. **очень много перца**) в конце игры ... [AS, 2021].*

В текстах футбольных репортажей встречается и *синестетическая метафора*, которая отличается постоянством связи смежных ощущений (в данном случае – вкусового и зрительного) и активно используется для описания результата матча, а также впечатлений от действий игроков и команд. Синестезия как феномен интермодального восприятия значительно расширяет стилистические возможности комментатора и не только отражает его эмоциональное состояние, но сообщает яркую экспрессивную окрашенность происходящим в сфере спорта событиям, чем вызывает живую реакцию у читателя / слушателя.

События футбольной встречи представляют собой эпизоды, вызывающие прямо противоположные эмоции, и ассоциируются с основными универсальными вкусовыми ощущениями, связанными с эмоциональной модальностью – *delicia* (*деликатес*), *amargo/agrio* (*горький/кислый*), *dulce* (*сладкий*):

*El centro era **una delicia** – игра центрального была **великолепной** (досл. **деликатесом**) [MARCA, 2020].*

*Eso **no amargó** la fiesta verdinegra... / Это **не испортило** (досл. **не подкисло**) праздник зелено-черным²... [Mundo Deportivo, 2020].*

*[...] definición al palo corto de Sadiq, que **sigue de dulce** / ...удар в штангу в ворота Садики, которому **удается сохранить преимущество** (досл. **сладкий вкус**) своей команды [MARCA, 2020].*

*[...] el Levante que se va con **un sabor agridulce** / Эль Леванте уходит с поля с **унылым видом** (досл. **кисло-сладким привкусом**) [AS, 2021].*

В следующем примере спортивный комментатор нашел удачный образ, однозначно вызывающий у испанского зрителя эстетическое наслаждение:

² Club Atlético Nueva Chicago – футбольный клуб из Аргентины.

Fue él mismo quien puso la nata a su gran jugada para volver a adelantar a una Real ... / Именно он добавил сливок в свою великолепную игру чтобы снова обыграть Real³... [AS, 2019].

В данном случае синестетический перенос реализуется двунаправленно – от высшей к низшей сенсорной модальности, одновременно сопряженной с тем же высшим уровнем сенсорики, по модели «зрение / слух → вкус / эстетизм образа».

Впечатление об игре футболистов также передается испанскому зрителю при помощи знакомых всем гастрономических образов, транслирующих не только вкус, но и полезность продукта – *vitamina* (вита́мин):

Ha ingerido vitamina Raúl García el Athletic – Команда «Атлетико» ввела в игру свою витаминку – Рауля Гарсию [MARCA, 2020].

Вместе с тем в текстах футбольных репортажей можно найти примеры, передающие национальные традиции культуры потребления, связанные с хлебом и вином, которые по сей день остаются одними из главных продуктов, являющихся основой испанской гастрономической культуры⁴ [Раевская, Киселева, 2015]:

Marcelino, pan y vino para el Athletic / Марселино – это основной игрок (досл. хлеб и вино) для команды Атлетико [MARCA, 2021].

La Liga es el pan nuestro de cada día... / Ла Лига – это наше все (досл. ежедневный хлеб) [MARCA, 2021].

Впечатление от игры в целом очень важно для зрителя, поэтому футбольный матч в текстах испанских спортивных комментариев чаще всего преподносится как блюдо, которое может понравиться или нет:

Sin embargo, el plato al que se enfrentan los rojiblancos⁵... no les viene resultando de muy buen gusto... / Однако блюдо, которое преподнесли красно-белым, не пришлось им по вкусу⁶... [AS, 2019].

³ Сливки добавляют для придания более утонченного вкуса, а также для украшения блюд и десертов. В данном контексте комментатор хочет показать, что футболист своим удачным приемом украсил игру на поле.

⁴ Во фразеологическом фонде испанского языка Испании отражены национальные стереотипы, связанные с данными продуктами, которые считаются одними из основных ингредиентов испанской кухни [Раевская, Киселева, 2015].

⁵ Los rojiblancos – «Атлетико Мадрид» (исп. *Club Atlético de Madrid*) – испанский профессиональный футбольный клуб Мадрида, чьи игроки обычно выходят на поле в форме красно-белого цвета, поэтому команда получила прозвище «Красно-белые».

⁶ Под «блюдом» следует понимать игру, которую показали команде в красно-белых майках оказавшиеся сильнее соперники, доставившие клубу «Атлетико Мадрид» много проблем.

Вызывает интерес еще одна связанная с сенсорно-эмоциональной сферой⁷ метафорическая модель «игра – это процесс потребления пищи», непосредственно транслирующая данную чувственную физиологическую ассоциацию:

... *tuvieron que comerse un bocata de polvorones sin agua* / Игроки команды с трудом отбивались от атак соперника (досл. **есть печенье всухомятку**) [AS, 2021].

...*se mascaban los penaltis en un interminable partido* / ...медленно тянулась серия пенальти (досл. **разжевывали, жевали**) в нескончаемой игре [AS, 2021].

Un Linares extramotivado, ordenado y un campo impracticable hicieron el partido indigerible a los sevillistas / Супермотивированная, хорошо организованная команда Линарес и неудобное для игры поле сделали невыносимым (досл. **неперевариваемым**) матч для команды Севильи [AS, 2021].

Таким образом, представленная в текстах испанских футбольных репортажей *синестетическая метафора* демонстрирует несколько интермодальных типов, в том числе и конвенциональные вкусовые коды испанской гастрономической культуры. Данный ресурс языковой выразительности, активно используемый испанскими спортивными журналистами, можно назвать не только особенностью авторского идиостиля, но и в целом испанского национального менталитета.

В арсенале метафорических средств, имеющих в распоряжении испанских футбольных комментаторов, значится и *зооморфная метафора*, которая посредством зрительных ассоциаций с животными также позволяет передать впечатление от игры команды и поведения футболистов, усиливая тем самым количественные характеристики (скорость, ловкость, сила, агрессия) субъектов игры:

Pero igual el partido ante el Ibiza, de Segunda B, le sirvió para darse cuenta de que la vaca no da para más. Y él desde el primer día dejo claro que es un experto en vacas / Но как и в матче против команды Ибицы, во второй подгруппе В, это помогло ему осознать, что команда больше ни на что не способна (досл. **корова больше не даст молока**). И с первого дня он дал всем понять, что уж он-то точно хорошо разбирается в этом вопросе (досл. **коровах**) [AS, 2020].

... *que seguía jugando con sus centrocampistas ante la presión de los locales, que acudían como lobos a la frontal del área culé* / ... центральные нападающие продолжали противостоять давлению местной

⁷ Получившей название *синэстемия*, т.е. синэстезия на основе сенсорно-эмоциональной межчувственной связи.

команды, которая, словно **волк**, ворвалась на территорию команды Барселоны [AS, 2020].

Находящийся в игре мяч как самый важный предмет футбольной экипировки также получил в испанском футбольном репортаже зооморфное метафорическое представление:

Parece un conejo el balón... / мяч скачет словно кролик на поле... [AS, 2021].

Интересная метафора и одновременно удачная игра слов, основанная на созвучии прозвища игрока, названий команды и животных (*кот съел льва*), представлена в следующем примере:

El Gato se comió al León / Игрок команды Валенсии по прозвищу «Кот» смог забить гол (досл. съел противника) команде Леон [AS, 2020].

Проведенный анализ показывает, что базовые метафоры, используемые испанскими футбольными комментаторами, передают широкую гамму эмоций и логично связаны со сферой активной целенаправленной деятельности человека, которая представляет собой ментальную универсалию, а также сферой синэстетического интермодального восприятия, в определенной степени обусловленной особенностями национальной культуры, когда знакомые всем яркие ассоциативные образы позволяют ее носителям легко разгадать метафорический смысл. Таким образом, метафоры, будучи одним из важнейших средств прагматического воздействия, отражают как универсальные модели интерпретации реальности, так и национальные предпочтения в уподоблении одного явления другому, создавая неповторимые картины действий, образов, состояний и эмоций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазунова О.И. Философия языка и проблемы современной лингвистики [Текст]. М., 2014. С. 389.
2. Давыдова М.А. Роль когнитивной метафоры в формировании концептосферы политического лидера (на материале предвоенных выступлений У. Черчилля) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 52–61.
3. Елистратов А.А. Военная метафора в языке спорта // Русская речь. 2005. № 2. С. 64–69.
4. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 19. М., 2001. С. 103–112.
5. Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
6. Раевская М.М. Язык в ментальном пространстве: к проблеме постижения национальной логики мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 27–40.

7. *Raevskaya M.M., Kiseleva L.N.* Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 77–88.
8. *Raevskaya M.M., Selivanova I.V.* Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале Рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 52–59.
9. *Шеховская Ю.А., Перетяцько А.В.* Соматическая метафора (на материале английского и испанского языков) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2019. С. 65–71.
10. *Sobénina V.A.* Metáfora en el discurso deportivo: análisis de publicaciones sobre el fútbol // II Международная молодежная научная конференция «Физика. Технологии. Инновации. ФТИ-2015»: тезисы докладов (Екатеринбург, 20–24 апреля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 373–374.
11. *Quintero Ramírez S.* Lenguaje creativo en el discurso periodístico deportivo. Estudio contrastivo en español, francés e inglés. Berlin, 2019.

REFERENCES

1. Glazunova O.I. 2014. *Filosofiya yazyka i problemy sovremennoj lingvistiki* [Philosophy of Language and problems of modern linguistics]. Moscow, LENAND. (In Russ.)
2. Davydova M.A. 2021. Rol' kognitivnoj metafory v formirovanii konceptosfery politicheskogo lidera (na materiale predvoennyh vystuplenij U. Cherrchillya) [The role of cognitive metaphor in shaping the conceptual sphere of the political leader (based on pre-war speeches of Winston Churchill)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 52–61. (In Russ.)
3. Elistratov A.A. 2005. Voennaya metafora v yazyke sporta [The military metaphor in the language of sport]. *Russkaya rech'*, no. 2, pp. 64–69. (In Russ.)
4. Zil'bert A.B. 2001. Sportivnyj diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) [Sports discourse: the intersection with other discourses (intertextuality problems) point]. *Yazyk, so znanie, kommunikaciya: sb. statej*. Moscow, MAKS Press. Vyp. 19, pp. 103–112. (In Russ.)
5. Kudrin S.A. 2011. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdayushchie modeli* [The basic metaphor of sports discourse as a text-generating model]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow. (In Russ.)
6. Raevskaya M.M. 2006. Yazyk v mental'nom prostranstve: k probleme postizheniya nacional'noj logiki myshleniya [Language in mental space: the problem of understanding the logic of national thinking]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 27–40. (In Russ.)
7. Raevskaya M.M., Kiseleva L.N. 2015. Ispanskaya gastronomicheskaya tradiciya kak element sociokul'turnoj identichnosti [Spanish gastronomy tradition as an element of sociocultural identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 77–88. (In Russ.)
8. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2020. Pragmaticheskij potencial metafory v pUBLICHOM vystuplenii (na materiale Rozhdestvenskih rechej ispanskogo monarha Huana Karlosa I) [Pragmatic potential metaphors in a public speech (on a material of the Christmas speech of the Spanish monarch Juan Carlos I)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 52–59. (In Russ.)

9. Shekhovskaya Yu.A., Peretyat'ko A.V. 2019. Somaticheskaya metafora (na materiale anglijskogo i ispanskogo yazykov) [Somatic metaphor (on a material of English and Spanish)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya*. Samara, pp. 65–71. (In Russ.)
10. Sobénina V.A. 2015. Metáfora en el discurso deportivo: análisis de publicaciones sobre el fútbol. II *Mezhdunarodnaya molodezhnaya nauchnaya konferenciya "Fizika. Tekhnologii. Innovacii. FTI-2015"*: tezisy dokladov (Ekaterinburg, 20–24 aprelya 2015 g.). Ekaterinburg, UrFU, pp. 373–374. (In Span.)
11. Quintero Ramírez S. 2019. *Lenguaje creativo en el discurso periodístico deportivo*. Estudio contrastivo en español, francés e inglés, Berlín, Peter Lang. (In Span.)

Статья поступила в редакцию 06.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 06.08.2021;
approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторах

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, mraevskaya@gmail.com

Перетяцько Анна Владимировна – преподаватель кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, anitaprofe@mail.ru

About the authors

Marina M. Raevskaya – PhD, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, mraevskaya@gmail.com

Anna V. Peretiatko – Teacher, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, anitaprofe@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИ ДЕ ГУРНЕ

О.А. Крюкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, opakukova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена гендерному аспекту изучения литературно-го произведения на материале сочинений французской писательницы и философа Мари ле Жар де Гурне (Marie Le Jars de Gournay, 1565–1645). Интерес к гендерной тематике в европейской литературе на рубеже XVI–XVII вв. объясняется новым витком «Спора о женщинах», полемики о взаимоотношении полов. Во многих европейских странах появляются тексты, затрагивающие проблему положения женщин в обществе и их роли в социальной и культурной жизни. Во Франции своеобразным ответом на знаковые антифеминистские памфлеты становятся сочинения Мари ле Жар де Гурне – «О равенстве мужчин и женщин» (*L'Egalité des hommes et des femmes*, 1622) и «Жалоба женщин» (*Le Grief des dames*, 1626), в которых автор отстаивает не женское превосходство, а равенство полов. Цель исследования – выявить и обосновать особенности текстуальных практик как самовыражения женского субъекта в литературе. В статье уточняется понятие «женского письма», анализируются некоторые продуктивные стратегии в исследовании женских текстов. На примере творчества Мари ле Жар де Гурне, продолжившей традиции женских сочинений в защиту представительниц своего пола, анализируется специфика гендерного дискурса. Делается вывод о перспективе использования концепции женского письма с целью дальнейшего изучения феномена авторства и особенностей репрезентации женской субъективности в тексте и культуре.

Ключевые слова: гендерный дискурс; женское письмо; Мари де Гурне; равенство полов; защита достоинства и прав женщины; женское образование

Для цитирования: Крюкова О.А. Проявления гендерного дискурса в творчестве Мари де Гурне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 106–116.

GENDER DISCOURSE MANIFESTATIONS IN THE WORKS OF MARIE DE GOURNAY

Olga A. Kryukova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, opakukova@gmail.com

The article is devoted to the gender aspect of the study of the literary work of the French writer and philosopher Marie Le Jars de Gournay (1565–1645). Interest

in gender issues in European literature at the turn of the 17th century is explained by a new round of the “The Woman Question” polemic about the relationship of the sexes. In many European countries, texts appear that address the problem of the position of women in society and their role in social and cultural life. In France, the works of Marie le Jar de Gournay – “The equality of men and women” (*L'Égalité des hommes et des femmes*, 1622) and “The Complaints of Ladies” (*Le Grief des dames*, 1626), become a kind of response to iconic anti-feminist pamphlets, in which the author defends not female superiority, but gender equality. The purpose of the study is to identify and justify the features of textual practices as self-expression of a female subject in literature. The article clarifies the concept of “feminine style of writing” and analyzes some productive strategies in the study of women’s texts. The specificity of gender discourse is analyzed using the example of the work of Marie Le Jar de Gournay, who continued the tradition of women’s essays in defense of representatives of the same gender. A conclusion about the prospect of using the concept of a woman’s writing is made. The aforementioned can be used for the further research of the authorship phenomenon and features of representation of women in texts and culture.

Key words: gender discourse; feminine style of writing; Marie de Gournay; gender equality; protection of the dignity and rights of women; female education

For citation: Kryukova O.A. (2022) Gender discourse manifestations in the works of Marie de Gournay. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 106–116. (In Russ.)

Исследование женских текстов является частью более общей проблематики, связанной с изучением феномена авторства с точки зрения его гендерной обусловленности. Понятие «женское письмо» (*écriture féminine*, термин Э. Сиксу или «феминный стиль письма», термин Деррида) широко используется в феминистской литературной критике¹. Это понятие, появившееся в трудах французских теоретиков феминизма (Э. Сиксу, Л. Иригарей²) под влиянием постструктуралистских концепций (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ю. Кристева³), остается одним из самых дискуссионных, в силу прежде всего теоретико-методологической неоднозначности данной

¹ См., например: Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // *Филологические науки*. 2000. № 3. С. 5–17; Мальгина А.В. Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX – начала XXI вв.): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2008; Павлова Н.И. Возможно ли прочесть «Женское письмо»? К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // *МИРС*. 2013. № 3. С. 79–84.

² Сиксу Э. Хохот Медузы // *Введение в гендерные исследования: В 2 ч. Ч. II: Хрестоматия* / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 799–821; Иригарей Л. Пол, который не единичен // *Введение в гендерные исследования: В 2 ч. Ч. II: Хрестоматия* / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 127–135.

³ См.: Фуко М. Воля к знанию. М., 1966; Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // *Философские науки*. 1991. № 2. С. 118–129; Lacan J. Le stade du miroir comme for-

области исследований. Для постструктуралистов понятие феминности это не более чем метафорическое выражение маргинального способа мышления, уклонение от «центристских» маршрутов мысли. Для Деррида, в частности, «феминный стиль письма» – это определенный способ отношения к реальности – децентрация (смещение, замещение) культурных стереотипов, осуществляющаяся, прежде всего, в феминных текстуальных практиках, которые призваны размыть, расшатать «доминирование мужского способа мышления в культуре». Для многих феминистских исследователей женское письмо – способ обретения женщиной своей идентичности, своего «голоса» в культуре, собственного места в культурном пространстве. Как отмечает Н.И. Павлова, опыт изучения женского авторства показал, что женская литература не подлежит уяснению и описанию в категориях истории развития литературы с присущей ей действием литературной традиции, сменой литературных направлений и тем самым некоей последовательностью развития [Павлова, 2013]. Вопрос фиксации критериев письма в аспекте его половой / гендерной обусловленности также не имеет однозначного ответа. Тем не менее одной из продуктивных стратегий в исследовании женских текстов исследователи называют «двойственность» женского авторского сознания, феномен «двойного голоса», когда, с одной стороны, писательницы должны были приспособливаться к андроцентрическому дискурсу, а с другой – выражать собственную индивидуальность⁴. Этот феномен, по мнению И.Н. Павловой, нагляднее прослеживается в периоды подъема женского движения, когда так называемый «женский вопрос», являясь продуктом социально-идеологического дискурса, становится частью дискурса литературного [Павлова, 2013].

Одним из таких периодов в некоторой степени можно назвать рубеж XVI–XVII вв. Европейская литература этой эпохи характеризуется особым интересом к гендерной тематике. В эпоху Ренессанса и Просвещения продолжается полемика о взаимоотношении полов. В этом «споре о женщинах», возникшем в конце XII в. и разгоревшемся с особой силой в XV–XVI вв., не только пытались

---

mateur de la fonction du Je. *Ecrits I*. Ed. Du Seuil. 1966. P. 89–97; *Kristeva J.* Le langage, cet inconnu. Une initiation à la linguistique. P., 1981.

⁴ *Weigel S.* Der schielende Blick. Thesen zur Geschichte weibliche Schreibpraxis // *Die verborgene Frau. Sechs Beiträge aus einer feministischen Literaturwissenschaft*. 1983. Bd. 96. S. 85–137; *Lanser S.S.* Toward a Feminist Narratology // *Style*. Vol. 20. № 3. 1986. P. 341–363; *Showalter Elaine.* Feminist Criticism in the Wilderness // *Critical Inquiry* 8. 1981. P. 179–205; *Розенхольм А.* Пишу себя: Творчество и женщина-автор // *Современная философия*. Харьков, 1996. № 1. С. 183; *Шоуолтер Э.* Наша критика: Автономность и ассимиляция в афро-американской феминистской теории литературы // *Современная литературная теория*. Саратов, 2000. С. 208–209.

утвердить равенство полов или превосходство одного пола над другим. В рамках «Спора о женщинах» поднимались проблемы женской нравственности, женской власти, женской речи и доступа к знаниям. Присутствовал и эстетический дискурс – велись рассуждения о красоте в целом и женской красоте в частности⁵. В начале XVII в. во многих европейских странах появляются тексты, затрагивающие проблему положения женщин в обществе и их роли в социальной и культурной жизни. Особое внимание авторов привлекал вопрос о женском образовании.

Во Франции традиция женских сочинений в защиту представительниц своего пола восходит к началу XV в. и связана с именем Кристины Пизанской (Christine de Pisan)⁶. В 1405 г. появляется одно из самых известных ее произведений – «Книга о Граде женском» (*Le livre de la Cité des Dames*). В 1475 г. эта книга была переведена на фламандский язык, а в 1521 г. – на английский, что не могло не повлиять на новую волну дискуссий по женскому вопросу. К концу XVI в. в европейских странах появляется несколько знаковых антифеминистских сочинений, которые имели широкий резонанс и вызвали множество ответов защитников женщин⁷. Ключевым для английского и французского антифеминизма стал 1617 г., когда в Англии публикуется в высшей степени женоненавистническое произведение Джозефа Светнама «Обвинение распутных, праздных и бесплодных женщин» (1617) (*The Arraignment of Lewd, Idle and Unproductive Women / Joseph Swetnam*), а во Франции – не менее антифеминистский памфлет Жака Оливье «Алфавит женских недостатков» (1617) (*Alphabet de l'imperfection et malice des femmes / Jacques Olivier*). Своеобразным ответом во Франции становятся сочинения Мари ле Жар де Гурне – «О равенстве мужчин и женщин» (1622) (*l'Egalité des hommes et des femmes*) и «Жалоба женщин» (1626) (*Le Grief des dames*). Отсылая читателя к «Спору алфавитов», Мари де

⁵ См.: Трофимова В.С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 338–349.

⁶ См.: Крюкова О.А. Дискурс о женской идентичности в произведениях Кристины Пизанской // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 141–150.

⁷ В частности, речь идет о сочинении Валенса Ацидалия «Новое рассуждение против женщин, в котором доказывается, что они не являются человеческими существами» (1595) (*Disputatio nova contra mulieres, qua probatur eas homines non esse / Acidalius, Valens*), и трактате Джузеппе Пасси «О женских недостатках» (1599) (*Donneschi diffetti / Giuseppe Passi*). Сочинение в защиту женского пола, открывающее семнадцатое столетие – «О благородстве и превосходстве женщин» (1600) итальянки Лукреции Маринеллы (*La nobiltà et l'eccellenza delle donne, co' difetti et mancamenti de gli uomini / Lucrezia Marinella*) – было ответом на трактат Пасси.

Гурне отказывается от иерархии «лучше-хуже» и отстаивает неженское превосходство, а равенство полов.

Известная сегодня широкому кругу, прежде всего, как «названная дочь Монтеня», ставшая редактором посмертного издания его трудов, Мари де Гурне была одной из самых самобытных писательниц и философов XVII в., чье творчество многогранно и разнообразно⁸. Одна из самых образованных женщин своего времени, автодидакт, Мари де Гурне состояла в переписке с кардиналами и епископами, принцами и министрами, поэтами и судьями, учеными и профессорами университетов⁹. Большинство философских эссе Мари де Гурне включены в ее сборники: «Тень мадмуазель де Гурне» (*“L’Ombre de la Damoiselle de Gournay”*, 1626) и «Советы или Подарки мадмуазель де Гурне» (*“Les Advis ou les Presens de la Demoiselle de Gournay”*, 1634, 1641). Ее перу принадлежат множество талантливых переводов античной поэзии и прозы, в том числе Вергилия, Тацита, Овидия, Цицерона. Мари де Гурне интересовалась искусством перевода, стилистикой и эволюцией языка, последовательно отстаивала употребление устаревших слов и предостерегала об опасностях пуризма в поэтической речи. Она писала о воспитании принцев и дворянских привилегиях, выступала за запрет дуэлей. Особое внимание Мари де Гурне уделяла различным этическим вопросам: о добродетелях и причинах порока, о злословии и клевете, о легитимности мести, о жестокосердии и несправедливости. Как отмечает французский исследователь М.Т. Нуаре, Мари де Гурне, будучи автором сочинений философско-моралистического характера, порицающим нравы современного ей общества, должна упоминаться в ряду с Монтенем и Ларошфуко, а не только с Кристиной Пизанской и мадам де Лафайет [Noiret, 2009].

Позиция Мари де Гурне как защитницы женских прав обусловлена ее интересом к вопросам этики, а также, по мнению Б. Зедлер, ее разочарованиями, пережитыми на собственном опыте: сначала из-за противодействия ее стремлению к образованию со стороны матери, позже из-за отношения некоторых ее современников-мужчин к ее ученым трудам [Zedler, 1989]. Размышления и аргументы Мари

⁸ Marie de Gournay. Œuvres complètes. Edition critique par Jean-Claude Arnould, Évelyne Berriot, Claude Blum, Anna-Lia Franchetti, Marie-Claire Tomine et Valérie Worth-Stylianou / Sous la dir. de Jean-Claude Arnould. Paris: H. Champion, 2002. In 2 vol.

⁹ Ее корреспондентами были принц Луи де Валуа; кардинал Ришелье; итальянский государственный деятель, кардинал Гвидо Бентивольо; католический святой Франциск Сальский; епископ Пуатье Анри-Луи Шастенье; члены первого созыва Французской академии Антуан Годо и Гез де Бальзак; нидерландский гуманист Юст Липсий; Франсуа Ламот ле Вайе, писатель, философ-скептик, член Французской академии, воспитатель молодого Людовика XIV.

де Гурне о равноправии женщин изложены в двух текстах «О равенстве мужчин и женщин» (1622) и «Жалоба женщин» (1626), тексты, которые способствовали становлению социально-философского анализа женского вопроса, и благодаря которым автора называют «ранней феминисткой».

В «Равенстве мужчин и женщин» Мари де Гурне опирается на три основных источника: труды античных авторов, учения выдающихся богословов и сочинения писателей и философов XVI в., среди которых Эразм Роттердамский и Монтень. Она критикует библейские источники христианского женоненавистничества, прежде всего Первое Послание к Коринфянам Св. Апостола Павла, приводит примеры ученых женщин, мыслителей и философов – защитников женщин, прославляет женскую силу и доблесть.

Надо ли называть бесконечное множество других древних и современных прославленных авторов, среди которых Эразм, Полициано ... Агриппа¹⁰, этого честного и достойного наставника придворных в дополнение ко многим знаменитым поэтам, которые все вместе противостоят насмешникам над женским полом, назвать имена тех, кто признает достоинства и способности женщин к любому занятию, достойному похвалы?¹¹ (с. 283) (перевод. – О.К.)

Все эти авторы, на аргументы которых ссылается Мари де Гурне, солидарны в равных способностях мужчин и женщин, созданных по образу и подобию бога, заниматься любым делом. Умело оперируя высказываниями безусловных авторитетов, Мари де Гурне ставит себя в центр идеологической системы, которая и создает неравенства между мужчинами и женщинами, чтобы подчеркнуть ее несоответствия и противоречия. Цель Мари де Гурне состояла не в том, чтобы доказать превосходство женщин над мужчинами, но заставить усомниться в разумности взгляда на вселенную как иерархическую структуру. Говорить о превосходстве или неполноценности одного пола над другим не имеет смысла, если в природе понятия превосходства или неполноценности лишены смысла.

¹⁰ Эразм Роттердамский; Анджеоло Амброджини по прозвищу Полициано – итальянский поэт, гуманист и драматург; Корнелий Агриппа Неттесгеймский – немецкий гуманист, философ, писатель, врач. Автор трактата «О благородстве и преимуществе женского пола» (1529) – важнейшего источника идей для защитников женского пола.

¹¹ Все цитаты приводятся по: *Gournay Marie le Jars de. Les Advis ou les présens de la demoiselle de Gournay. Paris, Toussaint du Bray, 1634. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k70463d/f16.item.r=Gournay,%20Marie%20le%20Jars%20de,%20Les%20Advis%20ou%20les%20pr%C3%A9sens%20de%20la%20demoiselle%20de%20Gournay> (дата обращения: 5.01.2022).*

Большинство из тех, кто встает на защиту женщин, вопреки тем преимуществам, что мужчины приписывают себе, поступают ровно наоборот: они отдают предпочтение женщинам. Что касается меня, избегающей всяких крайностей, я же уравниваю их с мужчинами: Природа также против этого взгляда, как превосходства, так и неполноценности (с. 278).

Отстаивая равенство полов, Мари де Гурне использует аргументы своих противников, чтобы доказать несостоятельность превосходства одного пола над другим, которое не оправдывает ни естественный, ни политический, ни даже религиозный закон.

Более того, человеческое существо не является ни мужчиной, ни женщиной, пол создан не ради разнообразия видов, а лишь для размножения. Единственное отличие этого существа – только разумная душа. Ничто так не сходно с котом у окна, как кошка у окна. Мужчина и женщина настолько похожи, что в мужчине больше женского, а в женщине больше мужского. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их, говорится в Писании, считая этих двоих единым целым. И Иисуса Христа называют Сыном Человеческим, хотя он всего лишь рожден женщиной, совершенство и доказательство этого единства двух полов (с. 285).

Мари де Гурне оспаривает и традиционные религиозные обоснования мизогинии:

Если мужчины гордятся тем, что Христос принадлежал к их полу, так это только потому, что, будь он женщиной, он бы не смог, не вызывая скандала, денно и нощно быть в толпе людей, проповедовать, помогать и спасти род человеческий... Кто воображает бога мужественным или женственным, тот показывает себя столь же плохим философом, сколь и теологом (с. 290).

Возможно, потому, что она сама решила посвятить свою жизнь наукам, а не браку, Мари де Гурне никогда не упускает возможности осудить предрассудки, которые ограничивают роль женщины домашней сферой:

[абсурдно утверждать, что] женщина обнаружит, что достойна быть сотворенной по образу Творца, насладиться святейшей Евхаристией, тайнами Искушения, Рая, Видением, даже обладанием Бога, но не преимуществами и привилегиями мужчины: следует ли объявлять мужчину более ценным и более высоким, чем, что бы то ни было, и, следовательно, совершать величайшее богохульство? (с. 291)

Единственное неравенство, по мнению Мари де Гурне, которое существует между мужчинами и женщинами, и которое следует искоренить, касается образования. Эта несправедливость, отсутствие равного доступа к образованию, обрекает женщин «на прялку», т.е. исключительно домашние хлопоты, и дискредитирует любую попытку заявить о себе. Для автора вопрос образования является одним из первостепенных и очень личным. Изучая латынь самостоятельно, тайком, сравнивая оригинальные тексты с переводами на французский язык, Мари пришлось преодолевать сопротивление собственной матери, не разделявшей стремлений дочери учиться.

Если дамы достигают реже, чем мужчины, высокого уровня мастерства, неудивительно, что это из-за отсутствия хорошего образования (с. 281).

К решающему влиянию образования добавляется влияние социальной и даже географической среды:

Если необходимо доказать это: есть ли большая разница между мужчинами и женщинами, чем между самими женщинами: в соответствии с образованием, которое они получили, в соответствии с тем, выросли ли они в городе или деревне, или в соответствии с национальной принадлежностью? (с. 282)

Во втором своем эссе «Жалоба женщин» (1626), написанном едко, в сатирической форме, Мари де Гурне выражает свой гнев и презрение тем ученым мужам и придворным, кто, не читая, отказывается серьезно относиться к литературным произведениям женщин. Начиная с обращения к читателю, автор подчеркивает обескураживающее положение женщин:

Блажен ты, читатель, если ты не принадлежишь к этому полу, к тем, кому запрещены все блага, запрещена свобода: [...], чтобы единственной радостью и добродетелями были для них невежество, подчиненное положение и притворство (с. 356).

Но Мари де Гурне судит не весь род мужской, но лишь посредственности. Пренебрежение к женщине-писательнице, по ее мнению, является доказательством задержки интеллектуального развития некоторых своих современников.

Я знала некоторых, которые абсолютно презирали женские произведения, не соизволив даже ради развлечения их прочесть, чтобы узнать, из какого материала они сделаны (с. 358).

Возмущенная пустым тщеславием автора, пренебрегающего женскими сочинениями, она восклицает:

Бог мой, как мушинные лапки в глазах их обладателя превращаются в лапы феникса [...]! Те, кому природа дает хилое тело, [...] жиреют от масла: а те, чье воображение в изгнании или скудно, раздувают его пустыми словами (с. 359).

В заключение отметим, опыт изучения женского авторства как западными, так и отечественными исследователями, по мнению Н.И. Павловой, показывает, что феномен «двойного голоса» женского письма существует вне жанровых и временных границ и характеризует литературные тексты писательниц разных эпох [Павлова, 2013]. Идеи Мари де Гурне во многом опередили свое время. Анализируемые тексты не просто моделируют репрезентацию женщины в культуре и социуме, но представляют логическую структуру, способную противостоять доктринам и ментальным установкам патриархатной культуры. Аргументы, к которым прибегает писательница и философ в своих защитительных произведениях, – это попытка отречься от культурной парадигмы своего времени, в основе которой эссенциализм и иерархическая дифференциация полов. Цель Мари де Гурне состояла не в том, чтобы доказать превосходство женщин над мужчинами, но заставить усомниться в рациональности дуалистического представления полов. Разделяя общество не на мужчин и женщин, а на «мудрецов» и «безумцев» (*sages, fous*), Мари де Гурне мечтала об интеллектуальной андрогинности мира, а в реальном мире умела дерзко отстаивать свою точку зрения: женщины смогут пользоваться своей свободой выбора наравне с мужчинами и получить право голоса лишь ценой равного доступа к знаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжкина Т. Ю.* Madame-monsieur-mademoiselle: гендер и пол сквозь призму языка и культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 9–37.
2. История женщин на Западе: В 5 т. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; ред. Натали Земон Дэвис и А. Фарж. СПб., 2008.
3. *Павлова Н.И.* Возможно ли прочесть «Женское письмо»? К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // МИРС. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhno-li-prochest-zhenskoe-pismo-k-probleme-genderno-orientirovannoy-narratologii> (дата обращения: 05.01.2022).
4. *Berriot-Salvadore E.* Les femmes et les pratiques de l'écriture de Christine de Pisan à Marie de Gournay // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance 1983. № 16. P. 52–69. URL: www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1983_num_16_1_1327 (дата обращения: 05.01.2022).
5. *Habert M.* La relation au savoir d'une femme du début du XVIIe siècle // Genre & Éducation: Former, se former, être formée au féminin. Mont-Saint-Aignan: Presses

universitaires de Rouen et du Havre, 2009. URL: <https://doi.org/10.4000/books.purh.1723> (дата обращения: 05.01.2022).

6. Krier I. Souvenirs sceptiques de Marie de Gournay dans l'“Égalité des hommes et des femmes” // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. 2009. № 29. P. 243–257. URL: <http://journals.openedition.org/clio/9303> (дата обращения: 05.01.2022).
7. Lemardeley R. Marie de Gournay ou l'écriture dérobée. *Transitions / Dir. par Hélène Merlin-Kajman*. Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3. URL: <https://www.mouvement-transitions.fr/index.php/intensites/transition/sommaire-general-de-transition/494-nd-1-marie-de-gournay-ou-lecriture-derobee> (дата обращения: 05.01.2022).
8. Noiret M.-T. Les dimensions multiples des traités de Marie de Gournay // *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*. 1996. № 43. P. 65–77. URL: https://www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1996_num_43_1_2081 (дата обращения: 05.01.2022).
9. Taylor H. Marie de Gournay et le Parnasse des Femmes // *Littéraire*. T. 1: Pour Alain Viala. Arras: Artois Presses Université, 2018. URL: <http://books.openedition.org/aru/18082> (дата обращения: 05.01.2022).
10. Zedler B.H. Marie le Jars de Gournay // Waithe M.E. (eds) *A History of Women Philosophers*. Vol. 2. 1989. Springer, Dordrecht. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-009-2551-9_12 (дата обращения: 05.01.2022).

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. 2014. Madame-monsieur-mademoiselle: gender i pol skvoz' prizmu yazyka i kul'tury. [Madame-monsieur-mademoiselle: gender and gender through the prism of language and culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–37. (In Russ.)
2. Istoriya zhenshchin na Zapade. V 5 tomakh. 2008. Tom 3. *Paradoksy epokhi Vozrozhdeniya i Prosveshcheniya*. [The history of women in the West. In 5 volumes. Volume 3. Paradoxes of the Renaissance and Enlightenment] In G. Duby, M. Perrault (eds.). Saint Petersburg. (In Russ.)
3. Pavlova N.I. 2013. Vozmozhno li prochest' “Zhenskoye pis'mo”? K probleme genderno oriyentirovannoy narratologii [Is it possible to read the “Women's Letter”? On the problem of gender-oriented narratology]. *MIRS*, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhno-li-prochest-zhenskoe-pismo-k-probleme-genderno-orientirovannoy-narratologii> (accessed: 05.01.2022). (In Russ.)
4. Berriot-Salvadore E. 1983. Les femmes et les pratiques de l'écriture de Christine de Pisan à Marie de Gournay. *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*, no. 16, pp. 52–69. URL: www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1983_num_16_1_1327 (accessed: 05.01.2022). (In French)
5. Habert M. 2009. *La relation au savoir d'une femme du début du XVIIe siècle. Genre & Éducation: Former, se former, être formée au féminin*. Mont-Saint-Aignan: Presses universitaires de Rouen et du Havre. URL: <https://doi.org/10.4000/books.purh.1723> (accessed: 05.01.2022).
6. Krier I. 2009. Souvenirs sceptiques de Marie de Gournay dans l'“Égalité des hommes et des femmes”. *Clio. Histoire, femmes et sociétés*, no. 29, pp. 243–257. URL: <http://journals.openedition.org/clio/9303> (accessed: 5.01.2022). (In French)
7. Lemardeley R. *Marie de Gournay ou l'écriture dérobée. Transitions*. Dir. par Hélène Merlin-Kajman. Paris, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3. URL: <https://www.mouvement-transitions.fr/index.php/intensites/transition/sommaire-general-de-transition/494-nd-1-marie-de-gournay-ou-lecriture-derobee> (accessed: 05.01.2022). (In French)

8. Noiret M.-T. 1996. Les dimensions multiples des traités de Marie de Gournay. *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*, no. 43, pp. 65–77. URL: https://www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1996_num_43_1_2081(accessed: 05.01.2022). (In French)
9. Taylor H. 2018. *Marie de Gournay et le Parnasse des Femmes. Littéraire. Tome 1: Pour Alain Viala*. Arras, Artois Presses Université. URL: <http://books.openedition.org/apu/18082> (accessed: 05.01.2022). (In French)
10. Zedler B.H. 1989. *Marie le Jars de Gournay* In Waithe M.E. (eds.) *A History of Women Philosophers*. Vol. 2. Springer, Dordrecht. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-009-2551-9_12 (accessed: 05.01.2022). (In French)

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 15.08.2021; approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Крюкова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, opakukova@gmail.com

About the author

Olga A. Kryukova – PhD in Philology, Associate Professor at the department of French language and culture, Faculty of foreign languages and area studies, Lomonosov Moscow State University, opakukova@gmal.com

ДЕВИЗ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА GAMBATTE

Т.Г. Орлянская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, tatorly@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением цикла публикаций, посвященных анализу ключевых слов японской культуры, характеризующих определенный образ мышления и жизни японцев и позволяющих судить о ее базовых ценностях. Ключевые слова и их анализ помогают понять и объяснить самобытность японской культуры и ментальности. Данная работа посвящена японскому слову *gambatte*, наиболее часто переводимому как «старайся, прикладывай усилия, делай всё от себя возможное, держись, не сдавайся» и являющемуся своеобразным девизом жизни японцев. Именно эта ключевая установка позволяет японцам идти по жизни, выполняя многочисленные *giri* (обязанности) перед собой и обществом, избегая по возможности *haji* (стыда) и достигая поставленных целей, что нередко вызывает восхищение всего мирового сообщества. Слово *gambatte* заключает в себе квинтэссенцию японской философии жизни. Анализ ключевых слов является наглядным и эффективным методом познания японской культуры, необходимым для успешной коммуникации с представителями Страны восходящего солнца, успешного ведения бизнеса и эффективного обучения японских студентов.

Ключевые слова: ключевые слова; японская культура; японская языковая картина мира; японская культурная картина мира; базовые ценности японской культуры; гамбару

Для цитирования: Орлянская Т.Г. Девиз японского общества GAMBATTE // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 117–124.

GAMBATTE AS A MOTTO OF JAPANESE LIFE

Tatiana G. Orlyanskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tatorly@yandex.ru

By the given article I continue a cycle of publications devoted to the analysis of the key words of the Japanese culture, which characterize their peculiar way of thought and life and let us reveal their core values. The key words and their analysis help to get insight into and explain the peculiarity of the Japanese culture and mentality. The given paper dwells upon the analysis of the Japanese word *gambatte*, which is most frequently translated as ‘do your best, try hard, work hard, hold on,

don't give up'. It is an eternal motto of the Japanese life and of all Japanese people using it throughout their lives. This particular key message helps people to progress in life fulfilling numerous duties and obligations towards the society and themselves ('giri' in Japanese) and avoiding a sense of shame ('haji') in order to achieve impressive goals, frequently earning the respect and admiration of the world as a result. *Gambatte* is the essence of the Japanese philosophy of life. The analysis of the key words is regarded as a bright and effective method of penetrating in the nuances of the Japanese culture. The knowledge of key words is of vital importance for successful communication with the representatives of the Country of the Rising Sun, doing business with the Japanese as well as for effective teaching Japanese students.

Key words: key words; Japanese culture; Japanese language worldview; Japanese cultural worldview; core values of the Japanese culture; gambaru

Для цитирования: Orlyanskaya T.G. *GAMBATTE* as a motto of Japanese life *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 117–124. (In Russ.)

Статья является продолжением цикла публикаций, посвященных анализу ключевых слов японской культуры, характеризующих определенный образ мышления и жизни японцев и позволяющих судить о ее базовых ценностях. Ключевые слова и их анализ помогают понять и объяснить самобытность японской культуры и ментальности.

За основу собственного выбора языковых единиц я брала принцип частотности, а также личный семилетний опыт жизни в Японии и работы с японцами. Мне было важно, чтобы отобранный языковой материал находил отражение и в исследованиях других специалистов в области японской культуры, таким образом, доказывая правомерность анализа данных ключевых слов для понимания самобытности японской культуры.

Непредсказуемое «японское чудо» стремительного восстановления японской экономики и страны в целом после болезненного поражения во Второй мировой войне и атомных бомбардировок заставило мир задуматься о причинах, истоках и факторах этого чуда. Факты быстрого восстановления японских городов после многочисленных стихийных бедствий на протяжении всей истории Японии также свидетельствуют о заложенной в японской культуре и ментальности некой организующей общество силе духа и основе, позволяющей объединять и направлять общество к единой, победной цели [Орлянская, 2021]. Анализ ключевых слов и понятий позволяет проникнуть в суть японской культуры.

В связи с этим нельзя оставить в стороне и не рассмотреть значимое для японской культуры слово *gambatte*, являющееся своеобразным девизом жизни любого японца. Это форма повелительного

наклонения глагола *gambaru*. С этим словом японцы рождаются и умирают, активно применяя его и следуя его посылу на протяжении всей жизни. *Gambatte* в переводе с японского чаще всего значит «старайся, трудись, прикладывай усилия, не сдавайся, держись и делай всё от тебя зависящее». Именно ключевая установка *gambatte* позволяет японцам идти по жизни, выполняя многочисленные *giri* (обязанности) перед собой и обществом, избегая по возможности неизбежного *haji* (стыда) и достигая поставленных целей [Орлянская, 2019], нередко вызывая восхищение всего мирового сообщества. Производным понятием является эталон японца *gambariyasan* (настойчивый в достижении цели, старательный человек). *Gambarimasu* значит «я буду стараться, буду делать всё от меня возможное и не сдамся».

Форма повелительного наклонения *gambatte* включает в себе квинтэссенцию японской философии жизни. Этот лозунг используется и как слово поддержки, и как поощрение человека в трудной ситуации, а некоторые его формы как обещание человека стараться для выполнения какой-то задачи в будущем и как знак преданности коллективу, семье или иной группе. В любой ситуации, требующей усилий, человек слышит *gambatte* и отвечает *gambarimasu*. Даже иностранцы мгновенно понимают значимость этого заклинания и начинают использовать его по несколько раз в день в разных ситуациях, получая одобрение со стороны японцев. Отправляя ребенка в школу, мама в качестве напутствия говорит *gambatte*, ребенок в школе и студент в институте дает обещание стараться и говорит *gambarimasu*. Спортсмены, музыканты, актеры живут с этим словом-заклинанием. Получивший продвижение по службе служащий перед расставанием с коллегами слышит от них напутствие *gambatte* и в ответ дает обещание стараться и делать всё возможное, произнося *gambarimasu* (будущее время).

Изучая японский язык все семь лет на разных курсах сначала для выживания в не говорящей на английском языке стране, а позже для жизни и работы, а также для получения сертификата сначала о начальном уровне, 4-ом из 4-х до 2009 г., а позже о среднем 3-ем уровне (*intermediate*) единственного официального международного экзамена по определению уровня владения японским языком (*Nihongo Noryoku Shiken*), я постоянно слышала от преподавателей команду-наставление *gambatte* перед сложным упражнением или большим домашним заданием, неизбежно по форме отвечая *hai gambarimasu*. Во время самих экзаменов, в нескольких перерывах между разными частями, магическая установка *gambatte* и единственно возможная реакция *gambarimasu* постоянно доносились из разных мест проведения экзамена.

Википедия предлагает следующую трактовку. *Ganbaru* (頑張る, lit. ‘stand firm’), also romanized as *gambaru*, is a ubiquitous Japanese word which roughly means to slog on tenaciously through tough times. The word *gambaru* is often translated to mean “doing one’s best”, but in practice, it means doing more than one’s best. The word emphasizes “working with perseverance” or “toughing it out”. *Ganbaru* means “to commit oneself fully to a task and to bring that task to an end”. It can be translated to mean persistence, tenacity, doggedness, and hard work. The term has a unique importance in Japanese culture... After the 1995 Kobe earthquake, the slogan “*Gambaro Kobe*” was used to encourage the people of the disaster region as they worked to rebuild their city and their lives. After the 2011 Tōhoku earthquake and tsunami, *gambaru* was one of the most commonly heard expressions¹.

В статье «Железный дух «гамбари»» на сайте онлайн школы японского языка Дарьи Мойнич пишется о том, что ни в одном другом языке мира нет выражения, похожего на «гамбару». Даже у соседствующих с японцами наций – китайцев и корейцев – нет ничего похожего, несмотря на то, что «гамбару», как и многие другие выражения, пишется китайскими иероглифами, попавшими в Японию через Корею. Ни в Корее, ни в самом Китае нет слова, полностью отражающего значение «гамбару» у японцев. т.е. «гамбару» – это чисто японское изобретение, плод общественных устоев и моральных норм, бытовавших у древних японцев. И всё-таки сводить широкий термин «гамбари» только к работе нельзя, поскольку, по сути, он гораздо глубже – это несокрушимая сила духа, дающая возможность не сдаваться и совершать подвиги.²

В переводной с английского языка статье «Вперед! Сделай всё, что можешь! Никогда не сдавайся!» с сайта tofugu.com отмечается, что «сделай всё, на что ты способен!» – это, безусловно, самый распространенный перевод формы повелительного наклонения *gambatte*. Далее представлены и другие варианты: Покажи, на что ты способен! Выложись на полную! Ты можешь с этим справиться! Будь упорным! Продолжай пытаться! Так держать! Продолжай в том же духе! Не прохлаждайся! Продолжай бороться! Продолжай работать над собой! Сделай рывок! Держись! Не сдавайся! Мужайся! Здесь не о чем беспокоиться. Не бойся. Прояви смелость. Никогда

¹ Ganbaru. Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ganbaru> (accessed: 13.10.2021).

² Железный дух «гамбари». URL: <http://nihon-go.ru/zheleznyiy-duh-gambari/> (accessed: 10.10.2021).

не говори «никогда». Попытка – не пытка. Взбодрись! Сделай это! Вперёд! Давай! Дерзай!³

Дух «гамбару» не только исключительно значим для японского общества, но и многолик. В очень интересном и трогательном послевоенном фильме 1954 года на японском языке с английскими титрами «12 пар глаз» главная героиня, учительница младших классов, использует это слово в двух эпизодах. В начале фильма одним дождливым вечером она рассказывает маме о своих проблемах в коллективе, где судачат о том, что она ездит в школу на велосипеде да еще и в европейской одежде, а не в кимоно, не зная, что она живет настолько далеко, что добираться пешком практически невозможно. По этой же причине она вынуждена была сшить пиджак и юбку для езды на велосипеде из старого кимоно. Мама ее утешает, говоря, что люди будут что-то говорить в любом случае. В конце данного эпизода главная героиня Ойши сан говорит: «Гамбаро», тем самым выражая решимость продолжать преодолевать жизненные трудности. В конце фильма, потеряв на войне мужа, несколько своих бывших учеников и сильно постарев, она принимает решение вернуться к работе учительницы, говоря себе: «Гамбарэ!», т.е. старайся, продолжай, не сдавайся. Многочисленные примеры содержатся и в исторических фильмах про самураев.

Ярким свидетельством важности данного понятия как для японского общества, так и для понимания японцев является созданное японистами Дальневосточного государственного университета учебное пособие «Здравствуй, японский язык!», включающее учебник и учебный фильм в качестве приложения. В состоящем из 25 уроков учебнике для начинающих разные формы глагола «гамбару» используются в качестве иллюстративного материала в четырёх уроках (1,5, 24 и 25) 7 раз, так как в 24 уроке авторы используют данный глагол 2 раза, а в заключительном 25 уроке – 3 раза.

Так, например, самый первый эпизод учебного фильма урока 1 содержит диалог знакомства сотрудников фирмы с новым начальником, в котором после представления Судзуки-сан говорит коллегам:

«Минасан то иссё-ни **гамбаритай** то омоимас».

Я хотел бы вместе с Вами **прилагать усилия**.

Урок 5 (На вечеринке)

«Корэ-кара минасан-то иссё-ни **гамбаримас** ...»

Отныне хотел бы вместе с вами **прилагать усилия**.

³ Вперед! Сделай все, что можешь! Никогда не сдавайся! URL: <http://nihon-go.ru/ganbaru-vperyod-sdelay-vsyo-chto-mozheshh-nikогда-ne-sdavaysya/> (accessed: 09.10.2021); URL: <https://www.tofugu.com/japanese/ganbaru/> (accessed: 09.10.2021).

Урок 24 (На пляже у моря)

«Накамура-сан о-сигото **гам-баттэ** кудасай нэ»

Господин Накамура, **держитесь и успехов вам в работе.**

Эта же фраза используется в уроке 24 и в учебном пособии, и в учебном фильме.

Урок 25 (Прощание)

В 25 уроке отрабатывается диалог прощания одного из сотрудников Накамура-сан с коллективом перед его служебной командировкой в Гонконг. В качестве напутствия перед расставанием ему говорят: «**Гамбаттэ** кудасай», что переводится авторами как «**Держитесь, удачи вам!**».

(На вечеринке кафе)

«Боку ва Хонкон-дэ **гамбари-мас**»
«**Гамбаттэ** кои ё»

Я буду прилагать все свои усилия в Гонконге
Держись, и успехов!

Вышеприведенные примеры использования разных форм глагола *gambaru* на материале учебного пособия по японскому языку для начинающих наглядно выявляет, что наиболее частыми значениями являются «стараться, прилагать усилия», а также установка-пожелание «держись».

Необходимое требование стараться по жизни трудолюбивые японцы переносят и на любимых питомцев. Ярким примером является случай из личного опыта. Во время одной из поездок по стране мы заехали в один из онсенов (горячие минеральные источники) [Орлянская, 2004], а встретил нас потрясающих размеров, красоты и ухоженности белоснежный самоед по кличке Эйнджеру, являющийся японским вариантом произношения английского слова Angel. Собака не только проживала с хозяевами в этом онсене, но и «работала» в нем своеобразной визитной карточкой. Ни один посетитель не мог не сфотографироваться с такой большой и красивой собакой, пользовавшейся всеми благами японских минеральных источников с отдельной ванной. Мы не были исключением и попросили разрешения сфотографироваться с Эйнджеру. В ответ радушные хозяева с улыбкой на лице скомандовали: «Эйнджеру оцигото. Гамбаттэ кудасай», что означает «Ангел, работа. Потрудись/постарайся, пожалуйста», и пёс не спеша подошел сфотографироваться.

Слово *gambaru* с его многочисленными производными в полной мере отражает дух трудолюбивого и целеустремленного японского народа и во многом объясняет механизм исполнения задуманного с высокими результатами, и очередным примером является 3-е место, которое заняла команда Японии в медальном зачете на Олимпиаде 2021 г. в Токио, уступив только США и Китаю.

Анализ ключевых слов является наглядным и эффективным методом познания японской культуры, необходимым для успешной коммуникации с представителями Страны восходящего солнца, успешного ведения бизнеса и эффективного обучения японских студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюхова Е.И., Гуревич Т.М. Ложь в русской и японской культуре: морально-нравственный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 167–174.
2. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
3. Высочин Олег, Михико Симамура, Михико Фукути, Хитоси Такацука. Здравствуй, японский язык! Тонпан инсацу. Токио, 1994.
4. Орлянская Т.Г. Горячие поклонники горячих минеральных источников // Туризм и отдых. 2004. № 36.
5. Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 46–57.
6. Орлянская Т.Г. Национальная культура через призму пословиц и поговорок (на материале японского, русского и английского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3.
7. Орлянская Т.Г. Ключевые слова японской культуры GIRI и HAJI // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 77–83.
8. Орлянская Т.Г. Ключевое слово японской культуры SUMIMASEN // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 184–191.
9. Орлянская Т.Г. Регламентирующая основа японской ментальности KATA // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 82–87.
10. Boye Lafayette De Mente. Japan's Cultural Code words. Tokyo, 2004.
11. Boye Lafayette De Mente. The Japanese Have a Word for It. USA, 1997.
12. Discover Japan. Words, Customs and Concepts. Kodansha International Ltd, Tokyo, 1997.

REFERENCES

1. Bryukhova E.I., Gurevich T.M. 2019. *Lozh v russkoi i yaponskoi kul'ture: moral'no-nravstvennyi aspekt* [Lie in Russian and Japanese culture: moral aspect]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 167–174. (In Russ.)
2. Vezhbiezkaya A. 2001. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo kl'yuchevyh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Languages of the Slavic culture. (In Russ.)
3. *Vysochin Oleg, Mihoko Shimamura, Mitiko Fukuchi, Hitoshi Takatsuka*. 1994. *Zdravstvui yaponskii yazyk!* [Hello Japanese!] Tokyo. Tonpan insatsu. (In Russ.)
4. Orlyanskaya T.G. 2004. *Goryachie poklonniki gor'yachih mineral'nyh istochnikov* [Great fans of mineral hotspots]. *Tourism and Rest*, no. 36. (In Russ.)
5. Orlyanskaya T.G. 2009. *Istoki svoeobraziya yaponskoi kul'tury* [Origins of the Japanese culture identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 46–57. (In Russ.)

6. Orlyanskaya T.G. 2003. Natsional'naya kul'tura cherez prizmy poslovitz i pogovorok [National culture through the prism of proverbs and sayings (on the material of the Japanese, Russian and English languages)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3. (In Russ.)
7. Orlyanskaya T.G. 2019. Klyuchebye slova yaponskoy kul'tury GIRI i HAJI [Key words of the Japanese culture GIRI and HAJI]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 77–83. (In Russ.)
8. Orlyanskaya T.G. 2019. Klyuchevoe slovo yaponskoy kul'tury SUMIMASEN [Key word of the Japanese culture SUMIMASEN]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 184–191. (In Russ.)
9. Orlyanskaya T.G. 2021. Reglamentiruyushchaya osnova yaponskoy mental'nosti KATA [Regulatory basis of the Japanese mentality KATA] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 82–87. (In Russ.)
10. Boye Lafayette De Mente. 2004. *Japan's Cultural Code words*. Tokyo: Tuttle.
11. Boye Lafayette De Mente. 1997. *The Japanese Have a Word for It*. USA. Passport Books.
12. Discover Japan. 1997. *Words, Customs and Concepts*. Kodansha International Ltd, Tokyo.

Статья поступила в редакцию 11.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 11.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Орлянская Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, tatorly@yandex.ru

About the author

Tatyana G. Orlyanskaya – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, tatorly@yandex.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УСИЛЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕАТРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

А.И. Манченкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, atanckh2011@mail.ru*

Аннотация. Цель настоящего исследования – определить особенности функционирования имени собственного в либретто комических опер. Базируясь на функциональном подходе к изучению онимов, представляется возможным выдвинуть предположение о том, что имя собственное способно выполнять функцию усиления комического эффекта. Данное исследование принимает во внимание существующие теории вербального юмора для определения механизма функционирования онимов с ярко выраженной юмористической составляющей. Научная новизна заключается в рассмотрении имени собственного именно в театральном дискурсе. Исследование онимов как механизма создания комического эффекта чаще всего базируется на анализе произведений художественной литературы. Тексты либретто, используемые в музыкальном театре, до сих пор оставались в стороне. В результате анализа онимов в либретто оперы Уильяма Гилберта и Артура Салливана «Феспис» было выявлено, что они способны усилить создаваемый в рамках театральной постановки комический эффект, идя по пути «несоответствия», которое является ключевым компонентом теорий вербального юмора. Кроме того, «говорящие» имена, встречающиеся в тексте оперы, также могут создавать комический эффект при помещении их в соответствующий контекст.

Ключевые слова: оним; театральный дискурс; теории вербального юмора; теория несоответствия; «говорящие» имена

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Манченкова А.И. Имя собственное как инструмент усиления комического эффекта в театральном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 125–131.

PROPER NAME AS AN INSTRUMENT FOR ENHANCING COMIC EFFECT IN THEATRICAL DISCOURSE

Anna I. Manchenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, amanch2011@mail.ru

Abstract. The aim of the present study is to determine the particular functions that a proper name can perform in the texts of comic opera librettos. Proceeding from the functional approach to the study of proper names, one finds it possible to assume that an onym is capable of performing the function of enhancing the comic effect. This study takes into account the existing theories of verbal humor in order to determine the mechanism according to which humorous onyms function. The novelty of present research lies within its subject, i.e. a proper name in theatrical discourse. So far proper names as a tool to create a comic effect were analysed solely within works of literary fiction. The libretto texts used in musical theater have not yet been studied to a considerable length. The analysis of onyms in the libretto of “Thespis; or Gods Grown Old”, a comic opera by William Gilbert and Arthur Sullivan, revealed that proper names can enhance the comic effect created within a theatrical text when said onyms follow the path of “inconsistency”, which is a key component of theories of verbal humor. In addition, the charactonyms found in the analysed libretto can also create a comic effect when placed in an appropriate context.

Key words: onym; theatrical discourse; theories of verbal humor; inconsistency theories; charactonyms

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Manchenkova A.I. (2022) Proper Name as an Instrument for Enhancing Comic Effect in Theatrical Discourse. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 125–131. (In Russ.)

Будучи языковыми единицами, имена собственные, находясь в дискурсах различного типа, способны выполнять определенные функции. Главная функция онима – функция называния. «Называть – это основная лексическая функция любого имени, в том числе и собственного» [Суперанская, 1973: 272]. Кроме того, А.В. Суперанская отмечает такую особую функцию онима как идентификация объекта. Значимыми для настоящего исследования также будут эмоционально-оценочная и эстетическая функции имени [Фонякова, 1990]. Имя собственное вызывает определенные чувства, формирует отношение к человеку или объекту. С данной точки зрения оним представляет интерес в рамках театрального дискурса.

Музыкальный театр является прибыльной и влиятельной отраслью культуры. Театр – «гибкая» сфера, которая быстро реагирует и

приспосабливается к потребностям социума и изменениям в общественном сознании. В то же время, так как театр и общество находятся в отношениях взаимовлияния, ценности и тенденции культуры, «живущие» в социуме, могут трансформироваться благодаря популярным театральным веяниям. Имя собственное как значимый компонент театрального дискурса помогает передать оттенки смысла и транслировать определенные установки, заложенные автором. В качестве иллюстративного материала в рамках настоящей статьи была выбрана комическая опера Уильяма Гилберта и Артура Салливана «Феспис».

Театральный дискурс представляет собой продуктивное поле для ономастического исследования. В рамках театрального представления зритель встречается с такими типами имен собственных, как фиктонимы. Фиктонимы представляют собой «имена собственные, употребляющиеся в художественных произведениях» [Суперанская, Сталтмане, 2007: 30]. Данный термин чаще всего встречается в работах, посвященных литературной ономастике. Однако принимая во внимание тот факт, что тексты театральных постановок и либретто опер представляют собой художественные тексты, созданные по формату пьес, онимы, фигурирующие в театральном дискурсе, также имеют право называться фиктонимами.

Настоящее исследование базируется на существующих лингвистических теориях юмора, поскольку работа посвящена той роли, которую имя собственное играет в создании и усилении комического эффекта. В 2006 г. эстонский лингвист и исследователь юмора Арво Крикманн упомянул несколько теорий в своей статье «Современные лингвистические теории юмора». По мнению А. Крикманна, теории юмора можно разбить на три группы. Юмор может быть связан с 1) противоречием, или несоответствием (*inconsistency theories*), 2) ощущением превосходства (*superiority theories*) и 3) релаксацией (*relaxation theories*) [Krikmann, 2006].

В то время как теории превосходства выводят на первый план негатив и агрессию, которые автор юмористического высказывания выражает по отношению к своей цели, а теории релаксации связаны с идеей о том, что посредством юмора человек придает своим агрессивным импульсам социально приемлемую форму и потому не скрывает их, а наоборот через шутку снимает накопившееся напряжение и расслабляется, для настоящего исследования наибольшую значимость имеют теории несоответствия. Эти теории основаны на идее о том, что любой юмористический текст включает в себя два несовместимых по своей природе сценарных пласта, но в то же время у них есть общий элемент, позволяющий переключаться между этими пластами. Согласно А. Крикманну, в определенный

момент шутки происходит переключение между так называемыми пластами содержания (*planes of content*). Во время восприятия шутки или анекдота мы начинаем с обработки текстовой информации, которая соответствует первому содержательному пласту, однако в определенный момент мы натываемся на так называемое «семантическое препятствие» (*semantic obstacle*). Два несовместимых сценария сталкиваются и вводят нас в мимолетное заблуждение, преодолев которое мы понимаем смысл шутки и, почувствовав удивление и удовлетворение, реагируем смехом.

Для анализа онимов, встречающихся в либретто комических опер У. Гилберта и А. Салливана, решающее значение имеет тот факт, что лингвистические теории юмора по сути являются теориями несоответствия. С лингвистической точки зрения юмор рассматривали такие исследователи, как Виктор Раскин и Сальваторе Аттардо. В. Раскин разработал свои самостоятельные лингвистические теории юмора – семантическую теорию юмора (*Script-based Semantic Theory of Humor*) и общую теорию вербального юмора (*General Theory of Verbal Humour*) в сотрудничестве с С. Аттардо. Обе эти теории упоминают переключение между двумя «пластами содержания», которые являются ключевыми элементами теории несоответствия.

Таким образом, мы можем видеть, что несоответствие является важным элементом вербального юмора, и этот факт был особенно очевиден при анализе имен собственных в опере «Феспис».

Перейдем к рассмотрению либретто оперы «Феспис». “*Thespis; or Gods Grown Old*” – первая совместная работа Уильяма Гилберта и Артура Салливана. Опера «Феспис», созданная в 1871 г., повествует о случайной встрече постаревших олимпийских богов и членов театральной труппы. В результате этой встречи боги и смертные на один год меняются местами. С точки зрения ономастики эта опера интересна тем, что выводит на сцену как римских богов, чьи имена уже вызывают определенные ассоциации в сознании зрителей, так и смертных с «говорящими» именами (*charactonyms*), и эти имена по большей части имеют негативный оттенок. Список действующих лиц оперы состоит из следующих персонажей:

- боги – *Jupiter, Apollo, Mars, Diana, Venus, Mercury*;
- смертные – *Thespis, Sillimon, Timidon, Tipseion, Preposterous, Stupidas, Sparkeion, Nicemis, Pretteia, Daphne, Cymon*.

В ходе анализа была сформирована исследовательская база, состоящая из 239 ономастических единиц. Все имена собственные, встречающиеся в опере, можно разделить на четыре категории:

- имена персонажей из списка действующих лиц (54%), e.g. *Jupiter, Mercury, Pretteia, etc.*;

- иные антропонимы / мифонимы (25%), звучащие из уст персонажей и называющие, к примеру, других греческих богов, не участвующих в сюжете, e.g. *Cupid, Bacchus, etc.*;

- топонимы (13%), e.g. *Olympus, London, etc.*;

- «прочее», т.е. онимы, которые не являются ни антропонимами, ни топонимами (8%), e.g. *the Regent Circus, Iliads, etc.*

Так как более половины отобранных единиц (54%) представляют собой имена действующих лиц, в рамках данной статьи именно они были изучены и проанализированы на предмет усиления комического эффекта.

Рассматривая имена божеств, которые действуют в опере, стоит сравнить их классические образы, которые могут быть частично воссозданы в соответствии с этимологическим значением их имен и аллюзиями, вызываемыми их именами, и то, какими боги предстают в либретто Уильяма Гилберта. Сравнительный анализ показал, что в «Фесписе» олимпийцы утратили свои изначальные черты, и теперь их образы комичны именно из-за контраста, несоответствия. Например, классические Диана и Аполлон символизируют красоту и гармонию. Оксфордский словарь аллюзий соотносит имя «Диана» с женской красотой и целомудрием, а имя «Аполлон» – с мужской красотой, вдохновением, светом и музыкой [Delahunty et al., 2001]. Диана – богиня, знаменитая своей ловкостью, скоростью и грацией, Аполлон – прекрасный юноша, покровитель искусств. «Феспис» же представляет зрителю двух усталых пожилых людей, мало похожих на величественных олимпийцев. Например, Диана появляется перед зрителями в следующем образе:

During chorus, enter Diana, an elderly Goddess. She is carefully wrapped up in cloaks, shawls, etc. A hood is over her head, a respirator in her mouth, and galoshes on her feet [Complete Works of Gilbert and Sullivan, 2017: 19].

Примечательна и реплика Меркурия, который говорит следующее об олимпийцах:

There's a set of false teeth and a box of Life Pills – that's for Jupiter – An invisible peruke and a bottle of hair dye – that's for Apollo – A respirator and a pair of galoshes – that's for Cupid – A full-bottomed chignon, some auricomous fluid, a box of pearl-powder, a pot of rouge, and a hare's foot – and that's for Venus [Complete Works of Gilbert and Sullivan, 2017: 20–21].

Пожилые небожители становятся посмешищем для смертных из-за значительных отличий между их первоначальным образом и сущностью, предстающей перед зрителем. Такие онимы, как *Jupiter*

или *Apollo*, функционируют на макросоциумном уровне; они «известны любому представителю того или иного лингвокогнитивного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества» [Робустова, 2011: 93]. Помещенные в новый контекст, в результате рефрейминга, привычные персонажи с закрепленными за ними именами приобретают новые характеристики, которые противоречат ожиданиям аудитории. Таким образом, имена римских богов с устоявшимися коннотациями могут продуктивно функционировать как юмористические имена собственные в результате несоответствия классических образов божеств, которые связаны с онимами, с тем, как эти же боги представлены в опере.

Говоря об анализе имен «смертных» персонажей оперы, следует отметить, что эти онимы являются говорящими. В них заключена основная характеристика персонажа, которая обыгрывается в опере в юмористической манере. Например, *Tunceon / Tipseion* (= подвыпивший / навеселе) во время спектакля ведет себя как веселый пьяница, несмотря на то, что, по его собственным словам, он не выпил ни капли. Другой пример – *Никемис / Nicemis* (= милая мисс), девушка, которая отказывается от страстных ухаживаний своего жениха *Спаркеона / Sparkeion* (= искорка). «Говорящие» имена – эффективный инструмент для усиления юмористического эффекта, потому что они обладают прозрачной мотивировкой и аудитория сразу распознает смысл, стоящий за ними.

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что онимы в опере «Феспис» усиливают создаваемый в рамках спектакля комический эффект, так как представляют собой пример функционирования такой теории юмора, как теория несоответствия. В сознании зрителей с самого начала фигурирует определенный образ классических божеств, и ожидания публики не соответствуют тому, что происходит на сцене. Кроме того, говорящие имена, активно используемые в опере в новом контексте, реализуют комическую функцию. Таким образом, имя собственное можно рассматривать как продуктивный способ создания, поддержания и трансляции комического эффекта в театральном дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Робустова В.В. Роль непрямой номинации в коммуникативном пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 91–100.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
3. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. 2-е изд. М., 2007.
4. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

5. Complete Works of Gilbert and Sullivan (Illustrated) (Delphi Series Eight Book 7). Delphi Classics, 2017.
6. Delahunty A., Dignen S., Stock P. The Oxford Dictionary of Allusions. Oxford, 2001.
7. Krikmann A. Contemporary Linguistic Theories of Humour // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2006. С. 33–58. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol33/kriku.pdf> (дата обращения: 30.04.2020).

REFERENCES

1. Robustova V.V. 2011. Rol' nepryamoi nominatsii v kommunikativnom prostranstve [The role of indirect nomination in communicative space]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 91–100. (In Russ.)
2. Superanskaya A.V. 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of onomastics]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka». (In Russ.)
3. Superanskaya A.V., Stal'tmane V.E., Podol'skaya N.V., Sultanov A.Kh. 2007. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research]. 2nd Edition. Moscow, Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
4. Fonyakova O.I. 1990. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper names in literary text]. Leningrad, LGU. (In Russ.)
5. Complete Works of Gilbert and Sullivan (Illustrated) (Delphi Series Eight Book 7). 2017. Delphi Classics.
6. Delahunty A., Dignen S., Stock P. 2001. *The Oxford Dictionary of Allusions*. Oxford, Oxford University Press.
7. Krikmann A. 2006. *Contemporary Linguistic Theories of Humour in Folklore: Electronic Journal of Folklore*, pp. 33–58. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol33/kriku.pdf> (accessed: 30.04.2020).

Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 09.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 10.08.2021;
approved after reviewing 09.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторах

Манченкова Анна Игоревна – преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, amanch2011@mail.ru

About the author

Anna I. Manchenkova – Lecturer, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, amanch2011@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Доу Чуньяо

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, baolisi007@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному изучению вербализации возраста человека средствами русской и китайской лексики. Предметом исследования являются лексические единицы русского и китайского языков, обозначающие возраст человека. В процессе исследования используются методы словарных дефиниций, полевого и сопоставительного анализа. Цель работы заключается в выявлении изоморфных и алломорфных особенностей вербализации возраста человека средствами русской и китайской лексики и выделении сходных и отличительных представлений о возрасте человека с точки зрения носителей русской и китайской языков. В данной работе проводится сопоставительный анализ лексико-семантических полей возраст/年齡, выявляются основные возрастные периоды жизни человека в русской и китайской лингвокультурах (*детство/童年, молодость/青年, зрелость/壮年 и старость/老年*) и способы пополнения лексического состава русского и китайского языков. Лексическая система отражает типичные представления с точки зрения носителей русской и китайской языков о каждом возрастном периоде. Результаты исследования позволяют раскрыть особенности вербализации возраста человека средствами русской и китайской лексики и обеспечить понимание между носителями русского и китайского языков.

Ключевые слова: вербализация возраста; лингвокультура; лексические единицы; лексико-семантическое поле; сопоставительный аспект

Для цитирования: Доу Чуньяо. Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 131–137.

LEXICAL MEANS OF VERBALIZATION OF HUMAN AGE IN RUSSIAN AND CHINESE WORLDVIEWS

Dou Chunyao

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, baolisi007@yandex.ru

Abstract. Age is the basic category that determines human existence and consciousness. It is a key parameter for determining the life characteristics of a person, their physical and mental states, behavior, etc. This article deals with the compara-

tive study of verbalization of a person's age by means of Russian and Chinese languages. The main research methods used in the article are the methods of definitions, field and comparative analyses. The aim of the work is to identify isomorphic and allomorphic features of verbalization of a person's age by means of Russian and Chinese word-stock and to reveal similar and divergent ideas of human age from the speakers of Russian and Chinese. In this work comparative analysis of the structures of the lexical-semantic fields 'age' is carried out. The main age periods of a person's life in the Russian and Chinese worldviews and ways of replenishing the lexical composition of the Russian and Chinese languages are revealed as well. The lexical system also reflects typical ideas of the speakers of Russian and Chinese about each age period. The results of the study reveal the specifics of verbalization of human age by means of Russian and Chinese word-stock and provide a better understanding of the worldviews of the Russian and Chinese nations in the sphere of comparative linguistics.

Key words: verbalization of human age; linguoculture; lexical units; lexical semantic field; comparative aspect

For citation: Dou Chunyao. (2022) Lexical Means of Verbalization of Human Age in Russian and Chinese Worldviews. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 131–137. (In Russ.)

Картина мира, будучи отражением взаимодействия человека и мира, в котором он живет, является способом хранения знаний об окружающей действительности [Красных, 2016: 135]. Если в целом картина мира представляет собой отражение реальности, то языковая картина мира есть фиксация этого отражения. Как считает Ю.Н. Караулов, языковая картина мира – это совокупность всех концептуальных содержаний [Караулов, 1976: 246]. Согласно В.Н. Телия, языковая картина мира – это «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [Телия, 1988: 179].

Особую роль в создании языковой картины мира выполняет номинативный аспект лексических единиц. Согласно мнению Ю.Н. Караулова, слово непосредственно отражает действительность, так как оно входит в лексико-семантическое поле, которое воспринимается как важнейший фрагмент языковой картины мира [Караулов, 1976: 273]. А.Д. Шмелёв полагает, что «анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира» [Шмелёв, 2005: 25]. Иными словами, языковую картину мира можно описать посредством семантического поля, поскольку ее можно представить в виде совокупности ключевых лексико-семантических полей определенного языка.

Лексико-семантическое поле в современной лингвистике определяется как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2004: 99] и характеризуется иерархической структурой, т.е. в поле имеются ядро, центральная часть, и периферия [Арнольд, 1991: 124]. Например, в состав ядра ЛСП *возраст/年齡* русского и китайского языков входят лексемы *возраст/年齡*. Иными словами, лексемы *возраст/年齡* являются главными вербализаторами возраста человека в русской и китайской картинах мира. Лексема *возраст* в русском языковом сознании соотносится с определенным периодом, ступенью в росте и развитии человека¹, а лексема *年齡 (возраст)* – с количеством прожитых лет в жизни человека². Очевидно, что словарные дефиниции лексем *возраст* и *年齡 (возраст)* показывают различные представления китайцев и русских о возрасте человека.

На расстоянии от ядра данных полей находится периферийная часть, в которой расположены лексические единицы, обладающие дифференциальными значениями, ср., *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость* и *старость* в русском языке; *童年 (детство), 少年 (юность), 青年 (молодость), 壮年 (зрелость), 中年 (средний возраст)* и *老年 (старость)* в китайском языке. Данные единицы, обозначающие возрастные периоды жизни человека, являются гипонимами, восходящими к гиперониму *возраст/年齡*. Несмотря на то, что в русской и китайской картинах мира вербализованы различные возрастные периоды, основные периоды жизни человека совпадают, а именно: *детство/童年, молодость/青年, зрелость/壮年* и *старость/老年*.

Очевидно, что в русском и китайском языках существуют многие номинативные единицы, обозначающие лицо, находящееся в определенном возрасте. Ср., единицы *грудник/婴儿, мальчик/男孩* и др. обозначают детей; единицы *молодежь/年轻人, девушка/姑娘* и др. называют молодого человека; единицы *мужчина/男人, женщина/妇女* и др. обозначают зрелого человека; единицы *старик/老人, бабушка/老奶奶* и др. являются номинациями пожилых людей. Данные единицы образуют лексико-семантические микрополя *детство/童年, молодость/青年, зрелость/壮年* и *старость/老年*, представленные средствами русского и китайского языков.

Отметим, что в русском языке в каждом поле существуют однокоренные синонимы с разными суффиксами, имеющими разные стилистические особенности. Ср., слова с корнем *пацан-*: *пацан*

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 115.

² Толковый словарь современного китайского языка. Пекин, 2012. С. 947.

(разг.), пацаненок (уменьш. -ласк.), пацанка (прост. фам.) и др. Итак, способ пополнения лексического состава в русском языке заключается в словообразовании с помощью суффиксов. По сравнению с лексическими единицами в русском языке, в китайском языке в каждом поле существуют единицы, обозначающие возраст человека посредством метафоры, т.е. они являются образными названиями лиц определенного возраста, ср., 黄口 (желтый клюв) и др. Кроме того, в китайском языке также имеются единицы, образ которых основывается на своеобразной языковой игре. Ср., 二八 (два-восемь) – шестнадцатилетний возраст ($2 \times 8 = 16$) и др. Таким образом, способы пополнения лексического состава в русском и китайском языках отличаются.

Многие лексические единицы русского и китайского языков, обозначающие возраст человека, обладают гендерной маркированностью, особенно единицы, обозначающие молодого человека. Гендерные различия возраста в русской и китайской лингвокультурах прослеживаются с молодости, ср., девица, 待字 (ждать помолвки) и т.д. Кроме того, в русском и китайском языках существуют многочисленные лексические единицы, обозначающие возраст человека с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастом, например, бутуз, жеребец, 美女 (красавица), 冻梨 (мороженая груша) и т.д. описывают возраст человека и его внешность; акселерат, руина, 壮汉 / молодец, 老眼 (старческая слепота) и др. обозначают возраст человека с помощью описания его физического или физиологического состояния; зелень, 淘气鬼 (сорванец), 好汉 (удалец) и т.д. характеризуют возраст и черты характера человека; ветеран, школьник / 小学生, девица / 少女 и др. описывают возраст человека и его социальный статус; лексемы несмышленши и недо-росль характеризуют возраст и связанные с ним интеллектуальные способности человека.

Следует отметить, что лексическая система языка отражает типичные представления с точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур о детстве (детскость, незрелость, наивность и др.), молодости (неопытность, незрелость и др.), зрелости (взрелость и др.) и старости (слабость, опытность и др.). Различия заключаются в том, что зрелость в китайской лингвокультуре характеризуется мощностью, энергичностью (壮 крепкий) и мудростью (不惑 не иметь сомнений).

Таким образом, возраст является базовой категорией, определяющей человеческое бытие и сознание, представляя собой ключевой параметр для определения жизненной характеристики человека, его физического и душевного состояния, поведения и т.д. [см. также Левицкий, Доу Чуньяо, 2019; Доу Чуньяо, 2019]. ЛСП возраст объ-

единяет средства вербализации возраста человека. С помощью сопоставительного анализа ЛСП возраст/年齡 стало возможным выявить изоморфные и алломорфные особенности вербализации возраста человека средствами русской и китайской лексики, поскольку ЛСП не только является фрагментом языковой системы, но и передает культурный опыт народа, т.е. имеет национальные черты [см. также: Левицкий, Никульшина, 2020]. Лексические единицы русского и китайского языков, обозначающие возраст человека, раскрывают характерные особенности отражения картины мира народа. Рассмотрение русской и китайской картин мира с помощью описания лексических единиц с семантикой возраста человека, входящих в ЛСП возраст/年齡 русского и китайского языков, позволит раскрыть как изоморфное, так и алломорфное не только в языках, но и в мировидении этих народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 118–126.
2. Ду Чуньяо. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой ‘возраст’: сопоставительный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 173–179.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. 2-е изд. М., 2004.
5. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М., 2016.
6. Левицкий А.Э., Ду Чуньяо. Возраст человека в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 122–131.
7. Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Номинация онтологического пространства в русских и английских народных сказках: сопоставительный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 9–23.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
9. Шмелёв А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей. М., 2005. С. 25–36.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. 1991. Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodeistviya sistemy i sredy [Modern linguistic theories of interaction between the system and the environment]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 3, pp. 118–126. (In Russ.)
2. Dou Chunyao. 2019. Russkie i kitaiskie frazeologizmy s semantikoi ‘vozrast’: sopostavitel’nyi aspect [Russian and Chinese phraseological units with semantics of ‘age’: comparative aspect]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 173–179. (In Russ.)
3. Karaulov Yu.N. 1976. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka. (In Russ.)

4. Kobozeva I.M. 2004. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Izd. 2, Moscow, URSS. (In Russ.)
5. Krasnykh V.V. 2016. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury: Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture: Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis. (In Russ.)
6. Levitskii A.E., Dou Chunyao. 2019. *Vozrast cheloveka v zerkale lingvokul'tury* [Human age in the mirror of linguoculture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6 (822), pp. 122–131. (In Russ.)
7. Levitskii A.E., Nikul'shina T.N. 2020. *Nominatsiya ontologicheskogo prostranstva v russkikh i angliiskikh narodnykh skazkakh: sopostavitel'nyi aspect* [Nomination of the Ontological Space in Russian and English Folk Tales: Comparative Aspect]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–23. (In Russ.)
8. Teliya V.N. 1988. *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira* [Metaphorization and its role in creating a linguistic worldview]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview]. Moscow, Nauka. pp. 173–204. (In Russ.)
9. Shmelev A.D. 2005. *Leksicheskii sostav russkogo yazyka kak otrazhenie «russkoi dushi»* [The lexical composition of the Russian language as a reflection of the “Russian soul”]. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 25–36. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Дюу Чуньяо – соискатель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, baolisi007@yandex.ru

About the author

Dou Chunyao – External PhD student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, baolisi007@yandex.ru

ЧУВСТВО СТЫДА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ НЕДОВОЛЬСТВА СОБОЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сюн Чанван

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, k19941213@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема асимметричного отражения чувства стыда в русском и китайском языках. Материалом исследования послужили лексемы, фразеологизмы, пословицы, извлеченные из толковых, фразеологических и паремиологических словарей русского и китайского языков. В качестве методов исследования используются описательно-аналитический метод, дефиниционный анализ, компонентный анализ, сопоставительный анализ. В ходе исследования было установлено, что в русском и китайском языках «стыд» представляет собой одно из средств обозначения «недовольства собой». К параметрам описания стыда относятся оценка, интенсивность, внешнее проявление. Различия в осмыслении стыда заключаются в том, что слово *стыд* в китайском языке имеет значение, связанное с везением и отражением скромности. Чувство стыда может характеризоваться через симптомы внешнего проявления. В русском языке зафиксировано, что от стыда человек не только краснеет, он может похолодеть и дрожать. В обоих языках «стыд» метафорически связан с понятием толщины кожи человека, но эмоциональная оценка в русском языке шире, чем в китайском. Статья способствует решению поставленной научной проблемы, так как исследование раскрывает значение стыда через способы его выражения в русском и китайском языках.

Ключевые слова: эмоции; значение стыда; этические оценки; лексемы; пословицы; фразеологизмы; русский язык; китайский язык

Для цитирования: Сюн Чанван. Чувство стыда как реализация недовольства собой в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 138–145.

SENSE OF SHAME AS A REALIZATION OF DISPLEASURE WITH ONESELF IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Xiong Changwang

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, k19941213@mail.ru

Abstract. This article considers the problem of asymmetric reflection of sense of shame in the Russian language and in the Chinese language. Material for study included lexemes, phraseological units, proverbs extracted from defining, phraseological and paremiological dictionaries of the Russian and the Chinese languages.

The study methods used included descriptive analytical method, definitional analysis, component analysis, comparative analysis. During the study it was found that in the Russian and in the Chinese languages 'shame' is one of the means of denoting 'dissatisfaction with oneself'. The parameters for describing shame include assessment, intensity, and outward expression. The difference in understanding shame is that in Chinese the word shame has a meaning associated with luck and reflection of humility. Sense of shame can be characterized through symptoms of outward expression. In the Russian language it is set that from shame a person may not only blush but also become cold and tremble. In both languages 'shame' is metaphorically associated with the concept of thickness of a person's skin, but the emotional assessment in Russian is broader than in Chinese. The article contributes to the solution of the scientific problem posed since the study reveals the meaning of shame through the ways of its expression in the Russian and the Chinese languages.

Key words: Emotions; the meaning of shame; the ethics evaluation; lexemes; proverbs; idioms; Russian; Chinese

For citation: Xiong Changwang. (2022) Sense of Shame as a Realization of Displeasure with Oneself in Russian and Chinese Languages. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 138–145. (In Russ.)

Изучение эмоций находится в центре внимания не только психологов (С.Л. Рубинштейн, К.Э. Изард и др.), но и лингвистов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и др.). Недовольство собой, являясь социально значимым чувством, связано с самооценкой человека. Критическое отношение к своим поступкам способно отражаться через эмоциональные состояния, к которым можно отнести муки раскаяния, угрызения совести, чувство стыда и др. По словам Н.Д. Арутюновой, «стыд и совесть создают индивида и социального человека», поскольку в основе обоих чувств лежит самосознание – «способность судить о себе с внешних позиций» [Арутюнова, 1997: 69].

Цель настоящей статьи – выявить сходства и различия в представлении «стыда» как одной из значимых реализаций «недовольства собой» средствами русского и китайского языков. Выявление средств и способов обозначения одного и того же смысла («недовольство собой») в разных языках – задача, соответствующая современной деятельностной лингвистической парадигме [Милославский, 2017].

Для решения поставленной задачи сначала обратимся к анализу значения слова *стыд* в русском и китайском языках. Как отмечает Ю.Д. Апресян, эмоции недоступны прямому наблюдению, поэтому их очень непросто «перевести в слова» [Апресян, 1995: 454]. Объяснить, что такое *стыд*, можно либо с помощью «смыслового» под-

хода [Вежицкая, 1996: 367], т.е. через указание на известные адресату ситуации «возникновения» стыда, либо с помощью метафорического подхода [Лакофф, Джонсон, 2004: 49], т.е. через сравнение с похожими на это чувство явлениями. Рассмотрим, как реализуются эти принципы в словарных толкованиях и описаниях чувства стыда.

В русском языке *стыд* определяется в толковых словарях как ‘чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины’, а также как ‘позор, бесчестье’¹. Специальные словари и справочники по психологии и медицине дополняют это определение. Стыд – это ‘чувство, выражающее осознание человеком своего, а также близких ему людей, несоответствия нормам, принятым в данной среде, или предполагаемым ожиданиям’². Кроме того, стыд понимается как ‘эмоциональное осуждение своего поведения, неудовлетворенность собой, сожаление о совершенном поступке. Возникает у человека вследствие противоречия реальных действий усвоенным им этическим нормам и правилам поведения, а также отрицательной оценки его действий авторитетными для него людьми’³. По происхождению слово *стыд* общеславянское, «оно восходит к той же основе, что и студить. Значение ‘холод, окончание’ перешло в ‘чувство срама’»⁴.

Стыд в китайском языке обозначается на письме как «惭愧». Первый иероглиф состоит из двух частей: 忄 и 斩. 忄 в китайском языке связан с эмоцией, а 斩 – значит ‘обезглавливание’. 忄 и 斩 соединяются вместе и получается новое значение: человек осознает вину из-за своей ошибки. Второй иероглиф 愧 в древнекитайском языке писался 媿, он тоже состоит из двух элементов: 女 и 鬼. 女 обозначает красоту девушки, а 鬼 – злой человек. Этот иероглиф имеет такое значение: ‘человеку стыдно, что у него преступное намерение относительно девушки’. В современном китайском языке значение этого иероглифа изменилось: ‘человек испытывает чувство стыда из-за своей вины или дурной мысли’⁵.

На основе анализа словарных толкований в обоих языках можно сделать вывод, что к причинам возникновения стыда относятся следующие: 1) человек или близкие ему люди совершили поступки,

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.05.2021).

² См.: Арсанусова Л.Ю. Словарь по биомедицинской этике онлайн. URL: <https://vocabulary.ru/termin/styd.html> (дата обращения: 01.05.2021).

³ Зинченко Ю.П., Курпьянова И.Д. Военно-психологический словарь-справочник. URL: <https://vocabulary.ru/termin/styd.html> (дата обращения: 01.05.2021).

⁴ Крылов Г.А. Этимологический онлайн-словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 01.05.2021).

⁵ 新华字典/ Словарь иероглифов Синьхуа. 2011.

нарушившие этические нормы и правила поведения; 2) у человека не было возможности соответствовать своему идеальному «Я»; 3) межличностные отношения, которые обладают особым значением для человека, породили чувство стыда.

По мнению американского психолога К. Изарда, возникновение эмоции стыда может происходить также из-за презрения, испытываемого человеком по отношению к самому себе, либо проявляемого со стороны других людей; кроме того, излишняя похвала тоже может быть предпосылкой переживания стыда: «условие активации стыда – внимание к себе значительно возрастает» [Изард, 1999: 728].

В китайском языке слово *стыд*, в отличие от русского, имеет более сложную семантическую структуру, которая предполагает следующие признаки: 1) Переживание из-за недостатка или вины; 2) Кто-то считает, что не достоин высокой чести, оказываемой ему. Проиллюстрируем это значение примером: “江导，都写过什么大作呀？”“惭愧，戏不多，都是老戏。”王朔《懵然无知》⁶ – “Режиссер Чжан, какие спектакли Вы поставили?” “Я чувствую стыд, у меня мало спектаклей, они все старые”⁷. Как видно из примера, стыд может выражаться как ответ на проявление уважения, похвалу другого человека. В китайском языке стыд может обнаружить себя и тогда, когда говорящий хочет в соответствии с этикетом выражать свою скромность, но на самом деле он не всегда реально испытывает стыд. 3) Везение⁸: “小生惭愧，有缘遇这箇小娘子。”(张寿卿《红梨花》，元)⁹. Я чувствую стыд, что я встретился с такой молодой девушкой. – Из этого можно сделать вывод, что в китайском языке *стыд* используется и тогда, когда человеку везет, поскольку, когда человеку повезло, он сам ничего хорошего не сделал – он не лучше других, просто получил что-то хорошее незаслуженно. Из-за этого человек может испытывать стыд.

Как известно, в лингвистике метафора считается одним из адекватных способов описания эмоций. Во многих языках *счастье / хорошее* и *грусть / плохое* метафорически сравниваются с понятиями «верх» и «низ», т.е. человек поднимает голову, когда он чувствует себя хорошо, и опускает голову, когда огорчается [Апресян, 1999: 456]. Отражение стыда тоже проявляется во внешних реакциях человека. Когда человеку стыдно, его глаза обычно пытаются избегать контакта с глазами другого человека, и говорящий всегда

⁶ 王朔，《懵然无知》，北京十月文艺出版社，2012. Ван Шо, «Невежественность», Пекинское Октябрьское издательство литературы и искусства, 2012.

⁷ Здесь и далее китайские примеры переведены автором статьи.

⁸ 新华字典/ Словарь иероглифов Синьхуа. 2011.

⁹ 张寿卿《红梨花》，元. Чжан Шоуцин, «Цветок красной груши», Династия Юаня.

смотрит вниз. Тем временем, человек может опускать голову или прятать лицо, чтобы скрыть свои настоящие чувства: *Даже требовал от него барин ходить нагим и смотреть весело. А он закрывал от стыда глаза* (Шмелев, 1918, НКРЯ)¹⁰.

Чувство стыда тесно связано с телом человека. Когда человек испытывает беспокойство, возбуждение, стыд, в организме вырабатывается адреналин. Из-за этого человек часто потеет или его лицо (тело) краснеет: *汗流浹背 Потом покрывается вся спина; 面红耳赤 Лицо и уши становятся красными*. В русском языке красный цвет тоже является симптомом чувства стыда: *покраснеть от стыда; вогнать кого-л. в краску*. Стоит отметить, что в русском языке краснеть – это не единственный симптом физиологического отражения эмоции. Так как стыд имеет отношение к страху, то возможно, что человек холодеет и дрожит, когда ему стыдно: *Захваченная врасплох, девушка дрожала от стыда и страха, что выдала свою сердечную тайну перед тем, кого любила* (Крыжановская, 1894, НКРЯ).

В лингвистике интенсивность нередко рассматривается как понятие, тесно связанное с эмоциями. И.И. Туранский отмечает, что «интенсивность – мера той или иной силы, мера экспрессивности, её степень, мера эмотивности» [Туранский, 1991: 6–7]. В русском языке интенсивность стыда обозначается с помощью устойчивых выражений: *жгучий стыд; сгорать от стыда; провалиться сквозь землю от стыда; умирать со стыда*. В китайском языке также употребляются фразеологизмы для обозначения интенсивности стыда *措颜无地 человек не может найти место, чтобы скрыть свое лицо; 卑陋失色 из-за стыда выражение лица стало нехорошим*.

Из вышесказанного следует, что в китайском языке интенсивность стыда часто выражается при обращении к понятию лица. Иероглиф «脸» (лицо) в китайском языке не только обозначает переднюю часть головы: (脸色 – Цвет лица), но и означает достоинство и честь: 脸皮厚 – (букв.: у кого-то толстая кожа лица), т.е. «человек, который не стыдится своих поступков», что можно проиллюстрировать следующим примером: *他幼时无教育, 耳濡目染, 都是蝇营狗苟的勾当, 眼光小, 脸皮厚. 曹禺《蜕变》*¹¹: Когда он был маленьким, все, что он слышал и видел, было дурными поступками. Это превратило его в человека, у которого толстая кожа лица.

Таким образом, «толщина кожи лица» представляет собой критерий морали – осознает ли человек чувство стыда. В русском языке есть понятие «толстокожий». Обычно так называют человека

¹⁰ Здесь и далее примеры из НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.05.2021).

¹¹ 曹禺, 《蜕变》, 人民文学出版社, 1998 (Цао Юй, «Трансформирование», Издательство народной литературы, 1998).

неэмоционального: толстокожий – не способный к тонкому восприятию, грубый, неотзывчивый (разг.)¹². Как видим из определения, это слово имеет более широкое значение, чем в китайском.

Самооценка, представленная в семантике стыда, требует для своей реализации «взгляда со стороны» [Богданова, 2019]. Для обозначения свидетелей плохого поступка в русском языке есть специальная предложно-падежная форма – **перед кем стыдно**: *Мне стыдно перед людьми, которые ждут от меня помощи и защиты от несправедливости* (Гроссман, 1960). В китайском языке такая позиция в конструкции *кто-то чувствует стыд* эксплицитно не представлена, но может подразумеваться: 说来惭愧, 我们所答应他的事情并不曾做到。(巴金 1931, 《哑了的三角琴》)¹³: *Мы чувствуем стыд, что из всех дел, которые мы пообещали ему выполнить, мы ни одного не сделали.*

Объект и причина стыда в русском языке обозначается с помощью предлога *за*: *стыдно за плохой поступок – за что стыдно*. Например, *Игорю было стыдно за свою глупость, вместе с тем он испытывал и облегчение* (Сальников, 2015, НКРЯ). В китайском языке человек тоже стыдится из-за плохого поступка (за что стыдно). Например: 说起读书, 我感到惭愧, 不钻图书馆, 有人送到眼前, 就翻开看看。张中行《山中花果》¹⁴. *Что касается чтения, я чувствую стыд за то, что сейчас я не хожу в библиотеку и книжный магазин, только когда другой человек приносит мне книгу, я ее просто листаю.*

«**Книжка**» (Стыд) представляет собой важный принцип философии буддизма¹⁵: *Существует два способа, которые могут спасти всех живых существ: первый – **Книжка**, второй – **Книжка**. **Книжка** обозначает, что человек сам по себе не делает злые поступки; **Книжка** значит, что следует не учить других совершать зло; **Книжка** – человек осознаёт стыд в своей душе, **Книжка** – человек признаётся в своих ошибках другим. Человек, который не знает стыда, – это не человек, а животное. В буддизме поэтому «Стыд» считается важным качеством человека, именно это чувство помогает человеку избавиться от своих отрицательных качеств. В христианстве Стыд тоже считается неотъемлемым качеством человека, так как стыд связан с совестью: «Стыд как проявление честности перед другим человеком в миру (вещественно),*

¹² Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.05.2021).

¹³ 巴金, 《哑了的三角琴》, 小说月报, 1931. Ба Цзинь, «Немая цитра», Ежемесячный роман, 1931.

¹⁴ 张中行, 《山中花果》, 北京日报, 2019. Чжан Чжунсин, «Цветы и фрукты в горе», Ежедневная Пекинская газета, 2019.

¹⁵ 《涅槃经》卷十九 Nirvana, т. 19, 1996.

совесть как проявление святости перед Богом» [Колесов, 2004: 118]: *в ком есть Бог, в том есть и стыд.*

В русском языке отношение к чувству стыда может отражаться по-разному. С одной стороны, человек не может прожить всю жизнь и ни разу не испытать стыда: *Без стыда лица не износишь, как платья без пятна*¹⁶; с другой стороны, стыд имеет отношение к морали «скромность». Человек может вести себя нескромно для того, чтобы защитить или успокоить себя: *Стыдливый из-за стола голодный встает; Стыд не дым, глаза не выест.* Из этого следует, что в русской культуре иногда Стыд может считаться бесполезным, бессмысленным.

Таким образом, из проведенного анализа следует, что в универсальный «сценарий» стыда для русского и китайского языков могут быть включены следующие ситуации, которые не в полной мере получили отражение в словарных толкованиях: 1) Человек осознал, что он повел себя неприлично. Рядом с ним был свидетель; 2) Люди, близкие нам, совершили поступки, нарушившие нормы. Из-за этого мы находимся в неловкой ситуации; 3) Человек не совершил ничего плохого, но результат не соответствует его ожиданию. Он считает, что он подвел других людей; 4) Человек ничего плохого не сделал, но его поступки привлекают внимание чужих людей, из-за этого он испытывает тревогу и стыд.

Итак, чувство стыда отражает недовольство собой и в представлении разных языков имеет сходные и различные черты. В русском языке чувство стыда может считаться необходимым (*Ни стыда, ни совести!* – говорится с осуждением), а иногда – бесполезным, а в буддизме *стыд* – это важный принцип нравственности. Кроме того, в китайском языке стыд тесно связан с понятиями скромности и везения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 59–70.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды: В 2 т. М., 1995.
3. Богданова Л.И. Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
6. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

¹⁶ Русские пословицы здесь и далее из словаря: *Даль В.И.* Пословицы русского народа. URL: <https://vdahl.ru/> (дата обращения: 01.05.2021).

8. Милославский И.Г. Цель как характеристика лингвистического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9–23.
9. Туранский И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1997. O styde i stuzhe [About shame and cold]. *Linguistic issues*, no. 2, pp. 59–70. (In Russ.)
2. Apresyan Yu.D. 1995. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. IzbrannyeTrudy. V dvukh tomakh [Integral description of the language and systemic lexicography. Selected Works. In two volumes]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnye parametry v grammatike dlya rechevykh deistvii [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
4. Vezhbitskaya A. 1996. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari. (In Russ.)
5. Izard K.EH. 1999. *Psikhologiya ehmtsii* [The psychology of emotions]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «PiteR». (In Russ.)
6. Kolesov V.V. 2004. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)
7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. 2004. *Metafory, kotorymi my zhivem* [The Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
8. Miloslavskii I.G. 2017. Tsel' kak kharakteristika lingvisticheskogo issledovaniya [Purpose as a characteristic of linguistic research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–23. (In Russ.)
9. Turanskii I.I. 1991. *Soderzhanie i vyrazhenie intensivnosti v angliiskom yazyke* [Content and Expression of Intensity in English]. Moscow, Dis. ... dok. filol. nauk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 24.06.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Сюн Чанван – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, k19941213@mail.ru

About the author

Xiong Changwang – Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area studies, Lomonosov Moscow State University, k19941213@mail.ru

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

ПИЩЕВЫЕ УТОПИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ МИРА

А.В. Павловская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, annapavl@mail.ru

Аннотация. Мечта человечества о сытой жизни, наверное, – древнейшая в мире. Неудивительно, что значительное число традиционных ритуалов и обрядов связаны с попытками обеспечить такую жизнь: ниспослать удачную охоту, приумножить урожай, сохранить скот и т.д. А исторические, фольклорные и литературные источники дают нам богатейший материал: «пищевые утопии», в которых народная мечта реализуется в форме волшебных мест, предметов или существ, поставляющих желанную пищу, причем без приложения усилий и совершенно бесплатно. В данной статье «пищевые утопии» рассматриваются с точки зрения системы питания, характерной для того народа, который сочинил свой «пищевой рай». Ничто так наглядно не отражает национальные особенности питания, как пищевые утопии и пищевые стереотипы, обобщенный и упрощенный взгляд на еду изнутри и извне.

Ключевые слова: система питания; утопии; история еды; идентичность; пищевые традиции

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Пищевые утопии как отражение культурно-исторической традиции народов мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 146–168.

“FOOD UTOPIAS” AS REFLECTIONS OF CULTURAL TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Anna V. Pavlovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, annapavl@mail.ru

Abstract. The mankind’s dream of a well-fed life is probably the oldest in the world. It is not surprising that a significant number of traditional rites and ceremonies are associated with various attempts to ensure this kind of life such as to send

down a successful hunt, to increase the harvest, to save the livestock, etc. And historical, folklore and literary sources provide us with the richest material such as “food utopias”, where a folk dream is realized in the form of magical places, objects or creatures that provide the desired food. And it is done effortlessly and completely free. In this article, “food utopias” are examined from the point of view of the nutritional systems characteristic of the people who created their “food paradise”. Nothing reflects national dietary habits as clearly as food utopias, generalized and simplified views of national food.

Key words: food systems; utopias; food history; national identity; food traditions

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2022) “Food Utopias” as Reflections of Cultural Traditions of the People of the World. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 146–168. (In Russ.)

Вопрос, насколько случайно то, что мы едим, является важнейшим и, увы, до сих пор нерешенным в науке. Определяется ли наша пища нашими личными предпочтениями, или мы вольно или невольно воспроизводим некую устойчивую систему питания, сложившуюся задолго до нашего рождения? Людям всегда приятнее ощущать свою индивидуальность, отсюда и непрекращающиеся дискуссии вокруг всякого рода подобного рода обобщений: «национальных» (вариант, «этнических») характеров, менталитетов, кухонь. Безусловно, исключения есть в любых системах, и никто не воспроизводит «национальные» схемы буквально, однако национальное, как и этническое, единство все-таки существует. И пища здесь является одним из самых важных и долговечных его факторов [Молчанова, 2013; Загрязкина, 2015; Раевская, Киселева, 2015; Павловская, 2015; Павловская, 2016].

Наступившая в XX в. культурная глобализация, охватившая в том числе и все стороны повседневной жизни, пошатнула основания национальных культур мира, добравшись в самые отдаленные уголки. Пошатнула, но не уничтожила, о чем разговор особый. Сегодня возможно существование вегана даже в среде монгольских кочевников. Но в начале XX в. он бы просто умер с голоду, альтернативы молоку и мясу там практически не существовало. Более того, в наше время во всем мире отказ от мяса – своего рода добродетель, как во времена христиан-аскетов. В скотоводческом обществе былых времен такого рода поступок сочли бы кошунством и святотатством. Так что пищевые особенности и традиции питания народов мира

еще сто лет назад были весьма определены, стабильны и четко выражены. Сохранились они, пусть и в меньшей степени, и сейчас.

Писатель В.Ф. Одоевский, в обличии придуманного им профессора Пуфа, в середине XIX в. рассуждал о важности изучения традиционной пищи, составляющей существенную часть народной культуры, не менее значимую, чем песни, поверья, сказки, которые с увлечением собирали энтузиасты в тот период. «Ваш же брат немец, человек ученый, – писал Одоевский-Пуф, – не шутя уверял меня, что если ему доставить подобные сведения о том, что тот или другой народ ел в ту или другую эпоху и как он ел, то он, профессор, возьмется, как он говорил, конструировать всю историю того народа: его торговлю, промышленность, степень его просвещения и проч. и проч.»¹ Отметим, что по пище можно также определить и о каком народе идет речь, и, что еще более важно, проследить и древнейшую историю самого народа.

Ничто так наглядно не отражает национальные особенности питания, как пищевые утопии и пищевые стереотипы, обобщенный и упрощенный взгляд на еду изнутри и извне. Мечта о пищевом изобилии – наверное, древнейшая у человечества. Можно предположить, что голодный первобытный охотник после неудачной вылазки на оленя, представлял себе мирно пасущиеся беззащитные стада и, возможно, в творческом порыве (голод часто обостряет творческое начало) изображал их на стенах пещер. А еще вероятнее визуализировал в мечтах сочные куски мяса, запекающиеся на углях, и сочинял мифы о волшебном костре, на котором никогда не иссякает еда.

Мифы охотничьих народов, сохранивших свой традиционный уклад до XX в., позволяют представить, о чем мечтали древние люди, и понять чаяния современных охотников. Так, в чукотской сказке заблудившийся охотник, столкнувшись со злой ведьмой, получил волшебные сани. «Тряхнула старуха волосами – тут сразу оленья упряжка появилась. А на нартах всевозможные кушанья – и тюленья печенка, и оленина, и мясо вяленое, что копальхой называется. Все перепробовал Тынэн, наелся досыта и еще за пазуху кое-что сунул!»² Здесь есть лакомства северных охотников, включая знаменитый «деликатес» копальхен, ферментированное мясо, которое обычно несколько месяцев доходит до «кондиции» под грузом камней или в воде; тухлый запах его во все времена приводил в ужас сторонних наблюдателей. Но для северных охотников – это большое лакомство,

¹ *Одоевский В.Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве.* СПб., 2007. С. 419.

² *Сказки народов Севера.* Л., 1991. С. 63.

о котором они мечтали долгими темными вечерами, складывая сказки.

После того как человек освоил земледелие и скотоводство, труд его стал еще тяжелее, требовал все больше сил и времени; все усиливавшееся социальное неравенство, делало положение «кормильца» еще и унижительным. Одновременно с этим и земледельцы, и скотоводы все больше зависели от множества случайных факторов: погоды, войн, болезней растений и скота, нашествия саранчи на поля, нападений диких животных на стада и многих других факторов. Появился массовый голод, не просто как неприятное сосущее чувство под ложечкой, а как мучительная смерть большого числа людей. Цивилизация принесла людям и множество благ, и бедствий. Активное распространение сельского хозяйства из первичных плодородных районов возникновения, благоприятных для его ведения, по всему миру, в том числе и северным, и засушливым, только обостряло все эти проблемы. Неудивительно, что «цивилизовавшееся» человечество продолжало мечтать о столь обыденном предмете как обильная еда, доставшаяся без больших усилий.

Пищевые утопии³ возникали повсеместно и в разных формах: в виде мифов о чудесных людях или предметах, которые создавали еду, сохранившихся в легендах, сказках, пословицах и поговорках. Они попадали в литературные произведения, так как радовали не только бедных, но и богатых. Идея получения пищи без усилий, без денег, просто из ниоткуда, не теряла своей актуальности во все времена, в разных слоях общества, на самых разных этапах развития человечества.

Как любимое чудо людей, «пищевая мечта» попала в мировые религии. Вероятно, хождение по воде, аки посуху, оказывало не столь сильное воздействие на простые души, как преумножение вина и хлеба. Да и рай в различных верованиях чаще всего представляет собой место, где можно без забот вкушать еду, не задумываясь о завтрашнем дне, не тратя сил и чувств на мысли о поиске пропитания.

В Ветхом Завете «Земля обетованная», в которую стремятся иудеи, струится молоком и медом. Во время странствий по пустыне Господь посылает им для пропитания бесчисленные стаи перепелов, а также манну небесную, которую народ «молол в жерновах или

³ Понятие «утопия» используется здесь как в первоначальном значении, в переводе с древнегреческого слово означает «место, которого нет», т.е. несуществующая идеальная страна, так и в переносном, как все несбыточное, но прекрасное, недостижимое, но желанное. Хотя понятие было введено Т. Мором в XVI в., подобного рода литературный и фольклорный жанр появился значительно раньше.

толок в ступе, и варил в котле, и делал из нее лепешки; вкус же ее подобен был вкусу лепешек с елеем» (Числа, 11:31, 7).

Пять тысяч человек, своих последователей (и это, «кроме женщин и детей»), накормил Иисус Христос пятью хлебами и двумя рыбами, «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных» (Матфей, 19;24).

В Жизнеописании Пророка Мухаммада, составленном со слов его сподвижников, рассказывает о том, как в войске, возглавляемом Абу Убайдой ибн аль-Джаррахом, известным полководцем, соратником Пророка, прославившемся беспощадной борьбой с язычниками (среди которых был его родной отец), закончилась еда. Когда же наступил голод, «Аллах послал нам из моря животное, мясом и жиром которого кормились двадцать дней, даже поправились и забыли про голод»⁴.

Для рассматриваемой проблемы главным во всех этих историях, помимо значимости темы еды как фактора воздействия на народное сознание, является то, что, повторяя саму идею, разные народы наполняют ее своим пищевым содержанием. Для иудеев, бежавших из сытного Египта, желанная пища – это древнейшая – молоко, мед и мясо, а также более поздняя для их культуры – зерно, из которого варят похлебки и пекут лепешки. Для христианства, в значительной степени выросшего на античных основаниях, – вино и хлеб. Для мусульманства, зародившегося в арабской среде кочевников, мясо и молоко.

Пищевые легенды и утопии мира отражают во всей полноте пищевые предпочтения тех народов, в среде которых они циркулируют, дают возможность увидеть пищевые системы в обобщенном, идеализированном, мифологизированном виде. Чаще всего такого рода сказания воспроизводят любимую повседневную пищу народа, получаемую в неограниченных количествах.

Рассмотрим пищевые утопии народов мира как свидетельство существования базовых начал, которые легли в основание их пищевых систем.

Чрезвычайно богата такого рода историями античность.

Древнегреческий миф рассказывает о трех дочерях царя Делоса Ания, сына Аполлона, которые обладали уникальным даром. Так называемый Псевдо-Аполлодор, составивший Мифологическую библиотеку, сообщает, что «Дочери Ания, сына Аполлона, Элаида, Спермо и Ойно были прозваны Ойнотрофами: Дионис одарил их

⁴ *Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка Мухаммада. Рассказанное со слов аль Баккаи, со слов Ибн Исхака аль Мутталиба (первая половина VIII века). М., 2007. С. 616–17.

способностью творить из земли масло, злаки и вино»⁵. Таким образом, три девы давали полное пропитание древним грекам. В поэме «Александра», приписываемой древнегреческому поэту III в. до н.э. Ликофрону, они называются воспитанницами Диониса, «Искусницы зерно молотъ на мельнице, // И вина делать, и жать масло жирное...», они и «воду претворят в вино!»⁶ Зерно, олива и вино, были не только основой питания древних греков и римлян, но и краеугольным камнем античной цивилизации.

Древнегреческие комедии полнятся утопическими картинами пищевого изобилия. Еды не просто много, она рождается самой землей, падает дождем, сползает с крыш, возникает из ниоткуда. Еда становится одушевленной, сама лезет в рот. Конечно, такие утопии высмеивают как распространенные в античности ностальгические воспоминания об ушедшем Золотом веке, так и мечты о грядущем свободном и безбедном мире, превращая их в мир обжорства и чревоугодия. Однако подобного рода аналогии совсем не случайны, пусть и утрированно, и пародийно, но они отражают мечты человечества о блаженной жизни ничегонеделания и вкусно-го времяпровождения. Одновременно с этим дают полный набор наиболее любимых современниками продуктов и блюд.

Комический поэт Телеклид (V в. до н.э.) в «Амфиктионах» (сохранились фрагменты) рассказывает от имени создателя:

Расскажу я тебе о той жизни, что я подарил поначалу всем смертным...

По оврагам повсюду струилось вино, и лепешки сражались с хлебами,

Чтоб их первыми съели, себя проглотить умоляли и всем предлагали

Выбрать самых из них белоснежных. А в дом рыбы шли своим ходом и сами

Себя жарили, после раскладывались на столах по тарелкам и мискам.

И похлебка рекою текла меж столов и катила горячее мясо.

А чтоб горло смочить и кишки увлажнить, с острым вкусом струилась подлива.

А на блюдах горой пирожки на меду пересыпаны были сладостями,

И влетали зажаренные дрозды прямо в рот, и с лепешками вместе.

Сдоба сдобу толкала у самых у губ и кричала, спеша проглотиться!

Меню античности представлено во всей красе, то самое, что впоследствии легло в основание всей европейской хлебной цивилизации.

⁵ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972. Кн. I, III, 10.

⁶ *Суриков И.Е.* Ликофрон Александра // Вестник древней истории. 2011. № 2. С. 234–267.

Комедиограф Ферекрат в «Персах» пишет:

И какая нужда будет в пахарях нам, в семенах, в виноградных побегах,

Кузнецах и упряжниках, серповщиках? Ведь обильно и сами собою

На распутьях дорог, да с приправой густой, из земли забьют реки похлебки,

И ахилловы в них поплывут пирожки, нам останется только нагнуться

Зачерпнуть, а начало те реки возьмут от источников Плутосабога.

И дождями из сладких и дымчатых вин будет Зевс мыть у нас черепицы,

По карнизам, по кровле посыплется в рот виноград с пирогами из сыра,

И медовые пряники, и размазня чечевичная, рожки да булки.

А деревья покроет в горах не листва, но повиснут на ветках колбасы

Из козлятины да отварные дрозды и нежнейшие из каракатиц⁷.

(ахилловы пирожки – лепешки из тонкой ячменной муки, любимые греками)

Это лишь немногие из ярких утопических картин, рисуемых античными авторами, но вполне показательные.

Иное дело варвары, у них были свои предпочтения в еде и свои мифы о ней. Большинство из них были изначально скотоводами, предпочитая мясо и молоко другим продуктам. Коровы и быки нередко фигурируют в мифах и легендах Британских островов. Одна из них рассказывает о волшебной белой корове (стадо принадлежало волшебным озерным девам), которую удалось поймать старику фермеру. «С того дня фермер начал богатеть. Таких телят, такого молока, масла и сыра, как от белой коровы, никто в Уэльсе не видел, да и не увидит больше. Бедный фермер стал богачом, хозяином огромного стада»⁸.

Британские острова исторически заселялись разными группами народов и представляли собой довольно сложный конгломерат культур. Многие варвары давно освоили земледелие и предпочитали зерно и свинину другим продуктам. Так, древнее божество ирландской мифологии Дагда постоянно носил с собой волшебный котел «Неиссякаемый» и очень любил овсяную кашу и свинину. В ирландской же мифологии говорится о «чудесных свиньях

⁷ *Афиней*. Пир мудрецов. Т. 1. С. 335–336.

⁸ *Королев К.М.* Мифология Британских островов. М., 2007. С. 251–252.

Мананнана», их убивали и съедали, а наутро они вновь были живы⁹. В валлийском фольклоре популярны истории о волшебном мешке, родственном волшебному котлу или чаше с неиссякаемым содержимым¹⁰.

Все эти древние волшебные котлы и мешки изобилия в Средние века слились в образ святого Грааля, хотя и наполнив его христианским содержанием, но сохранив пищевую подоплеку. Явление Святого Грааля сэру Ланселоту в замке «владельца Нездешней страны» сопровождалось чудом: в воздухе разлился «благоуханный аромат», а «стол их вдруг оказался заставлен всеми яствами и напитками, каких только могли они себе пожелать»¹¹.

Мясо и мед-пиво – еда скандинавских воинов. В своего рода скандинавском раю, куда попадают после смерти павшие в битве воины, мясо огромного кабана Сэхримнира, «дичина отличная», является их единственной пищей. Каждый день повар Андхримнир варит в волшебном котле его мясо¹². И каждый вечер кабан снова цел. Его мяса всегда хватает на всех, сколько бы ни садилось за стол.

Хмельной мед получают также просто: «Коза по имени Хейдрун стоит в Вальгалле и щиплет иглы с ветвей того прославленного дерева, что зовется Лерад. А мед, что течет из ее вымени, каждый день наполняет большой жбан. Меду так много, что хватается допьяну всем эйнхериям». Пиво в скандинавских легендах в огромном котле варит Эгир, древний морской великан, владыка моря. Тор, защитник людей и бог грома и бури, с боями добыл для варки пива особый «огромный котел, // котлище великий // с версту глубиной», «и асы теперь // каждую зиму // досыта пили // пиво у Эгира»¹³.

А карело-финском эпосе «Калевала» один из героев вспоминает о своем безбедном житье в волшебном краю: «Там из меду были горы, Из яиц куриных скалы; Мед стекал по веткам елей, Молоко текло из сосен, Из плетней лилося масло, по жердям стекало пиво». Молоко и молочные продукты занимают важное место и в финском эпосе, и системе питания. Однако единственным подлинно волшебным предметом в мифологии, приносящим счастье и изобилие, является волшебная мельница Сампо, вокруг которой строится основной сюжет поэмы «Калевала» и рунов, записанных еще ранее. Волшебная мельница трудилась, не переставая:

⁹ Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

¹⁰ См.: *Мабиногион*. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.

¹¹ *Томас Мэлори*. Смерть Артура / Пер. И. Берштейн. М., 1991.

¹² Младшая Эдда. Л., 1970. С. 59.

¹³ Младшая Эдда. С. 60; Старшая Эдда. Л., 1963. С. 50.

Рано утром меру мелет,
Меру мелет на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру – для запаса

(в поэме Э. Леннрота третья шла для пирушки).

Запас еды в виде неограниченного количества муки, получаемого волшебным образом, принес не просто сытость, он принес благоденствие и счастье людям: «Сладко в Похъэле живется, Если в Похъэле есть Сампо... Неизменные там блага»¹⁴.

А в знаменитом романе «отца финской литературы» А. Киви «Семеро братьев» пища, которая согласно легенде, вспоминаемой голодными героями, появилась из черных бычьих рогов, весьма прозаична и отражает мечты финских крестьян второй половины XIX в.: «Когда он открыл первый рог, оттуда с бульканьем полилась самая лучшая фабричная водка, чтоб он мог выпить перед трапезой. Выпил он – и даже дух захватило. Потом вытащил из другого рога несколько локтей жирной, еще теплой свиной колбасы. Из третьего тугим завитком пошла ржаная каша, а из четвертого – простокваша к ней, густая, будто смола»¹⁵.

В мифах Китая говорится о волшебном дереве цзяньму, которое росло в том месте, где, как считалось, находился центр неба и земли. Это было удивительное место, рассказывается в легенде, «что только там ни росло – рис, просо, бобы, пшеница; зёрна их были белые, гладкие, будто наполненные жиром. А сеять их можно было в любое время – будь то зима или лето» [Кэ, 1987: 21].

В нартских сказаниях народов Северного Кавказа о приключениях героев-богатырей (нартгов), в основе которых лежит древнейший эпос, герой, вынужденно заночевавший в темном лесу, среди ночи увидел свет в глубине ущелья: «Урызماغ пошел на свет, и вот перед ним шалаш. Внутри его на горячих углях сами собой вертятся шампуры, жарятся на них шашлыки, и тут же на трехногом столике – три пирога с сыром и рядом кувшин с ронгом, а возле них – рог для питья». Есть в сказаниях и волшебный столик, героиня вынесла волшебный столик – «трехножку-самобранку», и «все яства, какие только бывают на земле, очутились на этом столе». (Сказания о Нартах. Перевод с осетинского Ю. Либединского.)

В арабо-персидских сказках, вошедших в состав сборника «Тысяча и одна ночь», еда появляется из волшебного мешка, который герой, бедный рыбак Джудар, получает от загадочного магрибинца

¹⁴ Калевала. М., 1977. С. 370, 97, 128; Избранные руны Архипа Перттунена. Петрозаводск, 1948. С. 17–18.

¹⁵ Киви А. Семеро братьев / Пер. Карху Эйно. СПб., 2014.

(жителя Магриба, части Северной Африки к западу от Египта). В мире багдадского «золотого века», царстве изобилия, изысканности в еде и гурманства, из мешка можно достать любое, самое дорогое и вычурное блюдо. В этом его отличие от обычных сказочных ситуаций подобного рода у других народов, в которых волшебная еда, как правило, является базовой для региона, простой, сытной и универсальной. Характерно, что в первый момент, на вопрос, «Что тебе хочется?», Джудар, не задумываясь, отвечает «хлеба с сыром», т.е. ту самую базовую пищу. Но магрибинец восклицает, что хлеб с сыром не достоин героя. Далее последовал диалог: «Ты любишь подрумяненных цыплят?» – «Да», – ответил Джудар. «А любишь рис с медом?» – спросил магрибинец. И Джудар ответил; «Да». И магрибинец говорил «А любишь такое-то блюдо, и такое-то блюдо, и такое-то блюдо?» – пока не назвал ему двадцать четыре блюда кушаний. И Джудар сказал про себя: «Он одержимый. Откуда он принесет мне кушанья, которые назвал, когда у него нет ни кухни, ни повара. Скажу ему лучше: “Хватит!” И он сказал ему: “Хватит! Ты предлагаешь мне блюда, а я ни одного из них не вижу”. – “Простор тебе, Джудар”, – сказал магрибинец и, сунув руку в мешок, вынул золотое блюдо с двумя горячими подрумяненными цыплятами, а потом он сунул руку во второй раз и вынул золотое блюдо с кебабом, и он до тех пор вынимал из мешка, пока не вынул все двадцать четыре кушанья, которые упомянул, и Джудар оторопел, а магрибинец сказал: “Ешь, бедняга!”»

Похожая сцена разыгралась в доме Джудара, когда он вернулся с волшебным мешком к своей голодной матери. На слова: «Требуй же, чего хочешь!», мать ответила – «О дитя мое, горячего хлеба и кусок сыру». И, конечно, Джудар сказал, что «это не по твоему сану»: «О матушка, по твоему сану – подрумяненное мясо, и подрумяненные цыплята, и рисовый пилав с перцем, и еще кишки с начинкой, и тыква с начинкой, и барашек с начинкой, и ребрышки с начинкой, и лапша с миндалём, пчелиным медом и сахаром, и пирожки с патокой, и баклава»¹⁶. Вот такая арабо-персидская скатерть-самобранка с «высокой кухней».

Вернемся в Европу. В Ирландии в XI в. создается «Видение Макконглина» (Mac Conglinne), пародия на многочисленные средневековые религиозные «видения». Герой истории, ученый, пытающийся спасти короля от греха чревоугодия, останавливается в монастыре, где он немедленно ссорится с монахами, критикуя их образ жизни. Ночью ему является ангел и показывает страну, состоящую из еды. В ней озеро из заварного крема, мост из сливочно-

¹⁶ Тысяча и одна ночь. Сказка о Джударе. Ночь 612, 615 / Пер. М.А. Салье.

го масла, берег из белой муки, палисадник из бекона, дверь дома из сушеного мяса, порог из хлеба, притвор из белого сыра, колонны из желтого сыра, подпорки из сочного бекона, балки из сливок, стропила из творога¹⁷. Вся любимая пища ирландцев, собранная в волшебной стране...

В позднем Средневековье в Европе начался своего рода бум пищевых утопий. Возможно, это связано с массовыми эпидемиями, участвовавшими периодами голода, длительными войнами или это было преддверием нового периода в истории человечества и гастрономической культуры, начавшегося в XVI в., но мечты о сладкой и сытой жизни особенно часто посещали людей в это время. По мере того, как развивались кухни народов, видоизменялись и утопии.

Начиная с XIV в. истории о волшебной стране, где царит мир и спокойствие, равенство и братство, никто ничего не делает, только ест, спит, нарядно одевается и занимается любовью, причем на еде сделан особый акцент, появляются в литературных памятниках по всей Европе: в Англии, Германии, Франции, Испании, Италии. Они невольно вызывают аналогии с античными сатирическими литературными утопиями, смеются над моралью и условностями своего времени и «позволяют» еде жить своей одушевленной жизнью. Не принимая во внимание вопросы, волнующие исследователей уже не одно столетие – каково происхождение названия страны «Кокань», был ли литературный первоисточник, который разошелся по Европе, и если да, то где он, антиклерикальную (изобильное место часто находится в монастыре) и социальную направленность сказаний – обратимся к составу пищи, ибо схожие по стилю и духу такого рода истории, заметно отличались по гастрономической составляющей, варьировавшейся от страны к стране. Конечно, перевод названий продуктов и блюд, особенно в стихотворном варианте, нередко грешит неточностями, однако общий смысл передается вполне определенно.

Впервые описание страны Кокань (pays de Coquaigne) встречается в анонимном французском фаблю XIII в. Автор описывает сказочное место, в котором он оказался:

В любом домишке обрешетка –
Лосось, лаврак и верховодка,
Стропила там из осетрины,
А крыши – из свиной грудины,
И дранка стругана с колбас,
И много там иных прикрас:
Плетень у них промеж полями –

---

¹⁷ The Vision of Mac Conglinne: a Middle Irish Wonder Tale. L., 1892.

Из вертелов с окороками,
По улицам, крутясь над жаром,
Плывут гусята в жире, даром,
А вслед за ними, тут как тут,
Подливыв с чесночком снуют...
И сколько хочешь можешь класть:
И дичь, и оленины всласть,
И всё, к чему лежит душа –
Притом не платишь ни гроша,
И после не предъявят счет...
Бывает дождь в неделю трижды
Из жирных сладких пирогов...

(Пер. со старофранц. Я.Ю. Старцева).

В прозаическом пересказе все это выглядит еще нагляднее: «... страна, в которой «из лавраков, лососей и селедок построены стены всех домов; вместо стропил – осетры, крыши крыты окороками, а вместо балок – колбасы... Кусками жаркого и свиными лопатками огорожены поля; на улицах, сами собой вращаясь на вертелех, жарятся жирные гуси, а сверху на них льется белейший чесночный соус; ...каждый возьмет что захочет: один – рыбу, другой – мясо; и если кому вздумается нагрузить едой целую повозку – пожалуйста, за милую душу... И вот вам святая правда: в той благословенной стране течет река вина... одна половина – красного, лучшего, какое можно найти в Боне или за морем, а другая половина – белого, да такого благородного и изысканного, какого не производят и в Оссере, Ла-Рошели или Тоннере» [Монтанари, 2009: 118].

Французский стол разнообразен: мясо, рыба, соусы, колбасы, окорока, пироги, все заливается вином, причем оговариваются и белое, и красное, еще и намек на сорта, для Франции это важно.

В Италии свои предпочтения. Описание сказочной области «Живи-лакомо» содержится в новелле «Декамерона» Дж. Боккаччо. В тех краях «виноградные лозы подвязывают сосисками, гусь идет за копейку, да еще с гусенком впридачу; есть там гора вся из тертого пармезана, на которой живут люди и ничем другим не занимаются, как только готовят макароны и клецки, варят их в отваре из каплунов и бросают вниз; кто больше поймает, у того больше и бывает; а поблизости течет поток из Верначьо, лучшего вина еще никто не пивал, и нет в нем ни капли воды» (Пер. А.Н. Веселовского). В итальянском варианте не сосиски, а «сальсичча» (*salsiccia*), традиционные колбаски для жарки, а клецки – это хорошо известные сейчас, но не во времена переводчика, равиоли. Итальянские гастрономические предпочтения здесь очевидны.

В Англии страна получила знакомое название, на английский лад, Кокейн, но свое «меню»:

Паштетные стены стоят там, ей-богу,
Из жирного мяса и рыб без костей,
Каких никогда не едали вкусней.
Из пышек пшеничных на крышах дрань,
На церкви и кельях, куда ни глянь,
Из пудингов башни стоят по углам...
Еще вот диковина там какая:
Гусей жареных летает стая,
На вертелах все – ей-богу, клянусь!
Гогочут: «Я – гусь, я – горячий гусь!»
Чесноком приправлены гуси не худо,

Изо всех это самое смачное блюдо¹⁸.

Здесь тоже есть свои «трудности перевода». «Паштеты» в оригинале – это пироги с мясной, рыбной и сытной (жирной) начинкой, а пудинги – жирные колбаски, наподобие, кровяной колбасы

Герой комедии Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» (1614) мечтает о свинине: «Но, милая матушка, если мы не станем искать свинью, то как мы найдем ее? Не бросится же она с противня прямо к нам в рот с криком: «Уи, уи!», как в стране лентяев из детской сказочки» (в оригинале “...as in Lubberland”)¹⁹.

Здесь есть отсылка к британской народной песенке, опубликованной XVII в., «Приглашение в Люберланд» (“An Invitation to Lubberland”), в которой капитан рассказывает об увиденной им в плаванье чудесной стране. В ней по улицам бегают жареные поросята, повизгивая: «съешь меня!», улицы вымощены пудингами и пирогами с говядиной и беконом, крыши покрыты блинами, на деревьях растут тарталетки с заварным кремом («кастард»), а каждая лужа являет собой сытное желе. Интересен набор вин: «реки из Кларета», в Средние века это вино производили в Аквитании, регионе, находившимся под властью английской короны, что делало Кларет – «своим» вином в Англии, ручей Мальвазии, еще одного популярного со времен Шекспира вина, привозимого в то время в Англию с Канарских островов, и фонтан Бренди, впервые упомянутого в сказочной стране крепкого напитка²⁰. К этому моменту англичане практически окончательно определились со своими вкусами.

¹⁸ Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956.

¹⁹ Джонсон Б. Варфоломеевская ярмарка. М., 1957. С. 65; Jonson B. Bartholomew Fair. L., 1960. P. 73.

²⁰ An Invitation to Lubberland // The Roxburghe Ballads. Vol. VII. Hertford, 1893. P. 562–563.

Кстати, о напитках. В подобного рода ирландской пищевой утопии говорится: «Некоторые ручьи там текут молоком, иные струятся вином; там, несомненно, существуют реки виски и портера»²¹.

В Германии историю о «Стране бездельников» («Шлаураффий») в 1530 г. записал поэт Ганс Сакс. Несмотря на попытку назидания (в конце мораль: «Пусть каждый с детских лет поймет: Лень до добра не доведет!»); все-таки идея протестантской трудовой этики для немцев неистребима даже в ленивых мечтах о еде), немецкий вариант получился, может, и не слишком изысканный, зато самый сытный. Здесь и каши, и масса хлебобулочных изделий, и любимые немцами сосиски-колбаски, и жареная свинина, кусок которой можно в любой момент отрезать от бегающего поросенка, и множество других вкусовностей:

На свете есть одна страна,
Мила бездельникам она...
Там чудеса вас всюду ждут...
Покрыт блинами каждый дом,
И дверь из пряника притом.
Едва перешагнул порог –
Пол, стены – все сплошной пирог!
А перед домом тын стоит:
Он из сосисок крепко свит...
На соснах колбаса растет,
Тряхнешь березу – сыр спадет,
И, как грибы, среди травы
Ватрушки там найдете вы!..
Бегут навстречу иногда
Там жареных свиной стада;
У каждой нож в спине торчит,
Отрежь кусок и будешь сыт,
Поел – воткни обратно нож...

(Пер. Б. Тимофеева)

В начале Нового времени мир пищевых утопий приобрел новое местоположение – «за океаном». Эпоха великих географических открытий не могла не затронуть и народное воображение. Зачем же еще затевать сложные длительные дорогостоящие путешествия, как не в поисках страны, где изобилие еды и питья, сытая и спокойная жизнь? Немногие сведения, доходившие до народа от моряков и солдат, вернувшихся из плавания, только подогревали эти настроения. Множатся поэмы вроде той, в которой аноним из Модены в первой половине XVI в. воспевает «чудесную страну... которая

---

²¹ Мортон А.Л. Указ. соч.

Доброй Жизнью зовется», открытую «теми, кто Море-Океан одолел». Характерно, что в этих «невиданных и неслыханных» странах нет экзотической еды и непривычных напитков: «только гора тертого сыра высится посреди долины, а на вершину подняли огромный котел»; котел этот, шириной в милю, «все время кипит, варит макароны, а когда они сварятся, выплескивает», и они, скатываясь вниз по горе, «обваливаются в сыре». «И текут ручьи доброго вина». А еще пахучие травы, реки молока, из которого делают вкусный творог, виноград, фиги, дыни; куропатки и каплуны, булочки, белый хлеб; «ослов там привязывают колбасами», а во время дождя «с неба падают равиоли» [Монтанари, 2009: 122]. Народное воображение волновали только картины изобилия своей, любимой и привычной еды. Привезенные из реальных дальних стран новые продукты с трудом пробивали дорогу к сердцу народа. Хотя, спустя несколько веков, многие из них, такие как картофель, кукуруза, подсолнечник, стали спасением для простых людей, а такие как чай – частью традиционной культуры.

На Руси тема волшебной пищи была чрезвычайно популярна. Не потому, что русские любили поесть больше других народов или не любили работать. Просто хлеб, основа питания большей части населения, в силу климатических причин производился здесь сложнее, чем во многих других регионах, а зависимость от него была крайне высока, практически ему не было никакой альтернативы. Так что тяжелый труд и периодический голод были хорошо знакомы жителям страны, что порождало мечты о безбедном и сытном житье. Наиболее древние русские предания дошли до нас преимущественно в виде сказок. Именно в них текут молочные реки между кисельными берегами, печка посреди поля угощает детей пирожками, а дикая яблонька – яблочками. В них – «На море, на окояне, на острове на буяне стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь», образ этот – очень древний (Собрание пословиц и поговорок В.И. Даля). А скатерть-самобранка, загадочные «Шмат-разум» и «Саура» угощают героев любыми лакомствами.

В письменных источниках пищевые утопии появляются поздно. Их древним предвестником можно считать, например, эпизод из Повести временных лет, в котором князь Владимир повелел кормить всех жителей Киева: всякий мог в любое время прийти на княжий двор и получить питье, пищу и даже деньги из казны. Для тех, кто был болен и немощен и не мог добраться до двора, «приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас». А для «своих людей» каждое воскресенье устраивал обильный пир (996 год. Повесть временных

лет / Пер. Д.С. Лихачева). Последнее, вероятно, имело место быть, так как отзвуки боярских застолий у князя сохранились и в русских былинах. А вот раздача еды народу на постоянной основе представляется, скорее, легендой, мифом, сложившимся вокруг Владимира Святого.

Важная особенность отличает пищевое изобилие русских утопий: созданные народом, они представляют весьма ограниченный набор блюд, преимущественно мучных. Так, в сказке о двух Иванах скатерть-самобранка накрывает чудесный обед: «и пироги, и калачи, и с мясом щи, и окорок свиной, и кисель овсяной». Это обычная крестьянская еда, только та, которая доставалась народу по праздникам, раза два в году. При виде таких роскошеств и богатый Иван «покраснел от злости»²².

В русской народной песне «Братья, вы, братья!», записанной в XVII в., стоит церковь, «Из пирогов строена, Лепешками вымощена, Аладьями вывершена, Блинами покрыта; Стоит там поп, Толоконный лоб, Риза соломенная, Подсвешники редишные, Кадила репышные, Свечи морковные»²³.

В XIX в. это пристрастие к своей родной простой пище прекрасно, и очень близко к хорошо знакомому ему народному материалу, обыграл В.И. Даль, в одном из своих сочинений – «Сказке о некоем православном покойном мужичке и о сыне его, Емеле-дурачке» (1834). Его Емеля больше всего любил лук, квас и толокно, самую повседневную крестьянскую еду. Поймав волшебную рыбку, он потребовал исполнения самых заветных желаний. «Наперед, сказал Емеля: чтобы у меня всегда было в волю луку, квасу и толокна; потом, чтобы всякая работа, к какой меня невестки, или другой кто ни приставят, сама собою делалась; а еще в-третьих... а в-третьих, еще луку, квасу и толокна!»

Правда, женившись на царской дочке и разбогатев волшебным образом, Емеля, хотя и сохранил пристрастие к луку, толокну и квасу, позволил себе немного разгуляться, устроив для царя-батюшки и всего народа праздничный пир в шутовском виде: «А пирушку задам я всем подданным твоим такую, чтобы представить примерный приступ и сражение; чтобы из пирогов подовых, здобных и слоеных были выстроены твердыни неприступные, обнесены раскатами из крутой каши масляной, опоясаны тремя рвами широкими; в первом мед, в другом пиво, в третьем вина Фряжския»²⁴.

²² Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы: Русские сказки в пересказе для детей А. Нечаева. М., 1970.

²³ Сатира XI–XVIII вв. М., 1987. С. 405.

²⁴ Сочинения В.И. Даля: В 8 т. Т. 7. СПб., 1883. С. 168-188.

В популярном советском анекдоте мужик поймал золотую рыбку, потребовал море водки, подумал и вторым желанием попросил ящик водки, думал-думал и напоследок решил взять бутылку водки. Конечно, это гипербола и шутка, но примерно так и выглядели пищевые мечты русского мужика: только хлеба, каши и лука для остроты.

А вот роскошное пиршество, выходящее за рамки пирогов, блинов и мясных щей, русский народ просто не мог себе представить, поэтому во многих случаях ограничивался абстрактными замечаниями о богатстве. В сказке «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», это самое «не знаю что» оказалось невидимым существом, накрывающим стол по первому указанию хозяина: «Эй, Шмат-разум! – закричал стрелец. – Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет – все мигом исполнено!» (Афанасьев, № 212²⁵) А в сказке «Скатерть-самобранка» мужик разворачивал скатерть-самобранку, а там – «Батюшки-светы, откуда чего взялось: наставились кушанья разные, меда душистые, вина сладкие, закуски, заедки всякие – стол ломится! Пей, ешь – душа мера!»²⁶

Сами ли по себе или из Европы, но в старинные русские сказки «залетели» и жареные птицы из страны Кокань. Так, встречаются они в известном сказочном зачине о Золотом веке старины: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича» (Афанасьев, № 56).

Есть в России и литературные обработки пищевых утопий, например «Сказание о роскошном житии и веселии» XVII в. В ней, как и положено по законам жанра, рассказывается о богатом и сытном крае. Стилистика описания похожа на европейские средневековые аналоги, а вот продовольственное наполнение свое, отечественное, хотя и не крестьянское, а, скорее, боярское. На столах там «колобы и колачи, пироги и блины, мясные части и кисель, рыбные звены и ухи, гуси жареные и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши [петухи] и чирята, кулики и тетеревы, воробы и цыплята, хлебы ситные и пирожки, и сосуды с разными напитками». Из напитков выделяется мед, которого «велики чаны», есть и иностранные вина, «и браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется». Вообще, алкогольная тема занимает зна-

²⁵ Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984–1985.

²⁶ Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы...

читательное место в русском «роскошном житии». Особенно радует рассказчика, что пей сколько хочешь, «никто не оговорит, ни слова молвит». Более того, «похмельным людям» готово там множество «похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмельныя яствы». Как и в европейских утопиях еда появляется сама по себе, она – часть природы, там «все самородно», как подчеркивает автор. Есть и озеро «вина двойного», т.е. крепкого, и пруд меду, и болото пива. А ценную рыбу – «белугов, осетров и семги, и белых рыбиц и севрюг, стерляди, сельди, лещи и щуки, окуни и караси, и иных рыб» – «тамошние господари» ловят удочками и руками, не выходя из дома, из окон и дверей²⁷.

В XIX в. народные мечты о еде, которая себя производит, готовится, а иногда и сама лезет в рот, проникли в произведения лучших писателей. Вспомним хотя бы гоголевские галушки, которые в сметану обмакиваются и в рот прыгают: «... Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать. “Вишь, какое диво!” – подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже выказал губы сметаную» (Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством). Кузнец, правда, резонно связал такое «чудо» с нечистой силой и «прыгающий» вареник есть не захотел. Заметим, что и здесь сохранен национальный пищевой колорит, галушки, вареники и сметана – важная составляющая украинской кухни.

Мечта о сытной еде не умерла с прогрессом цивилизации, который, увы не принес пищевого изобилия широким массам населения, скорее, наоборот, голод стал еще более повсеместным явлением в новое время. Революции, сотрясавшие Европу, проходили под знаком «хлеба», требовали именно его, а не «бриошей». Революции для народа также стали чем-то вроде утопий: мол, прогоним богатых бездельников и сами наедемся, ничего не делая. Понятия «свободы» и «равенства» – абстракции для тружеников, обещание хлеба или курицы по воскресеньям воздействуют на них гораздо сильнее.

Традиционные мотивы продолжают встречаться в народном творчестве в новое время, чаще всего в песнях, балладах и сказках.

---

²⁷ Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 591–593.

В Англии в «Песнях бардов реки Тайн», опубликованных в 1849 г., в одной поэме мы находим такой отрывок:

Повидать Робин Гуда зашел я однажды,
Выпил там пару кварт с Джоном Найпсом, брат,
Проповедник Уисли был там, утолял свою жажду,
И, трубку свою куря, похваливал пиво, брат.
На дереве каждом там ляжки бараньи висят.
Джек Найпс рассказал – не соврал он нисколько, ей-ей! –
А в дождь там с ветвей куски сала летят.
То-то можно пожать, только рот подставляй скорей!²⁸

Народный фольклор в XIX в. был собран и во многих случаях адаптирован для детей, так пищевые утопии перешли в детские сказки, стали мечтой не только взрослых, но и голодных детей: «Девочка увидела перед собой комнату, а на ней стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный дорогим фарфором. На столе, распространяя чудесный аромат, стояло блюдо с жареным гусем, начиненным черносливом и яблоками! И всего чудеснее было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола, и как был, с вилкой и ножом в спине, вперевалку заковырял по полу»²⁹.

Мечта о волшебной стране во многих случаях получила к XIX в. вполне конкретную направленность и название. С того времени, как одиночных беглых преступников и искателей приключений сменила волна крестьян-переселенцев, Америка стала для многих тем местом, где они надеялись обрести не только свободу, но и любимую пищу в изобилии. Так, в популярной норвежской песне, впервые появившейся в печати в 1853 г., сказочный персонаж приглашает всех и каждого променять свое жалкое существование на свободу в США, городе Олеане; вот отрывок из нее:

В Олеане дадут тебе землю даром, а злаки прямо сами из нее лезут – вот тебе и деньги на веселье!

Зерно само обмолачивается в амбаре, в то время как я валяюсь на своей кровати.

И мюнхенское пиво, самое лучшее, какое можно сварить в Иоттеборге, и ручейки его текут там на радость беднякам.

И румяные жареные поросята мило резвятся вокруг и вежливо спрашивают: не хочет ли кто ветчины?»³⁰

Увы, в Америки земной рай оказался столь же далек от реальности, как и в других регионах земли. Так что пищевые утопии оказались актуальными и для этой части земного шара. Наиболее

²⁸ Мортон А.Л. Указ. соч.

²⁹ Андерсен Г.Х. Сказки и истории. М., 1989. С. 230.

³⁰ Мортон А.Л. Указ. соч.

известная из них, которую до сих пор поют исполнители кантри песен (например, в фильме «О где же ты, Брат», 2000, братьев Коэнов), это «Большие Леденцовые горы». Она была записанная впервые в 1928 г. и представляет собой своеобразный гимн рабочих («хобо»), бродяжничавших по стране. Отберем только «пищевую» составляющую песни, указывающую на вкусовые предпочтения простых американцев начала XX в.:

В Леденцовых Больших горах...
Кладут яйца всмятку куры.
Сады у фермеров полны плодов...
Ручейки из джина и спирта
Журчат себе по скалам...
Жаркое там в озере виски...
Земляничный пирог
Там, как башня, высок,
Сливки сбитые возят возами.
Будем есть, что захотим!
Там омлет с ветчиною растет
На деревьях над озером с пивом [Rammel, 1990].

В оригинале есть еще лимонадные источники и озеро тушеного мяса.

Своего рода пищевую утопию советского периода находим в популярных книгах для детей про неугомонного Незнайку. Во второй книге герой с друзьями оказывается в Солнечном городе (аналогия с утопией Томмазо Компанелло «Город Солнца» здесь очевидна). Это своего рода страна победившего коммунизма (хотя напрямую об этом и не говорится), идеальный город, где среди прочих радостей и благ много еды. Причем еда эта абсолютно бесплатная, как и положено в пищевых утопиях: «Вы можете зайти в любую столовую и есть что хотите», уверяет героев жительница Солнечного города Клепка. Именно бесплатная еда понравилась Незнайке больше всего в городе свободы, равенства и братства. «У нас если захочешь яблочка, так надо сначала на дерево залезть; захочешь клубнички, так ее сперва надо вырастить; орешка захочешь – в лес надо идти. У вас просто: иди в столовую и ешь, чего душа пожелает, а у нас поработай сначала, а потом уж ешь», радуется герой.

Еда, опять же по законам жанра такого рода утопий, возникает из ниоткуда. И еда эта – самая простая, ничем не отличающаяся от обычной еды русского и советского человека. Меню Солнечного города показывает, как мало изменилось представление о счастье в пищевом вопросе даже к середине XX в. Милиционер Свистулькин, проголодавшись идет на кухню. Он «подошел к небольшой дверце в стене и начал нажимать имевшиеся по бокам кнопки, возле кото-

рых были сделаны надписи: «Суп», «Каша», «Кисель», «Компот», «Хлеб», «Пирог», «Вермишель», «Чай», «Кофе» и разные другие. Открыв после этого дверцу, за которой не обнаружилось ничего, кроме четырехугольного отверстия, милиционер Свистулькин сел на стул и стал ждать. Минуты через две или три сквозь имевшуюся внизу дыру поднялась небольшая кабина так называемого кухонного лифта... Открыв дверцу кабины, Свистулькин принялся вынимать из нее тарелки с супом, кашей, киселем, сковородку с пудингом, кофейник, сахарницу, тарелку с пирогами и нарезанным хлебом и прочее. Поставив все это перед собой на столе, он принялся с аппетитом завтракать». Каша, супы и хлеб, вот еда победившего коммунизма в представлении жителей Старины Советов, не сильно отличающаяся от пищи русского крестьянина времен царизма (Носов Н. Незнайка в Солнечном городе).

Третья книга «Незнайка на Луне» вышла уже в 1960-х. Здесь мы сталкиваемся со своего рода «антиутопией», речь идет о капиталистическом обществе, где человек человеку волк. Еда, однако, здесь хороша (только за нее надо платить, и много), и также не сильно отличается от предпочтений русского крестьянина: «Через пять минут Незнайка и Козлик сидели в тёплом помещении столовой и с аппетитом уплетали вкусный перловый суп с пирогами и гречневую кашу с маслом». В ресторане еда оказывается также очень вкусной (и дорогой). Здесь автор делает попытку показать роскошную жизнь, отойдя от каши и пирогов: «Незнайка пожелал съесть тарелочку супа, после чего попросил принести порцию макарон с сыром, потом съел ещё две порции голубцов, выпил чашечку кофе и закусил клубничным мороженым. Всё это оказалось чрезвычайно вкусным» (Носов Н. Незнайка на Луне).

Еда – наиболее устойчивая к воздействию глобализации часть материальной культуры. Ее основу составляют базовые продукты, состав которых, как правило, достаточно устойчив и постоянен. Пищевые утопии, создаваемые человечеством на протяжении тысячелетий, наглядно иллюстрируют и наличие базовых продуктов у разных народов, и особенности традиций питания, и устойчивость этих традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжская Т.Ю.* Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 51–76.
2. *Королев К.М.* Мифология Британских островов. М., 2007.
3. *Кэ Ю.* Мифы древнего Китая. М., 1987.

4. Молчанова Г.Г. Традиции гасстики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20–26.
5. Монтанари М. Голод и изобилие. М., 2009.
6. Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Ч. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 23–38.
7. Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы Часть 2. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 26–41.
8. Раевская М.М., Киселева Л.Н. Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 77–87.
9. Rammel H. Nowhere in America: The Big Rock Candy Mountain and Other Comic Utopias. Champaign, 1990.

REFERENCES

1. Zagrzazkina T.Ju. 2015 Kody francuzskoj kuhni v kontekste narrativnyh tekstov [Codes of the French Cuisine in the Context of Narrative Texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 51–76. (In Russ.)
2. Korolev K.M. 2007. *Mifologija Britanskih ostrovov* [Mythology of the British Islands]. Moscow. (In Russ.)
3. Kje Ju. 1987. *Mify drevnego Kitaja* [Myths of the Ancient China]. Moscow. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2013. Tradicii gastiki kak otrazhenie nacional'noj i regional'noj identichnosti. [Gastic Traditions as a Reflection of National and Regional Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–26. (In Russ.)
5. Montanari M. 2009. *Golod i izobilie* [Starvation and Abundance]. Moscow. (In Russ.)
6. Pavlovskaya A.V. 2015. Gastrosofija: nauka o eде. K postanovke problem. Part 1. [Gastrosophy: the science of food. Formulation of the problem. Part 1]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 23–38. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2016. Gastrosofija: nauka o eде. K postanovke problem. Part 2. [Gastrosophy: the science of food. Formulation of the problem. Part 2]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 26–41. (In Russ.)
8. Raevskaja M.M., Kiseleva L.N. 2015. Ispanskaja gastronomicheskaja tradicija kak jelement sociokul'turnoj identichnosti [The Spanish Gastronomic Tradition as an Element of Socio-Cultural Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.)
9. Rammel H. 1990. Nowhere in America: The Big Rock Candy Mountain and Other Comic Utopias. Champaign, University of Illinois Press.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 27.08.2021;
approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, annapavl@mail.ru

About the author

Anna V. Pavlovskaya – Dr. habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, annapavl@mail.ru

РОССИЙСКИЙ ПАБЛИК-АРТ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ТРЕНДЫ

Е.А. Карцева, О.В. Шлыкова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
katya.kartseva@gmail.com*

*Российская академия народного хозяйства и госслужбы
при Президенте РФ, Москва, Россия, olgashlykova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена специфическим особенностям российского публичного искусства – феномену современного искусства, получившему распространение с 2000-х годов, но по-прежнему недостаточно исследованному в российском академическом сообществе. Предпринята попытка обобщить работы отечественных экспертов, обозначающих поворот от одномерной характеристики публичного искусства к его многомерной сущности, к вееру интерпретаций, рождению новых концептов, свидетельствующих о понятийных сдвигах и культурных трансформациях прикладных разработок публичного искусства. Рассмотрены актуальные тренды российского публичного искусства: поворот чиновников и жителей городов к публичному искусству как инструменту развития территории; востребованность в развитии городского пространства и культурного ландшафта средствами фестивально-биеннального движения и артрезиденций на территории России, влияние цифровой культуры и пандемийной изоляции на трансформации публичного искусства и др. Сделан акцент на компетенциях, необходимых профессионалам для работы в публичном искусстве, а также перспективах данной практики в России. Авторы заключают, что развитие современного искусства в ближайшем будущем движется к расцвету социально ангажированных практик. Темы, волнующие артсообщество, – инклюзия, социальные и политические проблемы, постколониальный дискурс, где искусство, как форма коллективного общественного высказывания и результат групповой деятельности, приходят на смену индивидуалистской логике.

Ключевые слова: публичное искусство; стрит-арт; арткластеры; городская артсреда; общественное пространство; цифровые артпрактики; художественные комьюнити; творческий и культурный капитал

Финансирование: Статья подготовлена в ГАУГН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Карцева Е.А., Шлыкова О.В. Российский публичное искусство: актуальные практики и тренды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 169–181.

PUBLIC ART: RUSSIAN OPTICS

Ekaterina A. Kartseva, Olga V. Shlykova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

katya.kartseva@gmail.com

Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,

olgashlykova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the specific features of Russian public art—a phenomenon of modern art that has been widespread since the 2000s, but has not been sufficiently studied yet in the Russian academic community. An attempt is made to generalize the works of domestic researchers that indicate a turn from one-dimensional characteristics of public art to its multidimensional essence, to a wide variety of interpretations, the birth of new concepts that indicate conceptual shifts and cultural transformations of applied developments of public art. The authors focus on the current trends of Russian public art (the interest of officials and city residents in public art as a tool for the development of the territory; the demand for the development of urban space and cultural landscape in the context of the dynamics of the festival-biennial movement and the number of art residencies in Russia, the influence of digital culture and pandemic isolation on current forms of public art, etc.). The emphasis is placed on the competencies necessary for professionals to work in public art, as well as the prospects of this practice in Russia. The authors conclude that the development of modern art in the near future is moving towards the flourishing of socially engaged practices. The topics that concern the art community today are inclusion, social and political problems, postcolonial discourse, where art, as a form of collective public expression and the result of group activity, is replacing individualistic logic.

Key words: public art; street art; art clusters; urban art space; public space; digital art practices; the creative potential of the city; artistic communities; competencies; creative and cultural capital

Funding: The article was prepared at the State Academic University of Humanities in the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic # FZNF-2020-0001 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

For citation: Kartseva E.A., Shlykova O.V. (2022) Public Art: Russian Optics. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 169–181. (In Russ.)

Введение. Истоки публичного искусства и его дефиниции. Лингвистическое значение «Публичное искусство» (от англ. “Public-art”) сводится к его одномерной характеристике, представленной в справочных словарях и энциклопедиях. Это публичное искусство, демонстрируемое вне специализированных выставочных пространств на улицах, площадях городов, в парках или внутри общественных зданий, таких как

больницы, университеты, библиотеки и прочие общественные пространства.

Актуальный пространственно-культурный дискурс объединяет идеи об искусстве, архитектуре и городском дизайне с теориями города и общественным пространством [Литовко, 2019]. Процесс художественного творчества, как и его восприятие, все более переживает здесь и сейчас, при непосредственном участии зрителя. На первый план современных артпрактик выходят эксперименты в области социальной партиципации, взаимодействия и диалога между различными группами людей. «Традиционная выставка с ее конфликтами и радостями размещения работ уступает место путешествию. Как карта замещает картину, так город приходит на место музея» [Бишоп, 2005: 289].

Сегодня наиболее активно используются не только постиндустриальные территории для проектов паблик-арта, но и жилые кварталы, пространства некогда действующих предприятий/арт-кластеров, возникших на месте закрытых производств. Паблик-арт становится одним из драйверов социокультурных трансформаций в эстетике постиндустриальных и жилых городских пространств.

Происхождение термина паблик-арт во многом связано с американскими государственными программами искусства в общественных пространствах.

Истокам, целям и инструментам паблик-арта в США посвящены многочисленные труды и исследования таких авторов, как Сюзанна Лэйси [Lacy, 1995], Мивон Квон [Квон, 2013], Шэр Краузе Найт [Cher, 2008], Том Финкерпол [Finkelpearl, 2000] и др. Они рассматривают паблик-арт от 18 метрового барельефа со скульптурными портретами американских президентов в горе Рашмор (англ. *Rushmore*) до таких проектов, как «Квилт», представляющий собой лоскутные одеяла, каждый кусочек которых – в память о человеке, умершем от СПИДа. Масштабный проект «Квилт» инициирован Кливом Джонсом в 1987 г. и продолжается до сих пор во многих странах мира (включая Россию).

В отечественном искусствознании, еще в советский период осмыслению не только идейно-творческих подходов, но также актуальных проблем пространства отводилось внимание на страницах журналов «Советское монументальное искусство», «Искусство», «Советский экран», «Театральная жизнь» и другие, которые дают представление об истоках российского протопаблик-арта, закономерных посылах и неких культурных кодах современных форм урбанистического искусства как территории социальных интересов и новых эстетических концептов.

И все же паблик-арт, как практика современного искусства, несмотря на все более его активное признание художественным комьюнити с научной точки зрения по-прежнему находится на начальной стадии формирования целостной теории паблик-арта.

Один из первых исследователей паблик-арта в России Наиля Аллахвердиева описывает паблик-арт как «институциональную альтернативу» [Аллахвердиева, 2012]. В 2015 г. некоммерческий фонд современного искусства V-A-C, основанный в 2009 г. Леонидом Михельсоном и Терезой Иароччи Мавика, запустил в Москве свою программу, направленную на распознавание точек взаимного интереса искусства и города. Обобщение этой двухгодичной программы 2015–2026 гг. было издано в двух томах [Расширение пространства, 2018]. Теоретики стрит-арта в качестве категории для размежевания уличного искусства, паблик-арта предлагают критерии санкционированности институциями, тем самым порой сужая границы применения понятия «паблик-арт» [Эстетика стрит-арта, 2017]. Более развернуто терминологическим подходам и критериям паблик-арта посвящена статья Е.А. Карцевой, М.Л. Звягинцевой, где делается вывод, что «Искусство в общественной среде может обретать разные формы – это зонтичный термин, который значительно шире и вбирает в себя различные стратегии». При этом среди важных критериев паблик-арта выдвигаются: «Сайт-специфичность; Наличие неподготовленного зрителя; Партиципаторность; Социальная ангажированность; Процессуальность; Изменение аутентичности места» [Карцева, Звягинцева, 2020].

Закономерно, что пафос современных исследовательских работ по паблик-арту усиливается урбанистическим и социальным контекстом. Важно разобраться, «какой вызов бросает современный город искусству? Город в контексте развития паблик-арта становится «холстом» для художника или пространством диалога?

Паблик-арт стал предметом дискуссии федерального масштаба в рамках международной конференции «Public-Art VS Город: диалог или противостояние», организованной Государственным Институтом Искусствознания в Москве в 2021 г.¹

Основной ее вывод: обобщение российского опыта является необходимым этапом формирования общей картины актуальных практик российского паблик-арта и трудностей, которые лежат на пути его развития в России. Нужны поиски решения проблем, связанных с легальностью артобъектов, их эстетической значимостью и отличием от декорирования, авторскими правами паблик-артистов,

¹ Public-Art VS Город: диалог или противостояние. 22.06. – 23.06.2021. URL: http://sias.ru/upload/iblock/e39/ED_Publoc_art_anons_konferentsii_2021.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

сохранностью и реставрациями публич-артобъектов, длительностью жизненного цикла публич-артобъектов.

Современным тенденциям публич-арта посвящены работы, в которых представлен обзор проектов Екатеринбурга, связанных с такими видами уличного искусства, как современная скульптура и артобъекты [Сидельникова, Береговая, 2020], урбанистика и креатосфера Арктики [Замятин, 2020; Шлыкова, 2021].

Нельзя не отметить, что в работе с российскими культурными ландшафтами, важно учитывать нюансы, связанные с ментальностью жителей, живущих в регионе [Шугуров, 2019], геокультурными особенностями, включающими такие аспекты темы, как антропология Холода, например, депрессивность городов Севера с их суровыми климатическими условиями.

Современные тренды публич-арта в России. Долгое время «союз искусства и города» олицетворяли преимущественно монументальные памятники, «которые были местом встречи городского пространства и консолидирующих общество идей» [Трубина, 2013]. С распадом СССР советская концепция монументального искусства стала менее востребованной не только по причине утраты идеологических истоков, но в связи с активным развитием постмодернистской парадигмы культуры. Конец 1980-х – начало 1990-х сопровождается долгожданным выходом из подполья художественных направлений культуры, относимых ранее к неофициальной, неконформистской и авангардной.

Открытость художественных поисков, стремление интегрироваться в глобальный мировой художественный процесс приводят к появлению новой генерации современных российских художников, работающих в постмодернистской манере. Важной чертой постмодернистской эстетики в целом является преодоление вакуума, закрытости художественных практик. Выход в городское пространство, к зрителю, снятие границ между искусством и жизнью – стратегии, предпосылки которых были заложены еще русскими авангардистами.

Чистое идеалистическое модернистское пространство радикально вытесняется материальностью реального и обычного места повседневности. Визуальная среда России 1990-х годов характеризовалась активным «раскультиванием» пространств. Ткань городов заполняется безликими жилыми и офисными комплексами, агрессивной наружной рекламой. Для современного искусства 1990-е стали всплеском акционизма, радикальных перформансов и несогласованных художественных акций. Во многом, это было связано с неразвитостью артинституций и галерейного бизнеса, переходным периодом в политической и социальной сферах. Тогда же в 1990-е

формируется так называемая уличная волна, субкультура граффити и стрит-арта, отличительной особенностью которых является спонтанный, нелегальный, поэтому кратковременный характер. Потенциал города становится предметом интереса современных художников и кураторов.

В 2000-е годы с установлением большей экономической стабильности на улицах российских городов начинают появляться согласованные арт-объекты, авторами которых выступают не только скульпторы, но и художники, развивающие такие прогрессивные направления, как паблик-арт, стрит-арт или лэнд-арт [Вешнев, Ткач, 2021]. Парки, улицы и мостовые российских городов становятся полем для экспериментов не только в рамках стихийных, маргинальных практик, но и по согласованию с властями, бизнесом или арт-институциями, что достаточно быстро выявляет противоречия между практиками современного искусства и попытками властей «украсить» городскую среду.

Столичный опыт городского благоустройства в последние годы активно переносится на регионы. Из федерального бюджета было выделено 42 млрд руб. на программу благоустройства общественных пространств в 40 городах России [Доклад о лучших муниципальных практиках участия в реализации региональных проектов, 2020].

Паблик-арт обнаруживает проблему практической невозможности быть изолированным от не всегда видимых, но всегда присутствующих согласований со стороны города, чиновников, частных заказчиков и институций. Борьба за городское пространство между коммунальщиками, жителями и артсообществом актуализируется вопросами легальности искусства: несанкционированные произведения уничтожаются, а санкционированные подвергаются критике.

Наиболее распространенные варианты осуществления паблик-арт проектов в России сегодня можно типологизировать в зависимости от следующих аспектов:

- проекты по согласованию с собственником здания;
- джентрификация заводов, действующих или заброшенных;
- инструмент исследования территории (во время биеннале современного искусства);
- инструмент развития территории, инициированный городскими менеджерами (в рамках фестивалей, например).

В Москве заказчиками паблик-арт проектов часто выступают парки или управы районов, которым они подведомственны. Уличные инсталляции и арт-объекты можно увидеть как в центральных парках ЦПКиО им. Горького, ВДНХ, Зарядье, Аптекарский огород, так и в парках спальных районов – в Кузьминках, Отрадном, музее-за-

поведнике Царицыно. В Санкт-Петербурге на территории пространств, таких как «Малая Голландия», «Севкабель порт» или Музей стрит-арта. В Аэропорту «Пулково».

Тема паблик-арта особенно актуальна для территорий, которые, порой обладая богатым культурным и творческим наследием, при этом испытывают некую депопуляцию. При этом особенно важны новые образы городской среды, которые укрепляют ее имидж.

В регионах паблик-арт востребован в рамках активно растущего фестивального и биеннального движения. Фестивали «Архстояние» в Николо-ленивце, «Стена» и “СНО! Artfest” в Екатеринбурге, «Место» в Нижнем-Новгороде, «Арт-проект» в Санкт-Петербурге, «Арт-Овраг» в Выксе, «ВолгаФест» в Самаре выступают главными площадками демонстрации паблик-арта.

Активным импульсом к взаимодействию художников с городом становятся биеннале современного искусства. Это и Уральская индустриальная биеннале современного искусства, и Якутская биеннале, и набирающие популярность артрезиденции. Например, арт-парк «Голубицкое» на виноградниках Таманского полуострова.

Интерес к паблик-арту со стороны региональных властей объясняется тем, что этот жанр современного искусства, оказывается более эффективной технологией выстраивания территориального бренда, нежели традиционные скульптуры. Кроме того, материалы, из которых возводится паблик-арт, подчас дешевле традиционных бронзы или мозаики. Для художников – это также возможность реализовать масштабные проекты в городской среде и получить народное признание, выйдя за рамки узкопрофессионального комьюнити.

Сегодня наиболее активно используются не только постиндустриальные территории для проектов паблик-арта, но и жилые кварталы, пространства некогда действующих предприятий/арт-кластеров, возникших на месте закрытых производств. Паблик-арт становится одним из драйверов социокультурных трансформаций в эстетике постиндустриальных и жилых городских пространств.

Пандемия ковид-19 по-своему актуализировала востребованность паблик-арта. Искусство на улицах городов, в парках, на фасадах зданий более безопасно с точки зрения соблюдения норм социального дистанцирования. В отличие от цифровых проектов, которые зритель смотрит с экранов устройств, произведения в городской среде не лишены ауры и сохраняют способность очеловечивать среду общения, снимать внутреннее напряжение, улучшать индивидуальное и коллективное самочувствие. Паблик-арт как возможность взаимодействовать в публичной среде, хоть и без прямого

контакта, становится важным компенсаторным инструментом человеческого сообщения.

Вместе с тем новые медиа, обладая качествами: интерактивности, особым интерфейсом, организацией баз данных, пространственной навигацией, а также новыми парадигмами их создания, вводят в логику паблик-арта цвет, композицию, ритм и другие компоненты [Пол, 2017]. Благодаря современному дизайну они органично вписываются в цифровой ландшафт паблик-арта, который в рамках стратегий цифрового и постцифрового искусства возвращает, «втаскивает» образы и процессы виртуального мира в мир физический. Художники рефлексируют, насколько новая эстетика повлияла на представления о культурной норме, стиле, чтобы зафиксировать цифровые трансформации артурбанистики. Например, артобъекты человечков и животных в эстетике пиксельной графики Андрея Люблинского, установленные в разных городах России. Артобъект «Галочка Pin» Recycle Art Group или серия скульптур «Папье-маше», словно выведенных из виртуального пространства художником Валерием Казасом в Краснодаре.

Реализация в регионах концепции Smart City дает примеры того, как можно развивать паблик-арт с учетом световой, звуковой, цветовой палитры артобъекта, достигая «идеала визуальной семиотики» [Грибова, 2017].

Искусство паблик-арта в России динамически развивается, трансформируется, расширяется, прорастая в городскую среду, мигрируя из центральных районов в спальные, из объективной реальности в виртуальную. Распространенной практикой паблик-артфестивалей и конкурсов является активизация креативного потенциала жителей города, приглашение их к сотрудничеству, когда учитывается не только замысел автора, но и мнение местных жителей, как заказчиков или даже соисполнителей работы. Диалог между властью, арт-сообществом и художниками становится более продуктивным. Курировать проекты приглашаются авторитетные в экспертной среде институции, такие, как Типография или Артмосфера.

Выводы. Несмотря на растущий интерес к паблик-арту, круг художников, который могут реализовывать подобные проекты, по-прежнему достаточно узок, – Дима Аске, Андрей Люблинский, Марина Звягинцева, Николай Полисский, Андрей Бартенев, Саша Фролова, Леонид Тишков, Recycle Art Group, дуэт Миш Маш, Сергей Катран, Дмитрий Каварга и некоторые другие. Это объясняется необходимостью специфических компетенций, которым пока недостаточно учат в художественных вузах [Muzykant, Shlykova, 2019].

Во-первых, это работа с открытыми пространствами, с улицей.

Во-вторых, наличие узнаваемого авторского стиля, ярко выраженной творческой индивидуальность.

В-третьих, гибкость, умение работать с ультрасовременными материалами, такими как пластик, латекс, 3-D принтер и т.д.

В-четвертых, наличие особых коммуникативных навыков, среди которых готовность взаимодействовать с жителями, к длительным, изнуряющим согласованиям с заказчиками.

Логика развития современного искусства в ближайшем будущем движется к расцвету социально ангажированных практик. Темы, волнующие артсообщество сегодня, – инклюзия, социальные и политические проблемы, постколониальный дискурс, где искусство, как форма коллективного общественного высказывания и результат групповой деятельности, приходят на смену индивидуалистской логике. Паблик-арт – всегда сайт-специфик, делается в связке с социальным контекстом, определенным образом спорит, взаимодействует, ведет диалог с местом. Он также неизбежно начинает задавать вопросы о существовании искусства и той аудитории, которая с этим искусством сталкивается, провоцируя социальную коммуникацию, отражающую потребности Времени.

В этой парадигме изменяется форма производства и рецепции искусства, где художник и зритель могут перевоплощаться. Художник в паблик-арте будущего будет принимать на себя функции культурного менеджера, чей функционал не просто оформление и рекреация, а разновидность процессуальной практики, вовлекающей жителей, прохожих в создание искусства. Социальные процессы, запущенные таким образом могут давать большой эффект.

Перспективным направлением является изучение паблик-арта через раскрытие культурных кодов и практик, локализованных на местном уровне. «Живая культура», воплощенная в деятельности местных жителей часто утрачивается. Сотрудничество с художниками может запустить механизм выявления, позиционирования и продвижения уникальных культурных особенностей российских городов, поселков и сел, формируя идентичность территории через практики не только материальной, но и нематериальной культуры.

В народном искусстве научный интерес представляет потенциал коллективного анонимного производства культурных ценностей. В этом ключе, если понимать паблик-арт как искусство создаваемое обществом, можно говорить о возникновении некоего социального механизма и эстетики его взаимоотношений, через изобразительное искусство, танец, поэзию, музыку, циркуляцию творческих и инновационных идей.

Паблик-арт становится выразителем эстетики взаимоотношений в отдельно взятом районе или городе, готовым манифестировать

потенциал его творческой и гражданской свободы, наличие определенной экосистемы инновационных идей и социальных связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердиева Н.* Паблик-арт – это перепланировка реальности // Искусство. 2012. № 3 (582). URL: <https://izmajlovskij.ru/sadovyjj-instrument/nailya-allahverdieva-pablik-art-eto-pereplanirovka-realnosti.html> (дата обращения: 01.07.2021).
2. *Бишон К.* Социальный поворот в современном искусстве // Художественный журнал. 2005. № 58–59. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/povorot> (дата обращения: 15.02.2020).
3. *Вешнев В.П., Ткач Д.Г.* Современный российский стрит-арт: становление и развитие // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 343–351.
4. *Грибова К.Л.* Города и городское пространство в эпоху дигитализации // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 22.12.2017 / Высшая школа экономики, Научно-исследовательский университет: Изд-во АПК и ППРО, 2017. С. 25–27.
5. Доклад о лучших муниципальных практиках участия в реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей национальных проектов и результатов их реализации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cef4c87efa4337b5778_a0b0f1c7_d77cf/doklad.pdf (дата обращения: 01.07.2021).
6. *Замятин Д.Н.* Постурбанизм и Холод: Геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов северных и арктических городов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 218–227.
7. *Карцева Е.А., Звягинцева М.Л.* Паблик-арт: терминологические подходы и критерии идентификации / Е.А. Карцева, М.Л. Звягинцева // Артикульт. 2020. № 37(1). С. 58–73.
8. *Квон М.* Паблик-арт как публичность: [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2013. № 89. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/8/article/80> (дата обращения: 15.07. 2021).
9. *Литовко А.В.* Концепция наполняемости городского пространства элементами паблик-арта // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. статей XXV Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. 1 / Южный федеральный ун-т. Пенза, 2019. С. 311–314.
10. *Манович Л.* Теории софт-культуры. Н. Новгород, 2017.
11. *Пол Кристиана.* Цифровое искусство. М., 2017.
12. *Расширение пространства: художественные практики в городской среде: В 2 т. М., 2018.*
13. *Сидельникова Е.С., Береговая О.В.* Паблик-арт как феномен современного искусства // Современные тенденции изобразительного, декоративного прикладного искусства и дизайна / Уральский гос. архитектурно-художественный университет. 2020. № 2. С. 5–11.
14. *Трубина Е.* Город: стратегии и тактики: [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2013. № 89. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/8/article/80> (дата обращения: 15.07.2021).
15. *Шлыкова О.В.* Цифровой ландшафт культуры Севера: в поисках ценностных смыслов // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / Отв. ред. И.В. Нам. М.; Томск, 2021. С. 576.

16. *Шугуров П.Е.* Социокультурная динамика городского искусства в России на примере г. Владивостока: Автореф. дисс. ... канд. искусствовед. Владивосток, 2019.
17. Эстетика стрит-арта: сборник статей /ФГБОУ ВО «Санкт-Петерб. гос.ун-т промышленных технологий и дизайна»; под общ. ред. К.А. Куксо. СПб., 2018. 96 с.
18. *Cher Kraus Knight* Public Art Theory, Practice, and Populism Wiley-Blackwell, 2008.
19. *Muzykant V., Shlykova O.* Media Competences as the Keystone of Electronic Culture and Contemporary Education // Media Education (Mediaobrazovanie). 2019. № 59 (1). P. 105–115.
20. *Lacy S.* Mapping The Terrain: New Genre Public Art Bay Press, 1995. URL: Monoskop.org https://monoskop.org/images/7/7c/Lacy_Suzanne_ed_Mapping_the_Terrain_New_Genre_Public_Art_1995.pdf (дата обращения: 15.07.2021).
21. *Finkelpearl Tom* Dialogues in Public Art Cambridge, 2000.

REFERENCES

1. Allahverdieva N. 2012. Pablik-art – eto pereplanirovka real'nosti [public art is a replanning of reality]. *Iskusstvo*, no. 3 (582). URL: <https://izmajlovskij.ru/sadovyjj-instrument/nailya-allahverdieva-pablik-art-eto-pereplanirovka-realnosti.html> (accessed: 01.07.2021). (In Russ.)
2. Bishop K. 2005. Social'nyj povorot v sovremennom iskusstve [Social turn in contemporary art]. *Hudozhestvennyj zhurnal*, no. 58–59. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/povorot> (accessed: 15.02.2020). (In Russ.)
3. Veshnev V.P., Tkach D.G. 2021. Sovremennyy rossijskij strit-art: stanovlenie i razvitiye [Contemporary Russian street art: formation and development]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 59, pp. 343–351. (In Russ.)
4. Gribova K.L. 2017. *Goroda i gorodskoe prostranstvo v epohu digitalizacii* [Cities and urban space in the era of digitalization]. In *Kul'tura kommunikacij v usloviyah cifrovoj i sociokul'turnoj globalizacii: global'nyj i regional'nyj aspekty: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt.konf. 22.12.2017. Vysshaya shkola ekonomiki, Nauchno-issledovatel'skij universitet. Moscow, APK i PPRO*, pp. 25–27. (In Russ.)
5. Doklad o luchshih municipal'nyh praktikah uchastiya v realizacii regional'nyh proektov, obespechivayushchih dostizhenie celej, pokazatelej nacional'nyh proektov i rezul'tatov ih realizacii. 2020. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii*. 30.01.2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/cef4c87e-fa4337b5778a0b0f1c7d77cf/doklad.pdf> (accessed:01.07.2021). (In Russ.)
6. Zamyatin D.N. 2020. Posturbanizm i Holod: Geokul'turnye obrazy i reprezentacii kul'turnyh landshaftov severnyh i arkticheskikh gorodov [Posturbanizm and Cold: Gejultural Images and Representations of Cultural Landscapes of Northern and Arctic cities]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (51), pp. 218–227. (In Russ.)
7. Kartseva E.A., Zvyaginceva, M.L. 2020. Pablik-art: terminologicheskie podhody i kriterii identifikacii [Public art: terminological approaches and identification criteria]. *Artikul't*, no. 37(1), pp. 58–73. (In Russ.)
8. Kvon M. 2013. Pablik-art kak publichnost' [Public art as a publicity]. *Hudozhestvennyj zhurnal*, no. 89. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/8/article/80> (accessed: 15.07. 2021). (In Russ.)
9. Litovko A.V. 2019. *Koncepciya napolnyaemosti gorodskogo prostranstva elementami pablik-art* [The concept of filling urban space with elements of public art] In

- Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii*: Sb. statej XXV Mezhdunar.nauch.-prakt.konf. v 2h ch. Penza, YUzhnyj federal'nyj un-t. (In Russ.).
10. Manovich L. 2017. *Teorii soft-kul'tury* [Soft culture theories]. Nizhnij Novgorod, Krasnaya lastochka. (In Russ.)
  11. Pol Kristiana. 2017. *Cifrovoe iskusstvo* [Digital art]. Moscow, ООО «Ad Marginem Press. (In Russ.)
  12. Rasshirenie prostranstva: hudozhestvennye praktiki v gorodskoj srede. 2018. [Expanding space: Artistic practices in an urban environment]. In 2 vol. Moscow, V-A-C press. (In Russ.).
  13. Sidel'nikova E.S., Beregovaya O.V. 2020. Pablik-art kak fenomen sovremennogo iskusstva [Public art as a phenomenon of contemporary art]. *Sovremennye tendencii izobrazitel'nogo, dekorativnogo prikladnogo iskusstva i dizajna*, no. 2, pp. 5–11. (In Russ.)
  14. Trubina E. 2013. Gorod: strategii i taktiki [City: strategies and tactics]. *Hudozhestvennyj zhurnal*, no. 89. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/8/article/80> (accessed: 15.07.2021). (In Russ.)
  15. Shlykova O.V. 2021. *Cifrovoy landshaft kul'tury Severa: v poiskah cennostnyh smyslov* [The digital landscape of the culture of the North: in search of value meaning] In *Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov*. Tomsk, CH54 6–9 iyulya 2021 g. / otv. red. I.V. Nam. Moscow; Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 576 p. (In Russ.)
  16. Shugurov P.E. 2019. *Sociokul'turnaya dinamika gorodskogo iskusstva v Rossii na primere g. Vladivostoka* [Sociocultural dynamic of urban art in Russia on the example of Vladivostok]: Thesis Abstract. Vladivostok, Dalnii Vostor Federal University. (In Russ.)
  17. *Estetika strit-arta* [Street art aesthetics]: sbornik statej. 2018. In K.A. Kukso (ed.). Saint-Peterburg, SPbGUPTD. (In Russ.)
  18. Cher Kraus Knight. 2008. *Public Art Theory, Practice, and Populism*. Wiley-Blackwell.
  19. Muzykant V., Shlykova O. 2019. Media Competences as the Keystone of Electronic Culture and Contemporary Education. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, no. 59 (1), pp. 105–115.
  20. Lacy S. 1995. *Mapping The Terrain: New Genre Public Art* Bay Press. URL: https://monoskop.org/images/7/7c/Lacy_Suzanne_ed_Mapping_the_Terrain_New_Genre_Public_Art_1995.pdf (accessed: 15.07.2021).
  21. Finkelpearl Tom. 2000. *Dialogues in Public Art* Cambridge. MIT Press.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторах

Карцева Екатерина Александровна – кандидат культурологии, доцент Российского государственного гуманитарного университета, katya.kartseva@gmail.com

Шлыкова Ольга Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры Юнеско ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории культуры и искусств Государственного академического университета гуманитарных наук, olgashlykova@yandex.ru

About the authors

Kartseva Ekaterina A. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, katya.kartseva@gmail.com

Shlykova Olga V. – Doctor of Cultural Studies, Professor of the UNESCO Department of the IGSU of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Culture and Arts of the State Academic University for the Humanities, olgashlykova@yandex.ru

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЧЕРНОГОРЦЕВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСА

В.Б. Хлебникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, istfilos@gmail.com*

Аннотация. В российской славистике XIX–XX вв. важное место занимало Черногорское княжество. Борьба с Османской империей за независимость наложила глубокий след на историю и художественное наследие черногорцев. Небольшой народ, входивший в феодальную эпоху в состав Сербской державы, в Новое время вел бесконечные войны против завоевателей, считавших запад Балканского полуострова владением турецкого султана. Ведя эти войны, черногорские племена были обречены на бедность, голод, социальную и культурную отсталость. Черногория не имела возможности в течение долгого времени поддерживать активные связи с другими европейскими странами, оставалась в стороне от научно-технических достижений и от прогресса в гуманитарной сфере. Продолжавшаяся несколько веков культурная изоляция черногорцев способствовала сохранению в их среде традиционного племенного уклада, мифологического сознания, устного народного творчества. Однако такое архаическое состояние общества не означало, что страна не развивалась. Идеалы Просвещения почти не были знакомы черногорцам, но в их среде сформировалась собственная шкала ценностей, в которой нашли отражение такие важные понятия, как свобода, честь, доблесть, верность воинскому долгу и т.п. Для черногорцев они имели свой собственный смысл, существенно отличавшийся от того, что было принято понимать под этими словами в других европейских странах. Механизм передачи этих ценностей тоже отличался от тех способов, которые давно вошли в европейскую жизнь. Черногорские юноши и девушки росли под звук черногорских гуслей и монотонное пение исполнителей народных песен, впитывая воинственный дух этих песен, жестокие подробности боев и восхищаясь героями, имена которых передавались из уст в уста от поколения к поколению.

Ключевые слова: славистика; Черногорское княжество; этнокультурные ценности; героический эпос; П.А. Ровинский; племенной уклад и традиции; военное искусство

Для цитирования: Хлебникова В.Б. Героический эпос черногорцев как инструмент формирования и сохранения системы ценностей этноса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 182–191.

THE HEROIC EPOS OF THE MONTENEGRINS AS A TOOL FOR THE FORMATION AND PRESERVATION OF THE ETHNOS VALUE SYSTEM

Varvara B. Khlebnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, istfilos@gmail.com

Abstract. In Russian Slavic studies of the XIX–XX centuries an important role was played by the Montenegrin principality. The struggle for independence against the Ottoman Empire left a deep mark on the history and artistic heritage of the Montenegrins. In the feudal era it was a small nation inside the Serbian state, but in modern period they waged endless wars against the conquerors, who considered the west of the Balkan Peninsula the possession of the Turkish sultan. Because of these wars, the Montenegrin tribes were doomed to poverty, hunger, social and cultural backwardness. For a long time Montenegro did not have the opportunity to maintain active ties with other European countries, remained aloof from scientific and technological achievements and from progress in the humanitarian sphere. As the result of the cultural isolation of the Montenegrins, which lasted for several centuries, the traditional tribal way of life, mythological consciousness, and the folklore were preserved. However, such an archaic state of society did not mean that the country did not develop. The ideas of the Age of Enlightenment were almost unknown to the Montenegrins, but their own scale of values was formed in their environment, based on important concepts such as freedom, honor, valor, loyalty, military duty, etc. They had their own meaning for the Montenegrins, significantly different from common meaning of these words in other European countries. The mechanism for the transmission of these values was also unique. Montenegrin youths grew up to the sound of Montenegrin gusle and the monotonous singing of folk song performers, absorbing the warlike spirit of these songs, the brutal details of the battles and admiring the heroes, whose names were passed from mouth to mouth from generation to generation.

Key words: Slavic studies; Montenegrin principality; ethnocultural values; heroic epos; P.A. Rovinsky; tribal way of life and traditions; military art

For citation: Khlebnikova V.B. (2022) The Heroic Epos of the Montenegrins as a Tool for the Formation and Preservation of the Ethnos Value System. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 182–191. (In Russ.)

То је било или није било;
А нама се мир и здравље вило,
Мир и здравље и помоћ од Бога.
Домаћине, дај нам чашу вина,
Да наздравим старим јунацима,
Слатка ће ми бити, као свима [Ровинский П.А., 1905: 289].
Бывало это или не бывало,
Только пусть пребудут с нами вечно

Мир, здоровье и поддержка Бога.
Дай, хозяин, сладкого вина мне,
Чтобы смог я выпить за здоровье
Стародавних юнаков-героев¹.

Черногория, несмотря на то, что это одна из самых маленьких стран Европы, занимала большое место в русской славистике на протяжении XIX–XX вв. Благодаря такому вниманию российская наука располагает значительными и разнообразными данными об истории этого региона. Черногорский народ, формально оказавшийся под властью Османской империи и не признававший этой власти, был вынужден выживать в условиях крайней бедности и постоянной войны. Такая трагическая судьба и военизированный образ жизни сформировали у черногорцев удивительную систему ценностей и особые механизмы ее сохранения и передачи следующим поколениям. Когда Европа уже в полной мере освоила аксиологический набор Просвещения [Шевлякова, 2018], Черногория все еще жила в замкнутом культурном пространстве, где господствовали патриархальные нравы и мифологические представления. Героический эпос черногорцев оставался хранилищем традиционных ценностей, воспитывал воинов, готовых умереть за свою свободу, но не научившихся овладевать достижениями индустриального общества. Фольклор, который повествовал не только о племенном укладе черногорцев, но и о жизни Сербии, Косово, Боснии и Герцеговины, стал объектом самого внимательного изучения в XIX в. История исследования устного народного творчества южных славян хорошо известна. По достоинству оценены заслуги В. Караджича [Српске народне пјесме, 1891], И.С. Ястребова [Ястребов, 1889], П.А. Ровинского [Ровинский, 1884] и многих других собирателей народных песен, благодаря которым сохранилось и стало бесценным историческим источником литературное наследие народов Балканского полуострова. Российские и югославянские историки часто обращались к народному эпосу в поисках ответа на вопрос об уникальности черногорского истории [Путилов, 1982; Меденица, 1975].

Так как черногорцы и по образу жизни, и по уровню образования, и по многим другим параметрам заметно отличались от других южных славян, то их эпос, имея много общего с песнями и преданиями родственных народов, в то же время сохранял в себе исключительно черногорские черты. В нем как будто смещены акценты в основном в сторону войны. Главные персонажи народных песен – юнаки (буквально герои), которые в любую минуту готовы стол-

¹ Здесь и далее перевод с сербского языка сделан автором статьи. (Прим. автора. – В.Х.)

кнуться с боевой ситуацией. Это может быть нападение турок или соседей-албанцев, вызов на личный поединок, в котором один из участников должен погибнуть. Также юнак часто оказывается мстителем, который обязан поквитаться с врагами по обычаю кровной мести. И еще чаще он идет в чету (буквально отряд, партизанский отряд). Черногорские четы в эпоху борьбы с турецкими завоевателями представляли собой нечто среднее между партизанским отрядом и сплоченной группой народных мстителей. Четники – взрослые мужчины и молодые парни, обычно пастухи, вынужденные оставить мирные занятия и взяться за оружие в силу разных обстоятельств. Например, турки увели в плен юную красавицу, ее необходимо вернуть. Или албанцы угнали стадо овец, принадлежавшее черногорцам, а пастухов перебили. Юнаки отвечают тем же, нападая на албанцев и отнимая их скот. И, наконец, распространен особый сюжет песен, в них рассказывается о походах за добычей, за скотом, оружием, порохом, продовольствием. Такие походы превратились в разновидность хозяйственной деятельности, целью которой было спасение от голодной смерти своего племени, пострадавшего от войны или неурожая.

В данной работе был использован сборник песен, составленный знаменитым русским славистом Павлом Аполлоновичем Ровинским (1831–1916). Тексты песен были опубликованы в его многотомной монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1888–1915). Ценность сборника состоит в том, что ученый включил в свою книгу только те песни или их местные варианты, которые еще не были опубликованы его предшественниками. Значительную часть материала составили песни, собранные в пограничном племени Васоевичей. Оно дольше других находилось в тесном контакте с турецким населением и, по мнению П.А. Ровинского, отличалось особой боевитостью среди воинственных черногорцев. Интересно, что славист не ограничил свое собрание только героическими песнями, он включил в сборник и лирику, и бытовые песни, и даже колыбельные. Во всех этих разных по содержанию произведениях ярко высвечиваются, буквально бросаются в глаза ценности и предпочтения черногорского народа, сформировавшиеся за время многовекового противостояния Османской империи. Также хорошо видны следы культурного влияния и взаимодействия православного и мусульманского миров. Именно смешение разных культур превратило фольклорное достояние черногорцев в особенную часть художественного наследия южных славян, зафиксировав региональные особенности их истории.

Аксиологические исследования ведутся главным образом философами, но, когда речь заходит об отличительных свойствах цен-

ностного набора того или иного народа, на помощь философии приходит этнопсихология. В целом представители разных наук сходятся в том, что этнокультурные ценности – это сложное комплексное понятие, неразрывно связанное с историей, социологией, культурологией, этнологией и другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Из-за этого споры о содержании самого понятия «ценности» ведутся уже давно и будут продолжаться еще очень долго [Карапетьянц, Даулет, 2019]. В случае, когда речь идет о традиционной культуре, стоит взять за основу предложенное психологом А.А. Крыловым определение: «Этнокультурные ценности – это установки (идеи, понятия, смыслы), которые не зависят от конкретного человека, а определяются культурой и разделяются всеми людьми, принадлежащими к данному культурному полю» [Крылов, 2005: 115]. При этом упор необходимо сделать на механизмы сохранения и передачи ценностей народом, которому были недоступны или труднодоступны технические достижения своего времени. Набор средств, с помощью которых черногорцы смогли передавать новым поколениям свой обобщенный социальный опыт, был весьма ограничен. Устное народное творчество стало своеобразным замещающим механизмом, компенсировавшим неразвитость издательского дела.

Изучив содержание черногорских песен, современный исследователь сразу заметит, что такие важные для европейцев в Новое время ценности, как неприкосновенная частная собственность, творческая свобода и успешная интеллектуальная деятельность, позволяющая достигнуть самореализации, автономность личности по отношению к обществу и государству, практически отсутствуют в черногорском фольклоре. Напротив, личность одного человека совершенно растворилась в племенном сообществе, понятия о чести и достоинстве, о добром имени неразрывно связаны с родом и племенем. Поэтому в народном языке важное место занимали слова “коговић” и “никоговић”. Первое, по словам П.А. Ровинского, применялось к тому, у кого «по крайней мере, отец или дед известны доблестями и делами храбрости, или были главарями или священниками». Второе слово имело противоположный смысл. Оно характеризовало человека, «у которого в роду нет никого, кто бы пользовался известностью» [Ровинский, 1897: 192]. В современном сербском языке “никоговић” означает ничтожного, жалкого человека. Коллективная патриархальная культура черногорцев, неразрывно связанная с историей войн, считала мерилom ценности человеческой личности принадлежность к определенному роду и племени. На первом месте стояло происхождение из славного боевого рода, известного военными подвигами. Но это не означает,

что слава предков была гарантией успеха. Ее следовало приумножать и доказывать, что юнак ее достоин. Героические песни особо прославляли тех, кто превзошел своими боевыми доблестями отцов и дедов. Храбрость оставалась одной из самых важных ценностей черногорцев в XIX – начале XX в. Ее понимали как готовность в любую минуту вступить в схватку с врагом, уничтожить неприятеля без пощады, хорошо бы отрубить ему в бою голову и предъявить всем этот боевой трофей. Если же черногорцу суждено было погибнуть, то в песне обязательно говорилось о том, сколько противников он отправил на тот свет, отомстив за свою смерть (“Ту нам петнајс` глава посјекоше”, “И ми њима убисмо стотину”). В переводе это звучит так: «Тут пятнадцать наших изрубили», «И мы сотню их убили» [Ровинский, 1905: 424].

Целью непримиримой борьбы была свобода от угнетателей, жадных не только до чужого добра. В песнях подчеркивалось, что турки не просто стремились обложить данью черногорские племена, а старались унижить, задеть личное достоинство, оскорбить честь целого этноса и его лучших людей. В связи с этим в эпосе ситуация угрозы народной свободе описана более-менее одинаково, неважно, шла ли речь о давно минувших событиях или о том, что произошло недавно. Турецкие паши или чиновники более мелкого ранга выступали инициаторами многочисленных походов на Черногорию. Они требовали выдать дань, а заодно самых красивых женщин, предпочтительно из семей племенных вождей или старейшин, на худой конец, жен и дочерей священников. Таким образом, чужеземцы облекали свои притязания на Черногорию в самые оскорбительные, даже унижительные для патриархального сообщества формы. Ответ на подобные действия всегда был один: “Сви смо ради часно погинути, но турчину раја постанути; раја турска никад били нисмо” («Все мы скорее погибнем, чем станет подданными турок; мы никогда не были турецкими рабами») [Ровинский, 1905: 322]. Достоинство каждого человека и целого народа в черногорском эпосе неразрывно связано с независимостью от чужой власти, стремлением сохранить свой самобытный образ жизни. Свобода для черногорца – это не право принимать решение и нести за него ответственность, как у просвещенной Европы. Это ценность совсем другого порядка. Свобода – это родина, честь и семья, их нужно постоянно защищать от вражеских посягательств. Спасти эти ценности от поругания можно было только всем миром путем беспощадной войны, в которой смерть предпочитается поражению. В таком контексте жестокие методы ведения военных действий, внезапные нападения, захват трофеев и отсечение вражеских голов не казались чем-то чрезмерным и экзотическим.

Рядом с народной свободой стояла православная вера, во имя которой веками проливалась кровь. Борьба за христианскую церковь была оправданием бескомпромиссной войны. Нельзя сказать, что в повседневной жизни черногорцы были чрезмерно набожны и неукоснительно соблюдали церковные правила. Но в постоянных конфликтах с соседями-мусульманами, независимо от повода, по которому начиналось противостояние, песня упоминает религиозный мотив и подчеркивает, что защита христианской веры и церкви обязательно является стимулом к героическому поведению и готовности принять смерть. Православные люди в песнях наделялись самыми привлекательными чертами. Они всегда были верны слову, не бросали в бою товарищей, при любых обстоятельствах вступались за слабых и обиженных, обязательно мстили за гибель друзей. Фольклорные герои не прощали потурченцев, изменивших вере своих предков, но могли быть милосердными к побежденным туркам. Авторы песен как будто не замечали того очевидного факта, что кровавые схватки и расправы над турками противоречили основной заповеди христианства – отказу от убийства. Правило «око за око» было ближе черногорским племенам, чем заповеди любви к ближнему и всепрощения. Черногорцу не казалось богопротивным такое завершение боя, как выставление напоказ изувеченных трупов. Сами турки изображались в песнях людьми малопривлекательными, жадными до чужого добра и женщин, лживыми и способными на любое коварство. Например, турецкий паша приказывает закопать юнака по пояс в землю и заставляет слуг стрелять в пленника из лука [Ровинский, 1905: 206]. Ни при каких обстоятельствах черногорец не должен был доверяться иноверцу. Эпическая борьба с коварными врагами практически всегда окрашена в религиозные тона.

Правда, жизнь была сложнее катехизиса, поэтому народная песня часто рассказывает об обычае побратимства и посестримства, когда юнак вступал в особые отношения с мусульманами. Приносились взаимные клятвы, и чужие по крови и вере люди объявляли себя братьями и сестрами. В таком случае любые тяжкие испытания, описанные в песнях, плен, пытки, грозившая казнь, завершались тем, что побратим спасал новоиспеченного брата, несмотря на смертельную опасность. Особенно высоко оценивалось в таких случаях поведение турецких или албанских девушек, спасавших черногорцев, попавших в беду. Таким образом, принадлежность к разным вероисповеданиям не отменяла таких общечеловеческих ценностей, как верность клятве, преданность и самоотверженность. Другие добродетели, воспетые народными песнями, носили более общий характер и были почитаемы у лю-

бого патриархального народа. Гостеприимство, помощь и защита слабых, семейные устои и многое, что считалось неоспоримыми ценностями черногорцев, мы найдем и у других горных народов и не только на Балканах.

Осталось сказать о том, что исполнение песен было не только формой досуга, но и самым популярным способом воспитания подрастающих поколений. П.А. Ровинский утверждал, что на рубеже XIX–XX вв. в княжестве не было ни одного сельского дома без гуслей, и не было черногорца, который, хоть и плохо, не умел бы петь «уз гусле» (под гусли). Праздники и домашние посиделки не обходились без исполнения песен в сопровождении народного музыкального инструмента, звучание которого покажется представителям другой культуры довольно унылым и даже грубым. Под гусли было положено исполнять только героические песни, и делали это только мужчины, женщины, как заметил славист, «никогда не прикасаются к гусям». Исключением стала некая Яглика Мушкобана, которая одевалась в мужское платье, носила оружие, была членом четы и «потому могла петь с гусями» [Ровинский, 1905: 10]. П.А. Ровинский так описал отношение слушателей к исполнителю: «Если певец искусный и песня его интересна, то водворяется полная тишина... Особенно дети, мальчики слухом и зрением и всем своим существом впиваются в гусяра, ловя каждое его слово, каждый стон и движение и как бы отпечатывая все в своей голове и сердце» [Ровинский, 1897: 739]. Внимание мальчиков к исполнению героических песен под гусли подчеркнуто не случайно. Это была такая же составная часть гендерного воспитания, как обучение искусству владеть оружием. На примерах героических подвигов далеких предков, живших во времена Скендербега, и недавно ушедших поколений, сумевших победить Османскую империю в 1877–1878 гг., росли черногорские юноши. Из песен они узнавали о том, как следует вести себя в бою, как относиться к неприятелю, каким способом доказать свою мужественность и бесстрашие. В XIX – начале XX в. черногорец во всем старался подражать героям народного эпоса. И женский пол измерял личные качества и привлекательность мужчин, отталкиваясь от ценностей и идеалов, воспетых в длинных, заунывных для чужаков и таких дорогих для жителей Черногории народных песен. Стать героем эпического повествования означало увековечить свое имя и свой род в истории, для черногорцев не было ничего выше этой награды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Karapet'yan A.M., Daulet F.N.* Вербализация аксиологического концепта «судьба» в китайской языковой картине мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 4. С. 74–91.
2. *Крылов А.А.* Психология. М., 2005.
3. *Меденица Р.* Наша народна епика и њени творци. Црногорско-херцеговачка планинска област постojбина патриархалне културе и епске песме динараца. Цетиње-Београд, 1975.
4. *Путилов Б.Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982.
5. *Ровински П.* Пјесме из Васојевића // Црногорка. 1884. № 6-22.
6. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II. Ч. 1.
7. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1905. Т. II. Ч. 3.
8. Српске народне пјесме, скупио их и на свјет издао Вук Стефановић Караџић. Биоград, 1891.
9. *Шевлякова Д.А.* Аксиологическая динамика концепции “patria” в итальянской литературе XX в. От “родины” к “малой родине” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 86–96.
10. *Ястребов И.С.* Обычай и песни турецких сербов. СПб., 1889.

REFERENCES

1. Karapet'yan A.M., Daulet F.N. 2019. Verbalizatsiya aksiologicheskogo kontsepta “sud’ba” v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Verbalization of the axiological concept “fate” in the Chinese language picture of the world]. *Moscow State University Bulletin. Series 13. Oriental studies*, no. 4, pp. 74–91. (In Russ.)
2. Krylov A.A. 2005. *Psihologiya* [Psychology]. Moscow. (In Russ.)
3. Medenica R. 1975. *Naša narodna epika i njeni tvorci. Crnogorsko-hercegovačka planinska oblast postojbina patriarhalne kulture i epske pesme dinaraca* [Our folk epic and its creators. The Montenegrin-Herzegovinian mountain area is home to patriarchal culture and epic dinar songs]. Cetinje-Beograd. (In Serbian)
4. Putilov B.N. 1982. *Geroicheskiy epos chernogorcev* [The heroic epic of the Montenegrins]. Leningrad. (In Russ.)
5. Rovinski P. 1884. Pjesme iz Vasojevića [Songs from Vasojevic]. *Crnogorka*, no. 6-22. (In Serbian) 1884.
6. Rovinskij P.A. 1897. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Saint Petersburg, Vol. 2, ch. 1. (In Russ.)
7. Rovinskij P.A. 1905. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Saint Petersburg, Vol. 2, ch. 3. (In Russ.)
8. *Srpske narodne pjesme, skupio ih i na svjet izdao Vuk Stefanović Karadžić* [Serbian folk songs, collected and published by Vuk Stefanović Karadžić]. Biograd, 1891. (In Serbian)
9. Shevlyakova D.A. 2018. Aksiologicheskaya dinamika kontseptsii “patria” v ital’yanskoy literature XX v. Ot “rodiny” k “maloy rodine” [Axiological dynamics of the “patria” concept in 20th century Italian literature. From “homeland” to “small homeland”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 86–96. (In Russ.)
10. Yastrebov I.S. 1889. *Obychai i pesni tureckih serbov* [Customs and songs of Turkish Serbs]. Saint Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2021; одобрена после рецензирования
16.07.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 14.06.2021; approved after reviewing 16.07.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Хлебникова Варвара Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, istfilos@gmail.com

About the author

Varvara B. Khlebnikova – PhD in History, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, istfilos@gmail.com

ИГРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ИСКУССТВА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

И.Л. Анастасьева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, anastasyevairina@mail.com*

Аннотация. В статье актуализируется понятие игровой культуры, исследуются специфические черты игровой культуры в контексте русского Ренессанса рубежа XIX–XX вв., дается оценка игровым экспериментам в области формы и содержания художественной литературы, а также бытового поведения, наличия литературного псевдонима, создания литературных обществ, собраний, группировок, игрового соблюдения культовых обрядов, создания литературных мистификаций – все это с опорой на положения и утверждения, сформулированные в книге Й. Хейзинги “Homo Ludens”. Игровая стихия, проникнувшая в культуру рубежа XIX–XX вв., заполнила собой все стороны общественной жизни. Причины игрового Ренессанса, всколыхнувшего сознание деятелей искусства, пробудившего творческий потенциал писателей, художников, театральных деятелей и так далее, объяснить сложно. Но с огромной степенью уверенности можно утверждать, что игровая культура распространила свое влияние и на остальные сферы человеческого существования: экономику, политику, юриспруденцию, точные науки, – оплодотворив их креативной энергией, обогатила эти сферы деятельности возможностью влиять на формирование и развитие талантливой личности. Целью деятелей культуры не было стремления превратить игру в область знания, способного исследовать поведение других людей, влиять на них и управлять ими. Явление игровой культуры приняло черты спонтанности и свободы.

Ключевые слова: Й. Хейзинга; игровая культура русского Серебряного века; литературные мистификации; игровое поведение в жизни

Для цитирования: Анастасьева И.Л. Игровые тенденции русского искусства рубежа XIX–XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 192–202.

LUDIC CULTURE OF THE RUSSIAN RENAISSANCE OF THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Irina L. Anastasyeva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
anastasyevairina@mail.com*

Abstract. The article actualizes the concept of ludic culture and examines its specific features in the context of the Russian Renaissance of the turn of the 20th century. It explores experimental play in the form and subject matter of literary fiction, as well as in everyday behavior, the usage of literary pseudonyms, the creation of literary societies, meetings, groups; the observance of cult rituals as pretend play, perpetration of literary hoaxes – all of it based upon the provisions and statements formulated in the book *Homo Ludens* by J. Huizinga. Elements of play which permeated the culture at the turn of the 20th century affected all aspects of public life. It can be difficult to trace back the origin of the ludic Renaissance which stirred up the minds of artists, awakened the creative potential of writers, painters, theater workers, etc. However, it can be argued with a high degree of certainty that play culture extended its influence to other spheres of human life: economics, politics, law, sciences. Having fertilized these spheres of human activity with its creative energy, it endowed them with the potential to influence the formation and development of a talented personality. Cultural luminaries of the time did not attempt to turn play into a field of knowledge and use it to analyze the behavior of other people, influence or control them. The phenomenon of play culture took on the features of spontaneity and freedom.

Key words: Johan Huizinga; Ludic culture of the Russian Silver Age; literary hoaxes; ludic everyday behavior.

For citation: Anastasyeva I.L. (2022) Ludic Culture of the Russian Renaissance of the Turn of the 20th Century. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 192–202. (In Russ.)

Древнегреческий философ Эпикур, размышляя о формах познания мира и этапах самопознания, «идентификации» себя в этом мире, подчеркивал их корреляционную связь. Процесс познания и самопознания длится бесконечно, делясь на различные периоды, во время которых человек совершает некие поступки, определяет свое место в обществе, учится взаимодействию с людьми. Становление личности, то есть ее вхождение в культурное пространство, есть следствие принятия на себя самоограничения. Вступление в область культуры, по Й. Хейзинге, есть не что иное, как погружение в мир игры. «Человек является человеком лишь постольку, поскольку он обладает способностью по своей воле выступать и пребывать субъектом игры» (Д.В. Сильвестров), ибо без игрового поведения куль-

тура не существует [Huizinga, 1997: 9]. Понятие (содержание, характер) игры, настаивал Хейзинга, оплодотворяется, подпитывается буйством поэтического воображения и склонностью к мистическому созерцанию, не случайно поэтому игровая культура достигает своих вершин в России в период расцвета искусства и творческой деятельности, пришедшегося на рубеж XIX–XX вв.

Исследование Хейзинги “Homo Ludens” репрезентирует широкую область применения и функционирования законов игровой культуры, выявляя те особенности человеческой экзистенции, которые позволяют каждой отдельной личности ощущать себя уникальной. Суммируя собственные выводы, ученый формулирует постулаты игры, ее формальные признаки: во-первых, это свободная деятельность человека, «которая осознается как “ненастоящая”, не связанная с обыденной жизнью» [Huizinga, 1997: 32]. Иначе говоря, «человек играющий», безусловно, отдает себе отчет в том, что он играет, но при этом ни в коем случае не пытается кого-либо обмануть, не лицемерит, не притворяется другим персонажем, а вживается в новую роль. Вследствие этого, во-вторых, игра не должна быть сопряжена с извлечением выгоды, пользы, хотя она и не синонимична понятию филантропии и часто опирается на агональные инстинкты, т.е. на идеалы борьбы, противостояния. В-третьих, игра реализуется в определенном пространстве и промежутке времени; в нашем случае речь пойдет о рубеже XIX–XX вв., позволившем российским писателям и философам пережить Ренессанс русской культуры, которому, к сожалению, не скоро суждено повториться. Достигая апогея в своем многообразии и креативности на определенных этапах развития общества, игра, по мысли Хейзинги, должна подчиняться «определенным правилам и вызывать к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою необычность по отношению к прочему миру своеобразной одеждой и обликом» [Huizinga, 1997: 32]. Игровая стихия, таким образом, требовала от «человека играющего» новых, необычных персонификаций, она порождала жажду экспериментировать с собой, со своим телом, со своим окружением и даже со своими художественными произведениями. Если Золотой век русской поэзии играл со смыслами и формами литературных текстов; то Серебряный век заблестал новыми гранями. Ренессанс не просто возродил культуру, экономику, науку, он включил в игру духовность, религиозность, мораль человека, произошло как бы таинство «пресуществления» обычного поэта в поэта играющего. Не случайно в этот период рождается потребность в изменении собственного имени: подобно послушнику, принимающему постриг и дающему обет, он отрывается от обычной жизни и нарекается Homo Ludens, получая

в качестве второго имени литературный псевдоним: А. Белый, Муни, М. Алданов, М. Горький, А. Ахматова, А. Грин, Ф. Сологуб, И. Северянин, Тэффи и множество других. Интересно, что и в прежние эпохи писатели постоянно пользовались этим приемом, подписывая свои ранние произведения псевдонимом, но окрепнув, зарекомендовав себя и утвердившись на литературной арене, они, как правило, возвращали свое настоящее имя. Ренессансная стихия подхватила многих российских писателей, и они «сменили кожу» навсегда. Впрочем, эта тенденция характерна не только для рубежа XIX–XX вв. «Стоило бы как-нибудь проследить, – пишет Хейзинга, – не было ли в так называемом Каролингском возрождении, этом пышном насаждении учености, поэзии и благочестия, участники которого украшали себя классическими и библейскими именами: Алкуин звался Горацием, Ангильберт – Гомером, сам Карл – Давидом; не было ли собственно игровое качество здесь самым существенным» [Huizinga, 1997: 150]. Таким образом, подъем в обществе влечет за собой всплеск игровой культуры, и наоборот. Размышляя о специфических качествах русской культуры в постреволюционное время, обусловленных особенностью эпохи, современный культуролог Н.В. Карташева поясняет: «В такие моменты происходит переход от сложившегося жизненного уклада к иному, и этот процесс отчетливо проявляет своеобразие исторического опыта народа, закрепленное в его ментальности, этнокультурные психологические комплексы, восприятие культурой пространства и времени» [Карташева, 2013: 69]. Ожидания, связанные со сменой общественного вектора, чаще всего имеют жизнеутверждающий, созидательный характер, пусть не всем надеждам суждено сбыться. И все же на первых порах потребность в реализации игровых, театральных инстинктов человека настолько велика, что рождает ощущение беспредельности человеческих потенций. В своих воспоминаниях Н. Бердяев подчеркнул эту особенность рубежа веков: «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преображение жизни» [Бердяев, 1990: 130]. С особенной силой игровая стихия проявилась в театральных дерзаниях; театральные эксперименты транслировались в жизнь, окрашивая поведение людей, открытых миру поэзии, искусства, культуры, яркими красками. Литературные собрания, общества, группировки становились проекцией игрового сознания в мир реальный. О карнавальном поведении Алексея Ремизова,

основателя Обезволпала (Обезьянней Великой и Вольной Палаты), и его друзей пишет Елена Обатнина: «В этом игровом пространстве создавался миф о времени и людях, осуществлялась идея дружеского союза творческих индивидуальностей. <...> Обезьянья палата аккумулировала в себе мифотворческий потенциал Серебряного века и реализовалась как игровое осмысление идеологических и эстетических концептов дореволюционной России и русской эмиграции» [Обатнина, 2001: 6–7]. Игровой характер повседневной жизни русской интеллигенции рубежа веков подчеркивает и Л.А. Колобаева: «Стоит вспомнить странный, “безбытный” быт А. Добролюбова, или мифологизированную игру в кружке “аргонавтов” с участием А. Белого, или театральность поведения, свойственную А. Ремизову, с его Вольной Обезьянней Палатой, включавшей немалый круг самых разных литераторов – от В. Розанова, Л. Шестова и Е. Замятина до М. Горького, или артистизм Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с их “башней”, или поведенческую игру М. Волошина и обитателей его коктейбельского дома, их стилизованные одежды, жесты и не всегда безобидные мистификации» [Колобаева, 2000: 4]. К числу людей, живших «театрализованной» жизнью, следует причислить и Вл. Соловьева с его мистической невестой – Вечной Женственностью, и А. Блока, А. Белого, С. Соловьева, поклонявшихся своей Прекрасной Даме – Любови Дмитриевне Менделеевой. Некоторые религиозные мыслители, такие как Д.С. Мережковский, превращали литературу, миф, религию в целую философскую систему. «С помощью мифа люди пытаются объяснить земное, помещая основание человеческих деяний в область божественного. <...> Изобретательный дух играет на грани шутивого и серьезного» [Huizinga, 1997: 24], – данное наблюдение Хейзинги, адресованное древним культурам, с легкостью переносится в область модернистского жизнеполагания и жизнестроения, объясняя ту серьезность, с которой Мережковский и его неопиты разрабатывали теорию Третьего Завета и проводили службы в сымитированной ими церкви Третьего Завета. Священнодействия, облакаемые в формы культовых обрядов, освящения, жертвоприношения – всё это игровые формы человеческого поведения, как и ритуалы, связанные со смертью: похороны, поминки, имеющие специфические, уникальные черты, свойственные той или иной культуре и поэтому локализирующие традицию, детерминирующие ту или иную цивилизацию. «Понимание роли религиозного искусства <...> менялось в зависимости от общего культурно-исторического и интеллектуального фона той или иной эпохи, того или иного региона» [Комков, 2009: 58], – пишет современный исследователь основных принципов иконологического мышления, культуролог О.А. Комков.

Хейзинга обнаруживал черты игрового поведения в экзистенциализме Франциска Ассизского: «Фигура Бедности была для Франциска своего рода игрой. Вся жизнь святого из Ассизи насыщена чисто игровыми факторами и фигурами, и для него – это прекрасно. Так столетием позже Хайнрих Сузо будет предаваться сладостной лирике мистической игры воображения с вечной Премудростью как с возлюбленной¹. Но игровое поле, на котором играют святые и мистики, парит над сферой мышления, подвластного разуму, и недоступно логическим понятиям, связанным со спекулятивными рассуждениями. Понятия игры и святости пребывают в постоянном соприкосновении друг с другом. То же происходит с понятиями поэтического воображения и веры» [Huizinga, 1997: 138].

Тенденцией искусства рубежа XIX–XX вв. становится попытка возрождения поэтического языка. Й. Хейзинга не случайно подчеркивал, что игра как явление культуры реализуется в речи: «Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [Huizinga, 1997: 12]. Поэты и писатели осознавали ценность, важную роль эксперимента в художественной форме, обогащая литературные произведения новыми аллитерациями и ассонансами, символами и метафорами. Тавтограммы и брахиколоны, центоны, акrostихи, телестихи, футуристическая заумь, палиндром, анаграмма (Михаил Булгаков, например, поэкспериментировал с анаграммой в пьесе «Бег», подарив интеллигентному персонажу Голубкову зашифрованный вариант собственной фамилии) – все эти поэтические формы воскресли или возникли в творчестве поэтов Серебряного века как дань божеству, покровительствующему свободному духу, творческому самовыражению, стремлению воплотить свой внутренний мир во внешних формах. В. Брюсов эпатирует в форме моностиха («О, закрой свои бледные ноги!» 1894), идею которого подхватили К. Бальмонт, И. Сельвинский, Д. Хармс и др. В. Шершеневич в книге воспоминаний «Великолепный очевидец» приводит рассказ В. Брюсова о том, что подтолкнуло его к созданию этого стихотворения: «Когда я однажды спросил у Брюсова о смысле этих стихов, он мне рассказал (возможно, это была очередная мистификация, которые очень любил Брюсов), что, прочитав в одном романе восклицание Иуды, увидевшего “бледные ноги” распятого Христа, захотел воплотить этот крик предателя в одну строку, впрочем, в другой раз Брюсов мне сказал,

¹ Немецкий монах-доминиканец XIV в. В стихах и повседневной жизни Сузо обращался к Деве Марии и Софии Премудрости Божией (они нередко сливаются у него в один образ) как к Прекрасной Даме, любимой женщине.

что эта строка – начало поэмы об Иуде, поэмы, позже уничтоженной автором» [Шершеневич, 1990: 456–457]. Впрочем, Василиск Гнедов в «Смерти искусству» пойдет еще дальше – его поэмы 11 и 14 состоят из одной буквы: «У» и «Ю» соответственно.

«Карнавализация жизни» (М. Бахтин), как было сказано, приходится на те этапы существования человечества, которые сопровождаются невероятным духовным и творческим подъемом, проявлением креативных потенций и воплощением отчаянно смелых замыслов. «Объем и значение этой культуры в средние века и в эпоху Возрождения были огромными. Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» [Бахтин, 1965], – такое определение художественным поискам этого времени дал М. Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Тот же карнаваль- ный характер проявили российские «игроки в литературе и в жизни» (В. Ходасевич) на рубеже XIX–XX вв., то есть в период русского Ренессанса. Причем стремления превратить жизнь в игру не смогли уничтожить даже тяжелейшие эмигрантские годы, неустроенный быт, унижительное нищенское существование. В свое время Владислав Ходасевич вызвал замешательство в среде эмигрантских литераторов открытием никому не известного поэта начала XIX столетия Василия Травникова. Вскоре, однако, выяснилось, что такого поэта не было, а приписываемые ему стихи были написаны самим Ходасевичем. Когда-то вместе с другом Самуилом Викторовичем Киссиным (Муни) молодой поэт погрузился в «символический быт», своеобразный зеркальный мир, имевший для них значение субстанциональное, в отличие от мира повседневности, т.е. иллюзорного: «Действительность, расплываясь в сознании, становилась сквозной. Мы жили в реальном мире – и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где было “то, да не то”. Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосязаемом экране», [Ходасевич, 1996: 74] – вспоминал поэт в 1926 г. Перевоплощения в жизни Муни и Ходасевича – это элементы «переодевания», маски, необходимые для утверждения инобытия, для того, чтобы тайна игры достигла своего апогея. Подобное поведение может быть расценено и как религиозная имитация, и как литературная подделка.

О последних, т.е. литературных мистификациях, много размышлял Евгений Львович Ланн (настоящая фамилия Лозман) – поэт, прозаик и переводчик первой половины XX столетия. Его, в частности, интересовали те художественные находки, которые не могли быть подкреплены рукописными подлинниками, ибо они (увы!)

были утрачены. Свойства фальшивки, имитации, фальсификации литературный памятник мог приобрести вследствие интерполяций, некоего подновления произведения, возникшего из-за проблем некачественного перевода текста на другие языки. Ланн упоминает переводчика XV столетия Леонардо Бруни, выявившего огромное количество несоответствий в текстах Аристотеля, переведенного некогда с греческого на латинский язык. «В сущности, не известны подлинный Софокл и Тит Ливий, из многочисленных отдельных стихов Анакреона, цитируемых древними авторами, принадлежат Анакреону лишь несколько, а Вергилия мы знаем только по списку V века нашей эры – самому древнему из дошедших до нас списков» [Ланн, 2009: 7], – пишет он. «Темные места» в более поздних текстах удавалось устранить иногда при помощи календарной проверки. Так произошло с надписью Петрарки на экземпляре, принадлежавшем Вергилию, в которой якобы рукой Петрарки сообщалось, что его первая встреча с Лаурой состоялась в пятницу 6 апреля 1327 г. Однако эта дата в действительности выпадала на понедельник. Искажения текстов не прекратились даже в эпоху появления книгопечатания, сообщает Ланн, причем тексты самовольно редактировались издателями еще при жизни их авторов. Частичная имитация текста требовала от фальсификатора таланта подражателя, ибо он должен был точно скопировать авторский стиль, манеру письма. Но истории известны и абсолютные мистификации, например, ставшая притчей во языцех история публикации молодым, весьма ординарным шотландским учителем XVIII в. Джемсом Макферсоном старинных гэльских поэм. Если его собственная трагедия «Горец» была расценена литературным сообществом как вещь довольно заурядная, то перевод песен народа эрзи, населявшего Горную Шотландию, был признан шедевром. Шотландский философ XVIII в. Дэвид Юм во всеуслышание подтвердил подлинность манускриптов, заявив, что приведенные в них песни распеваются и по сей день. Ланн сообщает: Макферсону «поручалось собрать и перевести другие образцы древнекельтской эпики. По возвращении из поездки Макферсон издал в 1762 году своего “Фингала” <...> Автором их являлся Оссиан, или Oisín, сын Фингала, или Финна Мак Кумгалла, короля одной из областей Шотландии – Морвина и вождя древнего военного клана фениев. Предание относило Фингала к III веку нашей эры. Его сын Оссиан, слепой и старый, сидит в пещере, либо в пустой зале дворца. Все его близкие умерли, около него только Мальвина, жена его покойного сына Осгара. Бард вспоминает о героическом прошлом и рапсодами торжественно и монотонно поет о днях своей юности» [Ланн, 2009: 89]. Как известно, фальсификацию удалось разоблачить лишь после смерти автора Сэмюэлю Джонсону, усомнившемуся, что

древние необразованные варвары, каковыми являлись кельты, могли сочинить такое выдающееся произведение. К тому же оригиналов кельтских манускриптов никому так и не удалось увидеть.

Попытку повторить опыт Макферсона позднее предпримет – и поначалу весьма удачно – другой шотландец, каменщик Аллан Кэннингем, выдавший «шотландские песни» за творчество Хисдэля и Голловея; правда, его имитация будет разоблачена достаточно быстро. Антуан Фабр де Оливе, французский драматург и ученый XVIII–XIX вв., пытался издать свои стихи как сочинения трубадуров, но тоже неудачно. Стоит ли осуждать фальсификаторов за попытку одурачить человечество или следует воспринимать эти чудачества, литературные мистификации как своеобразный литературный эксперимент, к тому же весьма талантливый? Кто знает... В любом случае необходимо помнить слова Й. Хейзинги о том, что чрезмерная серьезность и агональность общества способны разрушить высшие завоевания культуры. Игра остро необходима человечеству, ибо она не позволяет социуму скатиться до уровня архаической культуры и примитивных моральных догм, регулирующих законы первобытного человеческого общежития, во времена которого господствовали жестокость и насилие. Некогда популярные турниры, состязания в искусстве красноречия ныне вытесняются непростительно некорректными дебатами политических лидеров, переходящих на брань и обличения. Безусловно, что «полемическое неотделимо от агонального. В эпохи, когда в мир вторгается новое, агональный фактор, как правило, выходит явно на первый план. <...> Мы шли исподволь к убеждению, что культура укоренена в благородной игре и что она не должна утрачивать свое игровое содержание, если желает развивать свои лучшие качества в рамках стиля и достоинства» [Huizinga, 1997: 152, 155].

Чтобы приблизить жизнь человечества к красоте и гармонии, надо научиться играть, а играя, вновь ощутить в себе ребенка. Как писал Платон, человек – игрушка в руках богов; но это не означает, что боги манипулируют людьми. В этих словах Платона нужно услышать чудесный призыв стать гедонистами, перестать быть чрезмерно серьезными. «И старинное “все – суета” вытесняется, пожалуй, более позитивно звучащим “все есть игра”. <...> Премудрость, источник справедливости и владычества, говорит, что прежде начала творения, играя пред Богом, была она Его радостью и, играя в земном кругу Его, разделяла радость с сынами человеческими» [Huizinga, 1997: 157]. В связи с этим во времена Серебряного века игровая культура воскресает вновь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, 1965. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1965_tvorchestvo_fransua_rable.shtml (дата обращения: 20.09.2021).
2. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
3. Карташева Н.В. Темпоральные феномены русской культуры послереволюционного десятилетия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 69–78.
4. Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
5. Комков О.А. О некоторых аспектах феноменологии восточнохристианского художественного текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 58–73.
6. Ланн Е. Литературная мистификация. 2-е изд., доп. М., 2009.
7. Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. Artikelen over de cultuurgeschiedenis. Статьи по истории культуры / Сост., пер. и авт. вступительной статьи Д.В. Сильвестров; научный коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 1997.
9. Ходасевич В. Муни // Ходасевич В. Некрополь. М., 1996.
10. Шершеневич В. Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990.

REFERENCES

1. Bakhtin M. 1965. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Rabelais and His World: carnival and grotesque]. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1965_tvorchestvo_fransua_rable.shtml (accessed: 20.09.2021). (In Russ.)
2. Berdyayev N. 1990. *Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-Knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow, Mezhdunarognye otnoshenia Publishing. (In Russ.)
3. Kartasheva N.V. 2013. Temporal'nye fenomeny russkoj kul'tury poslerevoljucionnogo desjatiletija [Temporal phenomena of the Russian Culture of the post-revolutionary decade]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 69–78. (In Russ.)
4. Kolobaeva L.A. 2000. *Russkij simbolizm* [Russian symbolism]. Moscow, MSU Publishing. (In Russ.)
5. Komkov O.A. 2009. O nekotoryh aspektah fenomenologii vostochnohristianskogo hudozhestvennogo teksta [On some aspects of the phenomenology of the Eastern Christian artistic text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 58–73. (In Russ.)
6. Lann E. 2009. *Literaturnaja mistifikacija* [Literary hoax]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM". (In Russ.)
7. Obatnina Elena. 2001. *Car' Asyka i ego poddannye. Obez'jan'ja Velikaja i Vol'naja Palata A.M. Remizova v licah i dokumentah* [King Asyka and his subjects. A.M. Remizov's Monkey Great and Free Chamber: in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbah Publishing. (In Russ.)
8. Johan Huizinga. 1997. *Homo ludens. Artikelen over de cultuurgeschiedenis. Stat' i po istorii kul'tury* [Articles on cultural history]. Moscow, Progress, Tradicia. (In Russ.)
9. Hodasevich V. 1996. *Muni*. In Hodasevich V. *Nekropol'* [Necropolis]. Moscow. (In Russ.)

10. Shershenevich V. 1990. *Moj vek, moi druz' ja i podругi* [My century, my friends and girlfriends]. Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования
16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 16.09.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Анастасьева Ирина Леонидовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова, anastasyevairina@gmail.com

About the author

Irina L. Anastasyeva – PhD, Ass. Professor, Faculty of the Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University, anastasyevairina@mail.com

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И РОСТ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КНР В XXI в.

Е.С. Надежкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Университет МГУ-ПП в Шэньчжэнь, Шэньчжэнь, Китай, nadezhkina.cathrine@yandex.ru

Аннотация. Развитие сети «Интернет» в XXI в. и появление концепции построения информационных ресурсов, обозначаемой как Web 2.0, привело к возникновению «новых медиа», построенных на взаимодействии пользователей, создании и размещении ими контента на подобных интернет-площадках. Появление «новых медиа» и «социальных медиа», как их части, привело как к возможности пользователей более открыто выражать свое мнение и реакцию на те или иные события, так и к большей дезориентации пользователей в информационном потоке. Изучение феноменов интернет-среды позволяет с одной стороны – получить большее представление об общественной позиции, а с другой – глубже вникнуть в проблемы понимания и восприятия информации пользователями. Поведение интернет-пользователей в Китайском сегменте сети «Интернет» вызывает интерес своими особенностями, связанными с цензурой и определенными техническими ограничениями. Однако, несмотря на видимую закрытость, общественное мнение пользователей китайского сегмента сети «Интернет» может вступать в противоречие с официальной позицией правительства, а сами пользователи имеют возможность лоббировать свои интересы, демонстрируя проявление гражданской позиции с помощью сети «Интернет» даже в условиях действующей политической цензуры.

Ключевые слова: новые медиа; социальные медиа; социальные медиаплощадки; китайский сегмент сети «Интернет», общественное мнение в КНР

Для цитирования: Надежкина Е.С. Особенности социальных медиа и рост гражданского самосознания пользователей КНР в XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 203–210.

FEATURES OF SOCIAL MEDIA AND THE RISE OF CIVIC CONSCIOUSNESS AMONG PRC NETIZENS IN THE 21ST CENTURY

Ekaterina S. Nadezhkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China, nadezhkina.cathrine@yandex.ru

Abstract. The development of the Internet and Web 2.0 in the 21st century has led to the emergence of “new media”, creating the possibility of user interaction. The advancement of “new media” and “social media” as its part has made it possible for users to express their opinions and feedback to specific ideas and events more openly and freely, using the Internet as a platform for representation. However, the overflow of information also led to further disorientation and obfuscation of users. Studying the phenomena of the Internet environment allows, on the one hand, to gain a greater understanding of public opinion and attitudes and, on the other hand, to delve deeper into the problems of users’ understanding and perception of information. The behavior of Internet users in the Chinese segment of the Internet is attractive due to its peculiarities related to censorship and certain technical limitations. Chinese IT corporations created various social media platforms and microblogs to substitute for the Western web platforms restricted on Mainland China. Being a part of the Chinese internet segment notwithstanding, those platforms are subject to censorship as well. However, despite the apparent technical and political restrictions, the public opinion of Chinese Internet users (mostly netizens) in some cases can contradict the government’s official position. It also allows netizens to lobby their interests, showing that it is possible to express their civic position through the Internet even under the current political censorship conditions, transforming Chinese netizens into real social power.

Key words: new media; social media; social media platforms; Chinese segment of the Internet; public opinion in China

For citation: Nadezhkina E.S. (2022) Features of Social Media and the Rise of Civic Consciousness among PRC Netizens in the 21st Century. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 203–210. (In Russ.)

Появление глобальной сети «Интернет» в 1969 г. стало одним из самых ярких изобретений XX в. К концу XX в. он превратился в глобальный феномен, влияющий на социокультурные процессы, включая появление неологизмов¹. Интернет стимулировал глобализацию, дал возможность ускорить распространение новостей,

¹ См.: *Наумова Е.А.* Интернет и неологизмы в японском языке // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 4 С. 147–155.

однако также и создал больше возможностей для манипуляции информацией, породил различные социальные феномены, невозможные в «доинтернетную» эпоху. Примером может служить появление сообществ и субкультур, созданных исключительно за счет возможностей сети, таких как стримеры, блогеры и т.д., появившиеся благодаря развитию интернет-технологий. Появление «новых медиа» и платформ Web 2.0 увеличили для пользователей возможность создавать собственный контент. В отличие от традиционных СМИ «новые медиа», появившиеся в 1990-е годы, превратили аудиторию из пассивных потребителей информации в ее активных создателей, превратив социальные медиаплощадки в интерактивную среду [Sobande, 2019].

За последние 30 лет термин «новые медиа» активно используется в научном дискурсе, однако общепризнанного определения этого феномена еще нет. В настоящее время «новые медиа» активно изучаются как на Западе (П. Райд, К. Хэйлз, Р. Нойман, Т. Фридман, М. Б.Н. Хансен, Л. Манович), так и в отечественной науке (А.А. Деникин, И.И. Засурский, Е.Л. Вартанова, Г.Н. Неякин и др.). Основными темами исследований являются: определение «новых медиа», их отличия от традиционных СМИ, их же влияние на процессы глобализации и информатизации, вопросы развития киберкультуры и виртуального пространства. Часто «новые медиа» ассоциируют с трансформацией традиционных СМИ под влиянием новых технологий [Нойман, 2010; Райд, Дьюдни, 2006] или рассматривают как медиа нового типа, которые позволяют расширять сознание пользователя, дополняя его виртуальным пространством [Манович, 2011; Фридман, 2005]. «Новые медиа» – это широкий термин, включающий различные феномены новой медиасреды, в том числе и социальные медиаплощадки – интернет-ресурсы, позволяющие пользователям создавать контент, отправлять и получать обратную связь от других участников коммуникации. В более широком смысле социальные медиа – это «различные онлайн-технологии, позволяющие пользователям общаться и взаимодействовать между собой» [Gillin, 2007, 67]. Это формат, дающий возможность всем участникам выражать себя любым доступным способом, предоставляемым современными технологиями.

С появления Интернет в КНР в 1994 г. количество пользователей китайского сегмента постоянно росло. В 1998 г. Министерство общественной безопасности КНР инициировало разработку системы безопасности своего интернет-сегмента под названием «Золотой щит» для блокировки или ограничения доступа к ряду иностранных ресурсов с территории континентального Китая. В 2006 г. проект

был окончательно завершен, и система заработала, ограничивая доступ на отдельные интернет-ресурсы².

Блокировка ресурсов создавала условия для развития платформ-заменителей для внутренних пользователей, что привело к появлению внутри Китая совершенно особых социальных медиаплощадок, конкурирующих между собой. В то же время экономический рост Китая привел к повышению доступности технологий для населения. В ноябре 1997 г. Информационный центр интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC) впервые опубликовал «Статистический отчет о состоянии развития Интернета в Китае». Согласно новому изданию отчета, с декабря по март 2020 г. число пользователей сети в Китае выросло на 85,4 млн³, приблизившись к отметке в один миллиард человек. Требования китайских пользователей к скорости и качеству информации также постоянно растут⁴, что вынуждает социальные медиаплатформы искать новые способы привлекать пользователей.

Другой особенностью закрытого Интернета КНР является цензура. Исследователи подчеркивают три основных механизма из которых состоит концепт цензуры: механизм политических мер, механизм социальных норм и механизм технического цензурирования [Roberts, Zuckerman, Palfrey, 2009]. В Китае активно используются все три механизма. Контроль на уровне государственной политики – осуществляется посредством законов и подзаконных актов, таких как «Закон КНР о сетевой безопасности», «Положение об управлении конфиденциальностью международной сети компьютерных информационных систем» и т.д. (в настоящий момент существует порядка 28 различных законодательных актов, регулирующих вопросы интернет-среды в КНР)⁵. Второй механизм – общественная поддержка цензуры. Так, исследование [Wang, Mark, 2015] показывает, что помимо высокого уровня одобрения действий правительства в КНР, у пользователей КНР вырабатывается отношение к цензуре как к нормальному явлению повседневной жизни, а сама

² Энциклопедия «Байду». 12.05.2014. URL: <https://www.baike.baidu.com/item/金盾工程/9092338?fr=aladdin> (дата обращения: 04.09.2020).

³ Информационный центр интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC). 03.02.2021 URL: http://www.cnnic.cn/hlwfzzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/202102/t20210203_71361.htm (дата обращения: 04.07.2021).

⁴ См.: *Надежкина Е.С.* Изучение китайских социальных медиа-площадок и микроблогов в контексте публичной дипломатии // *Коммуникология*. 2020. Т. 8. № 1. С. 167–179.

⁵ Каковы законы и нормативные акты по безопасности информационных сетей // *Юридический портал Хуалю Ван*. 30.03.2020. URL: (дата обращения: 19.09.2021).

цензура видится средством защиты от экстремизма и терроризма в Интернете. Третий механизм проявился в создании «Золотого щита» и применении технологий: от автоматической машинной проверки, по ключевым словам, до вычитки сообщений пользователей или использования роботов для комментирования статей и участия в интернет-дискуссиях.

В последние несколько лет все больше исследователей замечают, что китайские пользователи часто обходят технические ограничения с помощью виртуальных частных сетей и подобных технологий. Обзоры комментариев под статьями на различных социальных медиаплатформах показывают, что китайские пользователи обходят чувствительные вопросы и поисковые слова с помощью сленга, неологизмов и иных средств, что также подчеркивают исследования других авторов [Fu, Chan, Chau, 2013]. Китайские пользователи также могут открыто выражать свое мнение в сети по отдельным вопросам, вступая в противоречие с государственной идеологией в тех аспектах, которые непосредственно касаются их жизни⁶. В ряде работ⁷ описаны случаи, когда китайские пользователи раскрывали информацию о коррупции или отстаивали «социальную справедливость». Среди примеров случай со взрывом в провинции Цзянси, когда правительство принесло официальные извинения под давлением интернет-сообщества, или дело трудового мигранта Сунь, когда пользователи добились изменения в отношении к трудовым мигрантам со стороны правительства. В конце 2019 г. первые сообщения о начале распространения вируса обнародовали в сеть знакомые врача-офтальмолога из Уханя Ли Вэньляна, который 30 декабря написал о семи подтвержденных случаях заболевания похожего на атипичную пневмонию в WeChat группе с одноклассниками⁸.

Жесткое регулирование государственных СМИ приводит к тому, что многие пользователи читают и комментируют более «свободные» социальные медиаплощадки, такие как Baidu.com, WeChat,

⁶ Wang D., Mark G. Internet Censorship in China // ACM Transactions on Computer-Human Interaction. 2015. Vol. 22. No. 6. Pp. 1-22. URL: <https://www.researchgate.net/publication/283477138> (accessed: 20.09.2021).

⁷ Atlai. Within the Wall: Perceptions of Censorship by the Average Chinese Netizen // Torfox. A Stanford project. 2011. URL: <https://www.cs.stanford.edu/people/eroberts/cs181/projects/2010-11/FreedomOfInformationChina/within-the-wall-perceptions-of-censorship-by-the-average-chinese-netizen-2/index.html> (accessed: 20.09.2021).

⁸ Чжоу Цзы. Умер врач Ли Вэньлян: он первым предупредил об эпидемии // Публичный аккаунт WeChat Ли Юэлян. 07.02.2020. URL: <https://www/mp.weixin.qq.com/s/iWE0yaIMReVu77-kNhl-xw> (дата обращения: 19.09.2021).

Weibo и др. В китайском сегменте появляются феномены и явления, свойственные демократическим режимам, но отнюдь не меняющие политические взгляды внутри страны. Отдельные WeChat группы и сообщества, ленты сообщений на социальных медиаплощадках, тематические блоги, становятся не только пространством для групп по интересам, но и площадками для формирования радикальных социальных движений⁹. Термин относится к организованным группам пользователей в КНР, которые участвуют в разнообразных формах «онлайн-самосуда», выслеживая и наказывая людей, которые совершили преступление по мнению самих пользователей, и не были наказаны¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что даже в условиях действия «Золотого щита» и цензуры мнение граждан КНР находит все более активное выражение на социальных медиаплощадках благодаря интенсивному развитию инновационных технологий и повышению уровня жизни. В XXI в. пользователи китайского сегмента сети «Интернет» превращаются в гражданскую силу, которую необходимо изучать для построения более точных схем межкультурного взаимодействия, что является необходимым для создания новых подходов к проблемам межкультурной коммуникации в условиях глобализации и цифровизации¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Деникин А. А.* О некоторых особенностях новых медиа. ГИИ МК РФ. 2014. URL: (дата обращения: 19.09.2021).
2. *Dewdney A., Ride P.* The New Media. Handbook. USA and Canada, 2006.
3. *Friedman T.* Civilization and its discontents: Simulation, subjectivity, and space // G. Smith (Ed.), *Discovering discs: Transforming space and place on CD-ROM.* N.Y., 1999.
4. *Friedman T.* *Electric Dreams: Computers in American Culture.* N.Y., 2005.
5. *Gillin P.* *The New Influencers: A Marketer's Guide to the New Social Media.* Quill Driver Books, 2007.

⁹ *Hatton C.* China's internet vigilantes and the 'human flesh search engine' // BBC. 28.01.2014. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-25913472> (accessed: 20.09.2021).

¹⁰ *Atlai.* Within the Wall: Perceptions of Censorship by the Average Chinese Netizen // Torfox. A Stanford project. 2011. URL: <https://www.cs.stanford.edu/people/eroberts/cs181/projects/2010-11/FreedomOfInformationChina/within-the-wall-perceptions-of-censorship-by-the-average-chinese-netizen-2/index.html> (accessed: 20.09.2021).

¹¹ *Павловская А.В.* Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 1. С. 9–21.

6. Fu K., Chan Ch., Chau M. Assessing Censorship on Microblogs in China: Discriminatory Keyword Analysis and Impact Evaluation of the 'Real Name Registration' Policy // *IEEE Internet Computing*. 2013. Vol. 17. № 3. P. 42–50.
7. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, 2001.
8. Надежкина Е.С. Изучение китайских социальных медиа-площадок и микроблогов в контексте публичной дипломатии // *Коммуникология*. 2020. Т. 8. № 1. С. 167–179.
9. Neuman W.R. *Media technology and society*. Michigan, 2010.
10. Наумова Е.А. Интернет и неологизмы в японском языке // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 4. С. 147–155.
11. Павловская А.В. Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 9–21.
12. Roberts H., Zuckerman E., Palfrey J. 2007 *Circumvention Landscape Report: Methods, Uses, and Tools*. The Berkman Center for Internet & Society. Harvard, 2009.
13. Sobande F. Memes, digital remix culture and (re)mediating British politics and public life // *IPPR Progressive review*. 2019. Vol. 26. № 2. P. 151–160.
14. Wang D., Mark G. Internet Censorship in China // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction* Vol. 22. № 6. P. 1–22.

REFERENCES

1. Denikin A.A. 2014. *O nekotorykh osobennostiakh novikh media [Some Features of New Media]* [Digital source of the State Institute of Art History of the Ministry of Culture of the Russian Federation]. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2014-4/yazyki/3642.html> (accessed: 19.09.2021). (In Russ.)
2. Dewdney A., Ride P. 2006. *The New Media. Handbook*. USA and Canada, Routledge.
3. Friedman T. 1999. *Civilization and its discontents: Simulation, subjectivity, and space*. New York.
4. Friedman T. 2005. *Electric Dreams: Computers in American Culture*. NYU Press.
5. Gillin P. 2007. *The New Influencers: A Marketer's Guide to the New Social Media*. Fresno, California, Quill Driver Books.
6. Fu K, Chan Ch., Chau M. 2013. Assessing Censorship on Microblogs in China: Discriminatory Keyword Analysis and Impact Evaluation of the 'Real Name Registration' Policy. *IEEE Internet Computing*, vol. 17, no. 3, pp. 42–50.
7. Manovich L. 2001. *The Language of New Media*. UK, Cambridge.
8. Nadezhkina E.S. 2020. Izuchenie kitaiskikh sotsial'nykh media ploshchadok I mikroblogov v kontekste publichnoi diplomatii [Chinese social media platforms and microblogging in the context of public diplomacy]. *Communicology*, vol 8, no. 1, pp. 167–179. (In Russ.)
9. Naumova E.A. 2019. Internet I neologizmy v yaponskom yazike [The Internet and neologisms in the Japanese language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp.147–155. (In Russ.)
10. Neuman W.R. 2010. *Media technology and society*. University of Michigan Press.
11. Pavlovskaya A.V. 2020. Globalnoe vs regionalnoe: k voprosu o problemah mezhkulturnoi kommunikatsii v globalnom mire [The Global vs the Regional: Concerning Problems of Intercultural Communication in the Global World]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–21. (In Russ.)
12. Roberts H., Zuckerman E., Palfrey J. 2009. *2007 Circumvention Landscape Report: Methods, Uses, and Tools*. The Berkman Center for Internet & Society, Harvard.

13. Sobande F. 2019. Memes, digital remix culture and (re)mediating British politics and public life. *IPPR Progressive review*, vol. 26, no. 2, pp. 151–160.
14. Wang D., Mark G. 2015. Internet Censorship in China. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, vol. 22, no. 6, pp. 1–22.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021;
одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 26.06.2021;
approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Надежкина Екатерина Сергеевна – кандидат биологических наук, первый заместитель начальника управления международных академических обменов и сотрудничества университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, nadezhkina.cathrine@yandex.ru

About the author

Ekaterina S. Nadezhkina – PhD in Biology, First Deputy Head of International Academic Exchange and Cooperation Department of Shenzhen MSU-BIT University; fellow of the Regional Studies Department of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University, nadezhkina.cathrine@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО «САГИ О ФОРСАЙТАХ» ДЖ. ГОЛСУОРСИ (ПОПЫТКА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

А.С. Лабунова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, anna.labunova@yandex.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социокультурного пространства Великобритании на основе романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Единого мнения в отношении определения термина «социокультурное пространство» на сегодняшний день не существует. В данной работе предпринята попытка выяснить, какими чертами обладает социокультурное пространство в конкретном случае, что лежит в его основе. Социокультурное пространство Великобритании конца XIX – начала XX в. представляет собой постоянно изменяющуюся среду, в которой идет непрерывная борьба между нормами и ценностями двух эпох. Джон Голсуорси в романе очень точно описал жизнь представителей верхушки общества, их идеалы, нормы и ценности, являющиеся основой социокультурного пространства уходящего столетия. Закостенелым, основанным на холодном расчете и жажде наживы представлениям Форсайтов о жизни противопоставляются идеалы и ценности людей творческих, интеллектуалов. Противоречащие друг другу представления о самом важном и дорогом не только не позволяют выходцам из разных социальных групп найти общий язык, но и становятся основой для ожесточенной борьбы, в результате которой социокультурное пространство Великобритании полностью преобразится. Отношение к таким важнейшим составляющим жизни человека как любовь и семья будет переосмыслено, а на смену ценностям материального мира придут идеалы и нормы мира духовного.

Ключевые слова: социокультурное пространство; культурология; художественная литература; Великобритания

Для цитирования: Лабунова А.С. Социокультурное пространство «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси (попытка культурологического анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 211–217.

**SOCIOCULTURAL SPACE OF “THE FORSYTE SAGA”
BY JOHN GALSWORTHY
(CULTUROLOGICAL ANALYSIS)**

Anna S. Labunova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, anna.labunova@yandex.com

Abstract. This article attempts to examine the sociocultural space of the United Kingdom, along with its peculiarities based on “The Forsyte Saga” by John Galsworthy. Today, the notion of such a sociocultural space still provokes heated debate among scholars. This paper is an attempt to define the main characteristics of this during one particular period. The sociocultural space of the UK in the late 19th and early 20th centuries was in a state of flux, where the norms and values of two epochs were in bitter conflict. The main focus of the novel is on the representatives of the elite. The author masterfully depicts the ideals, norms and values that formed the basis of upper-class English life during this time. The Forsytes were a highly conservative family, whose outlook was based on cold calculations and a hunger for profit. By contrast, intellectuals and artists of the time saw this world differently. They valued love, family, and sincerity over cash. These contradictory mindsets form the core of a sharp conflict that completely reshaped the sociocultural space of the United Kingdom (particularly England). The ideals and values of a world of feelings and emotions prevailed over the norms and principles of a more materialistic world, and determined the many peculiarities of the sociocultural space of the new era.

Key words: sociocultural space; culture studies; fiction; the United Kingdom

For citation: Labunova A.S. (2022) Sociocultural Space of “The Forsyte Saga” By John Galsworthy (Culturological Analysis). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 211–217. (In Russ.)

Ученые-гуманитарии часто используют в своих исследованиях понятие «социокультурное пространство». Если попытаться обобщить, что имеется в виду, получится, что социокультурное пространство – это сложное пространство смыслов, знаков, отражение множество аспектов бытия человека. Некоторые авторы (Ремизова [Ремизова, 2012], Шакирова [Шакирова, 2014], Орлова [Орлова, 2017] и др.) предпринимали попытку дать четкое определение «социокультурного пространства», однако эти попытки пока не получили общего признания.

Попробуем разобраться, что такое «социокультурное пространство» с точки зрения культурологии и социологии, а затем уточнить понятие на материале «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси.

Для человека как члена общества пространство – это отражение всех социальных и культурных процессов, основа объяснительной картины мира [Флоренский, 2000].

Социальное пространство по-разному рассматривалось в работах исследователей и теоретиков науки. Исследователь Н.М. Ремизова рассматривает социальное пространство как совокупность социальных статусов и особую форму развития общества [Ремизова, 2012]. П.А. Сорокин считает, что социальное пространство представляет собой социальную вселенную, существующую только там, где есть люди [Сорокин, 1992]. Социальное положение – совокупность связей человека со всеми группами, а также с членами этих групп [там же]. Большое количество вариантов группировки людей обуславливает многомерность социального пространства. Наиболее общими критериями, по утверждению П. Сорокина, являются вертикальный и горизонтальный параметр. В рамках горизонтального параметра люди могут занимать одинаковое положение, однако иерархически они будут находиться на разных ступенях социальной лестницы. Так, существует вертикальная и горизонтальная мобильность.

Социокультурное пространство неразрывно связано с социальной стратификацией. Это – дифференциация группы людей на классы в рамках определенной иерархии. В ее основе лежит неравномерное распределение привилегий, прав, власти и т.д. [там же]. Подобное разделение строится на разных факторах: собственность, доходы, образование, условия жизни, досуг и т.д. На основе этих критериев общество разделяется на социальные классы. Так, социальная дифференциация может проходить по различным пунктам, но в ее основе всегда будет лежать культура конкретного общества.

Основополагающими компонентами любой культуры являются ее нормы и ценности. Если последнее, как отмечает Э. Гидденс, – некие абстрактные идеалы, то нормы представляют собой принципы или правила, которые люди должны соблюдать [Гидденс, 2005]. Нормы и ценности регулируют жизнь общества. Социальные нормы не статичны, как и культура в целом, они подвержены изменениям, отражая трансформации, происходящие в обществе¹. Культурные ценности – это нравственные и эстетические идеалы, традиции и обычаи и т.д.² Ценности передаются через различные элементы культуры (образование, народные традиции, язык) [Агапова, 2016].

В настоящей работе попробуем пойти от общего к частному и попытаться понять, каким содержанием наполняется трудно определяемое «социокультурное пространство» в конкретном случае.

¹ Человек и общество: Культурология. Словарь-справочник / Под ред. О.М. Штомпеля. Ростов-н/Д, 1996. URL: man_society.academic.ru (дата обращения: 13.02.2021).

² Большой толковый словарь по культурологии / Под ред. Б.И. Кононенко. М., 2003. URL: https://www.dic.academic.ru/contents.nsf/enc_culture/ (дата обращения: 13.02.2021).

Речь пойдет о литературном пространстве писателя-реалиста Дж. Голсуорси, которому, по общему признанию, удалось отразить духовную атмосферу и важные особенности культуры Британской империи конца XIX – начала XX в. Писатель сосредоточил свое внимание на том социальном слое, из которого вышел сам. Джону Голсуорси удалось показать динамику развития британского общества на рубеже XIX – начала XX в.

В романе описывается жизнь представителей верхушки общества – собственников капитала, скучных, здравомыслящих людей. Их социокультурное пространство – небольшой замкнутый мир воротил крупного бизнеса, претендующих на аристократизм и элитарность, несмотря на сомнительную родословную. Стремление отгородиться от менее богатых людей, подозрительное отношение к художественной деятельности – очень важная характеристика социокультурного пространства крупной буржуазии. Форсайты искусственно сужают свое жизненное пространство, ограничивают его материальными ценностями и капиталом, удачно вложенным в доходные акции. Произведения искусства для них – материальная ценность. Даже любовь для Сомса – это высшее проявление чувства собственности, он не различает, где мир чувств (любовь), а где мир материальных ценностей (имущества, вещей), приравнивая жену к собственности. Творческая личность Ирэн Эрон до конца остается для Сомса и его семьи неразгаданной тайной. Чем же это можно объяснить? Тем, что богатые Форсайты стремятся перевести категорию «духовного» в сферу материального. Для Сомса нет большего несчастья, чем остаться без денег. Для Ирэн деньги – не главное в жизни. Она сумела доказать, что может прожить и без них. Таким образом, в романе столкнулись два социокультурных пространства – пространство творчества и пространство наживы. Они конфликтуют между собой в вопросе о шкале ценностей.

Потерпев неудачу в браке с Ирэн, Сомс вынужден инициировать бракоразводный процесс, несмотря на то, что это еще один удар по его замкнутому элитарному миру. Отношение Сомса к бракоразводному процессу отражает целый набор ценностей, имеющих важное значение в социокультурном пространстве «Форсайтов». Судебный процесс нанесет удар по репутации уважаемого члена общества. Испортить репутацию – значит потерять свои социальные позиции. Однако законы мира Форсайтов суровы, собственность нуждается в наследнике. Именно это соображение толкает Сомса к окончательному разрыву с Ирэн и браку по расчету с той женщиной, которая обеспечит продолжение рода. Эмоции и страдания отодвинуты на задний план, на первое место выходит чувство долга, ко-

торое Сомс понимает в соответствии с ценностным набором своего класса.

Идеалы, нормы и ценности материалистического мира Сомса Форсайта – характерные черты буржуазии викторианской Англии. Вот только постоянное стремление к материальному обогащению, наращиванию капитала, не приносит радости и удовлетворения.

Только самым умным и чутким Форсайтам дано понять, что их узкий социальный мирок, конструируемый с помощью больших денег, обречен на вымирание. Старый Джолион в конце своей жизни сумел разомкнуть границы этого закрытого пространства и выйти навстречу иным ценностям и подлинным человеческим радостям. Он окончательно понял и красоту природы, и глубину классической музыки, и совершенство женской красоты, и радость общения с сыном и внуками. В отличие от Джеймса Форсайта он умер счастливым и умиротворенным.

Дж. Голсуорси очень точно показал, какие перемены происходили в среде крупной английской буржуазии, как менялось ее социокультурное пространство в начале XX века. Молодой Джолион – литературный антипод Сомса – отказывается от престижной карьеры и посвящает свою жизнь собственной семье и творчеству. Хрустящим банкнотам и банковским счетам он предпочитает тихую жизнь и акварель. Поступок Молодого Джолиона – бунт против материальных ценностей, победа чувств над деньгами. Похожим образом поступает Ирэн. Ирэн и Молодой Джолион – люди, до последнего боровшиеся за любовь и духовные ценности, сумевшие достичь гармонии и взаимопонимания в счастливом браке.

Любовь против жадности, жизнь ради жизни, искренние чувства против холодного расчета, желание изменить этот мир к лучшему против закостенелости взглядов – на фоне этой борьбы ценностей, формируется мировоззрение и личность Джун, Джолли, Холли, Джона и Флер Форсайтов. Мировоззрение и поступки большинства этих героев свидетельствуют о том, что в борьбе материального и духовного в рамках социокультурного пространства «Саги о Форсайтах» одерживает победу последнее.

Маргинальное положение в этом новом мире для Форсайтов заняла единственная дочь Сомса Флёр. Она равнодушна к миру бизнеса. Ей не нужно беспокоиться о деньгах, поддержании своего социального статуса. Флёр капризна и своенравна, очень похожа на своего отца в первую очередь тем, что в ее характере превалируют черты настоящего Форсайта. Девушка не испытывает сочувствия по отношению к другим, ей важнее собственные чувства и эмоции. Флёр с раннего возраста знала, что ее желания – закон для окружающих. Страстно полюбив сына Ирэн Джона, Флёр сумела добиться

взаимности, но разгадать сложную и сильную натуру любимого так и не смогла. Джон отказался от любви во имя долга перед родителями, перед матерью, ставшей когда-то жертвой собственнических инстинктов Сомса. Вновь чувства одержали победу над собственностью.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что социокультурное пространство в романе – это настоящее поле битвы, на котором идет ожесточенная борьба между ценностями и нормами двух эпох. Мир чувств, эстетики, искусства, жизни ради самой жизни берет верх над материальными ценностями, сдается в наем форсайтская биржа. Расчетливость и эгоцентризм уступили место состраданию и искренней заботе об окружающих. На смену нормам и ценностям общества конца викторианской эпохи, которые отражали интересы и мировоззрение преимущественно крупной буржуазии, приходят новые культурные нормы и ценности, медленно, но верно покоряющие социальное пространство. Эти новые представления о самом важном прекрасном и необходимом станут основой социокультурного пространства нового века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аганова В.Н.* К вопросу о культурных ценностях и способах их передачи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 107–113.
2. *Гидденс Э.* Социология. М., 2005.
3. *Орлова Е.В.* Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 149–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-k-opredeleniyuponyatiya> (accessed: 06.07.2021). (In Russ.)
4. *Павловский И.В.* Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 67–76.
5. *Ремизова Н.М.* Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24). С. 158–162.
6. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. URL: <https://www.sociology.knu.ua/sites/default/files/library/elclosed/sorokin.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).
7. *Флоренский П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
8. *Шакирова Е.Ю.* Социокультурное пространство: основания онтологического анализа // Вестник СамГУ. 2014. № 1 (112). С. 15–19. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-osnovaniya-ontologicheskogo-analiza> (дата обращения: 24.04.2021).

REFERENCES

1. Agapova V.N. 2016. K voprosu o kul'turnykh tsennostyakh i sposobakh ikh peredachi [Revisiting cultural values and the means of its reproduction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 107–113. (In Russ.)
2. Giddens A. 2005. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
3. Orlova E.V. 2017. Sotsiokulturnoe prostranstvo: k opredeleniyu ponyatiya [Socio-cultural space definition of the notion]. *Manuscript*, no. 7 (81), pp. 149–152. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-k-opredeleniyu-ponyatiya> (accessed: 06.07.2021). (In Russ.)
4. Pavlovskii I.V. 2014. Sotsiokul'turnoe regionovedenie kak gumanitarnaya spetsial'nost' [Sociocultural Regional Studies as a Special Field in Humanities]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 67–76. (In Russ.)
5. Remizova N.M. Interpretatsiya ponyatiya "sotsiokul'turnoe prostranstvo" v klassicheskoi sotsiologii [Interpretation of notion "socio-cultural space" in classical sociology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (24), pp. 158–162. (In Russ.)
6. Sorokin P.A. 1992. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat. URL: <https://sociology.knu.ua/sites/default/files/library/elclosed/sorokin.pdf> (accessed: 13.02.2021). (In Russ.)
7. Florenskii P.A. 2000. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow, Mysl', pp. 446. (In Russ.)
8. Shakirova E.Yu. 2014. Sotsiokul'turnoe prostranstvo: osnovaniya ontologicheskogo analiza [Social and cultural field: the roots of ontological analysis]. *Vestnik of Samara State University*, no. 1 (112), pp. 15–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-osnovaniya-ontologicheskogo-analiza> (accessed: 24.04.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Лабунова Анна Сергеевна – аспирант, преподаватель кафедры региональных исследований факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, anna.labunova@yandex.com

About the author

Anna S. Labunova – Postgraduate student lecturer at Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, anna.labunova@yandex.com

НАША НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ: ФАТЮЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА ФИЯР МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Н.В. Карташева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, nkartashevamsu@yandex.ru

Аннотация. На факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова в сентябре 2021 г. прошла IX Международная научная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения». Конференция проводится более пятнадцати лет и стала традиционным научным событием в жизни Московского университета. Участники конференции – ученые гуманитарных факультетов МГУ, ведущих московских вузов, университетов России, ближнего и дальнего зарубежья. В рамках шести секций прошел содержательный обмен результатами научных исследований проблем формирования и сохранения индивидуальной и этнической идентичности; феномена автобиографизма и аксиологии творчества; образа творца в исторической памяти и в художественной культуре. Материалами представленных докладов помимо разнообразных художественных текстов стали редкие исторические документы, народная музыка, духовные традиции, материалы этнографических экспедиций, семейные фотографии, разнообразные эгодокументы. Особое место в работе конференции заняла мемориальная секция, развивающая проблематику научного наследия выдающегося ученого Александра Владимировича Ващенко.

Ключевые слова: личность в культуре; факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; исследования памяти; автобиографизм; идентичность; междисциплинарность

Для цитирования: Карташева Н.В. IX Международная научная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» на ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 218–224.

THE 9TH INTERNATIONAL CONFERENCE THE CREATIVE INDIVIDUAL IN THE CULTURAL CONTEXT: READINGS IN MEMORY OF V.I. FATYUSCHENKO

Natalya V. Kartasheva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nkartashevamsu@yandex.ru

Abstract. The 9th International Conference “The Creative Individual in the Cultural Context: Readings in Memory of V.I. Fatyuschenko” was held at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University in September 2021. The conference has existed for more than fifteen years and has become a traditional academic event in the life of Moscow State University. The conference participants are scholars from the humanities faculties of Moscow State University, leading Moscow universities, universities of Russia, near and far abroad. Within the framework of six sections, there was a comprehensive exchange of the research results evaluating the role of personality in traditional and modern cultures, in literature and art, science and culture of daily life. The conference participants focused on the problems of formation and preservation of individual and ethnic identity; the phenomenon of autobiography and the axiology of creativity; the image of the creator in historical memory and arts. The materials of the papers, apart from a variety of artistic texts, included rare historical documents, folk music, spiritual traditions, materials of ethnographic expeditions, family photographs, and various egodocuments. A special place in the conference was occupied by the memorial section that develops the academic heritage of the outstanding scholar Alexander Vladimirovich Vashchenko.

Key words: personality in culture; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University; memory studies; autobiography; identity; interdisciplinarity

For citation: Kartasheva N.V. (2022) The 9th International Conference the Creative Individual in the Cultural Context: Readings in Memory of V.I. Fatyuschenko. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 218–224. (In Russ.)

17–19 сентября 2021 г. на факультете иностранных языков и регионоведения состоялась IX Международная научная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения». Целью конференции является постижение, сохранение и развитие личностного начала в культуре. Научная концепция конференции основана на понимании творчества как культуuroбразующего процесса, лежащего в основе созидательной деятельности человека. Не менее значимым для организаторов и участников конференции является и признание ценности памятования о творческих личностях, оставивших заметный след в национальной и

мировой культуре. Конференция носит имя заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук Валентина Ивановича Фатющенко, стоявшего у истоков культурологического направления на ФИЯР, и само это посвящение свидетельствует о признании первичности персоналистического начала в науке и культуре.

Конференция проводится на факультете иностранных языков и регионоведения начиная с 2005 г. [Ващенко, Моклецова, 2013; Карташева, 2007; 2017; Сидорова, 2009] и уже стала неотъемлемой частью научной жизни не только факультета, но и Московского университета в целом. Среди участников конференции, наряду с представителями ФИЯР, профессора, преподаватели и аспиранты философского, исторического, экономического факультетов и факультета журналистики МГУ. Традиционно активное участие в научном форуме приняли представители таких крупных московских вузов, как МГЛУ, МПГУ, ПСТГУ, МППГУ, МГОУ и др. География иногородних и иностранных участников конференции была представлена университетами и образовательными центрами Венгрии, США, ФРГ, Республики Молдовы и Казахстана; Санкт-Петербургским, Рязанским, Воронежским и Челябинским государственными университетами.

В течение двух дней прозвучало около ста докладов, в которых обсуждались проблемы бытования традиционных культур в современном мире, сохранения историко-культурного наследия и духовных ценностей, а также роли творческой личности в процессе формирования национальной культуры. Также в докладах участников на богатом материале отечественной и зарубежных культур рассматривались актуальные в современной гуманитаристике темы автобиографизма, идентичности и исторической памяти.

На регулярных «Фатющенко-чтениях» давно сложилась особая атмосфера творческого, неформального общения. Постоянные участники конференции, а таких немало, всегда отмечали доброжелательность организаторов и ведущих секций, взаимную заинтересованность участников. «Феномен творческой личности» для многих становился местом открытия новых идей и полезных научных контактов. В 2021 г. в связи с особой эпидемической ситуацией конференция впервые прошла в онлайн-формате, и для организаторов было чрезвычайно важно сохранить ту атмосферу живого интеллектуального обмена, которая создавалась годами. Судя по многочисленным отзывам участников, это удалось.

В приветственном слове декан ФИЯР профессор, доктор филологических наук *Г.Г. Молчанова* подчеркнула значимость конференции для развития междисциплинарных исследований культуры на факультете иностранных языков и регионоведения. Зав.

кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур *Н.В. Карташева*, выступая от имени оргкомитета конференции, отметила большое значение, которое имеет «Феномен» для сохранения и развития традиций научного и творческого созидания, заложенных первыми руководителями кафедры – Валентином Ивановичем Фатющенко и Александром Владимировичем Ващенко.

Первым прозвучавшим на конференции сообщением был рассказ заслуженного профессора МГУ, президента ФИЯР *С.Г. Тер-Минасовой* о жизненном пути Валентина Ивановича Фатющенко. Пронзительные ноты, прозвучавшие в повествовании о тяжелых испытаниях военного детства и послевоенной юности ученого, задали особую доверительную интонацию секции «Творческая личность в истории культуры». В ней прозвучали, среди прочих, сообщения о близких выступающим друзьях, родных и наставниках, оставивших свой след в культуре: художнике-графике Владимире Александрове, философе Петре Алексееве, создателе пансионата МГУ Адаме Гайлеше, современном художнике Павле Отдельнове и др.

Первая и, самая многочисленная секция конференции – «Традиция и творчество в культурах коренных народов», традиционно посвящена памяти заслуженного профессора МГУ, выдающегося индеаниста Александра Владимировича Ващенко. Географическое многообразие представленных в докладах культур удивительно: от коренных народов США, Канады, Бразилии и Австралии, до этнических обществ Сибири и Дальнего Востока. Тематика докладов развивала идеи научной школы профессора А.В. Ващенко: были затронуты проблемы сравнительной мифологии, литератур и культур коренных народов Америки; этнического искусства Тайваня и Австралии; современного состояния традиционных культур народов России – алтайцев-теленгитов, бурят, поморов, бесермян, тувинцев. Завершило работу секции яркое выступление друга и коллеги А.В. Ващенко профессора Университета Нью-Мексико Сюзан Скарберри-Гарсия “Traveling and Creativity in the Work of Bob Dylan and N. Scott Momaday”, в котором осмыслилась взаимосвязь феноменов путешествия и творчества. Широкая междисциплинарная тематика докладов участников секции, интересное и глубокое обсуждение современных проблем этнических культур показывают актуальность творческого наследия А.В. Ващенко для современной гуманитарной науки.

Секция «Феномен автобиографизма в культуре», без преувеличения, стала одной из ярчайших страниц в истории конференции. Участники осветили различные измерения автобиографизма в интеллектуальной, художественной и массовой культуре. Серия до-

кладов профессоров и преподавателей философского факультета была посвящена роли автодокументального текста в философии и осмыслению редкого или малоизученного материала. Кроме этих интереснейших исследований, в секции прозвучали выступления лингвистов, историков, литературоведов и культурологов. Пересечение культурологической и искусствоведческой проблематики, интереснейшие аспекты бытования эго-документов в современном медийном и образовательном пространстве; использование литературных мемуаров в исследованиях культуры повседневности – разные и порой далекие друг от друга темы, подходы, дискурсы и персоналии неожиданно перекликались и взаимодействовали, образуя гармоничное полифоническое целое. Это был замечательный и весьма продуктивный опыт междисциплинарности.

В секции «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» русская культура была представлена и как уникальное самодостаточное явление, и в компаративном аспекте. Поэтическая стихия русской поэзии XX в. была интерпретирована исследователями как особая форма выражения глубинных основ родной культуры, ее ценностного бытия. Представители Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета выразили свой взгляд на понимание основ русской культуры сквозь призму отеческого благочестия, древнерусской книжности, православной педагогики. Секция прошла в рабочей атмосфере дружеского общения и творчества: проникновенно звучали поэтические тексты, визуализация образцов живописи и золотошвейного искусства в презентациях позволила глубже проникнуть в авторский мир докладчиков и их героев. Дискуссионный характер обсуждения сделанных докладов показал востребованность заявленной тематики.

В секции «Человек в зеркале текста: идентичность, память, творчество» участники исследовали идентичность в разнообразных преломлениях: в языке и истории, в литературе и моде, в спорте и живописи. Конструирование идентичности и ее осмысление рассматривались в этническом, национальном, гендерном аспектах. Вторым сквозным мотивом секции стала тема памяти – личной и коллективной; памяти как опоры самосознания и как свидетеля страшных страниц эпохи; памяти как силы, объединяющей людей и разводящей их по разным сторонам затянувшегося этнического конфликта. Тема литературного творчества также была неоднократно затронута в работе этой секции. Она же стала основной в секции, посвященной аксиологическим аспектам литературы. Вообще, нужно заметить, что конференция всегда привлекает значительное число участников-литературоведов. Интерес к герою и автору литературного произведения неизменно приводит к открытию новых

граней человеческой личности, к пониманию неожиданных, непроявленных пересечений индивида и культуры.

Подводя итог, подчеркнем, что комплексное исследование философских, религиозных, фольклорных, литературных, лингвистических, искусствоведческих аспектов творчества сквозь призму личностного начала обладает большим эвристическим потенциалом и позволяет объединить в рамках общего научно-дискуссионного поля представителей различных гуманитарных наук и исследовательских направлений. Заложённая в концепции конференции идея творческой личности как основания культуры способствует созданию новых междисциплинарных связей. Остается только выразить надежду на дальнейшее развитие традиций конференции «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» и реализации ее потенциала в новых интересных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ващенко А.В., Моклецова И.В.* V международная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 159–161.
2. *Карташева Н.В.* О II Международной конференции «Феномен творческой личности в культуре», посвященной памяти профессора Валентина Ивановича Фатющенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 216–218.
3. *Карташева Н.В.* VII Международная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 181–184.
4. *Сидорова С.Ю.* III Международная конференция «Феномен творческой личности в культуре. Фатющенко-ские чтения» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 193–196.

REFERENCES

1. *Vashchenko A.V., Mokletsova I.V.* 2013. V mezhdunarodnaya konferentsiya “Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul’ture: Fatyushchenkovskie chteniya”. [The 5th International Conference the Creative Individual in the Cultural Context: Readings in Memory of V.I. Fatyushchenko] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 159–161. (In Russ.)
2. *Kartasheva N.V.* 2007. II Mezhdunarodnaya konferentsiya “Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul’ture”. [The 2nd International Conference the Creative Individual in the Cultural Context] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 216–218. (In Russ.)
3. *Kartasheva N.V.* 2017. VII Mezhdunarodnaya konferentsiya “Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul’ture”. [The 7th International Conference the Creative Individual in the Cultural Context] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 181–184. (In Russ.)
4. *Sidorova S.Y.* 2009. III Mezhdunarodnaya konferentsiya “Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul’ture”. [The 3rd International Conference the Creative Individual in

the Cultural Context] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 193–196. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 27.08.2021;
approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Карташева Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, nkartashevamsu@yandex.ru

About the author

Natalya V. Kartasheva – PhD, Ass. Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, natkartasheva@gmail.com